Хрон кат №. сист. А. Добролюбов
V

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,

при ближ. участіи Н. Л. БРОДСКАГО, Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА и Н. П. СИДОРОВА.

Выпускъ V.

Ранніе славянофилы.

А. С. ХОМЯКОВЪ, И. В. КИРѢЕВСКІЙ, К. С. и И. С. АКСАКОВЫ.

Составилъ Н. Л. БРОДСКІЙ.

I. Хронологическія даты. II. Вступительныя статьи. III. Статьи И. В. Кирѣевскаго, К. С. Аксакова; избранныя мѣста изъ сочиненій А. Хомякова; И. С. Аксаковъ и газета „Парусъ". IV. Эстика славянофиловъ. V. Поэтическія произведенія А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. С. Аксакова. VI. Библіографія.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., собствен. домъ.
МОСКВА. — 1910.

Л20 Б-3/18а

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,
при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

9(47)

Выпускъ V.

Л20 Б-3/18а

Ранніе славянофилы.

А. С. ХОМЯКОВЪ, И. В. КИРѢЕВСКІЙ, К. С. и И. С. АКСАКОВЫ.

Составилъ Н. Л. БРОДСКІЙ.

Заказ № Ш. 33. Пор. № 7
Журнал / книга имеет: _____ стр. LXV, 206
_____ табл. _____ карт.
№№ вып. _____
в новый пер-т
Примечания: на листѣ; отл. вирь
Расписка отв. за подгот. в переплёт _____

Москва. — 1910.

Л20 Б-3 18а

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,

при ближ. участіи Н. Л. БРОДСКАГО, Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА и Н. П. СИДОРОВА.

9147

Выпускъ V.

Л20 Б3 18а

Ранніе славянофилы.

А. С. ХОМЯКОВЪ, И. В. КИРѢЕВСКІЙ, К. С. и И. С. АКСАКОВЫ.

Составилъ Н. Л. БРОДСКІЙ.

I. Хронологическія даты. II. Вступительныя статьи. III. Статьи И. В. Кирѣевскаго, К. С. Аксакова; избранныя мѣста изъ сочиненій А. С. Хомякова; И. С. Аксаковъ и газета „Парусъ". IV. Эстетика славянофиловъ. V. Поэтическія произведенія А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. С. Аксакова. VI. Библіографія.

инв. 3041

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1910.

ГО . ГУЗЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
П 1979 акт РК-493/30

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки“.

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе историческіе обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными предпріятіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ, заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ, по крайней мѣрѣ, рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться

и къ другимъ источникамъ, напр., къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напр., отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ 4 тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпускается въ свѣтъ первая серія книжекъ, открывающаяся Гоголемъ; за нимъ въ ближайшіе мѣсяцы появятся слѣдующіе выпуски: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Западничество, Славянофильство. Каждая книжка приблизительно въ 10 печ. листовъ будетъ содержать: 1) избранныя сочиненія писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, подборъ важнѣйшихъ ихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ,—словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія; 2) примѣчанія; 3) вводную руководящую статью. Составленіе каждой книжки редакція поручаетъ отдѣльному компетентному лицу. Въ первой серіи участвуютъ: *В. В. Каллашъ*, *А. Д. Алферовъ*, *Н. А. Заозерскій*, *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ* и *Н. Л. Бродскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи «Историко-литературной библіотеки III
Хронологическія даты къ исторіи славянофильства VI
Руководящая статья: «Славянофилы и ихъ ученіе» IX
Матеріалы:

I отдѣлъ. Философскіе, историческіе и общественные взгляды славянофиловъ.

И. В. Кирѣевскій. «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» (текстъ полный) 1
Избранныя мѣста изъ сочиненій А. С. Хомякова 51
Записка К. С. Аксакова «о внутреннемъ состояніи Россіи», представленная Государю Императору Александру II въ 1855 г. (текстъ полный) 69
Дополненіе К. С. Аксакова къ «Запискѣ» (текстъ полный) . 97
Статьи К. С. Аксакова изъ газеты «Молва» 1857 г., №№ 1, 2, 5, 6, 9, 10, 14, 20, 21, 22, 36 (съ вступит. очеркомъ 103
И. С. Аксаковъ и газета «Парусъ». Статья Н. Л. Бродскаго. 123

II отдѣлъ. Эстетика славянофиловъ.

Вступительная статья 130
Статья К. С. Аксакова изъ «Молвы». № 11 137
Отвѣтъ предсѣдателя Общества любителей россійской словесности А. С. Хомякова дѣйствительному члену графу Л. Н. Толстому 140

III отдѣлъ. Поэзія славянофиловъ.

Стихотворенія А. С. Хомякова 143
Стихотворенія К. С. Аксакова 164
Отрывокъ изъ комедіи К. С. Аксакова «Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню» 180
«Зимняя дорога» И. С. Аксакова 193
Стихотворенія И. С. Аксакова 198
Библіографическій указатель 203

Хронологическія даты къ исторіи славянофильства.

1804 г. 1 мая. Родился Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
1806 г. 22 марта. Родился Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.
1808 г. 11 февраля. Родился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.
1817 г. 29 марта. Родился Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ.
1819 г. — Родился Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.
1822 г. А. С. Хомяковъ, по выдержаніи экзамена на степень кандидата математическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, поступилъ на военную службу. Будучи военнымъ, онъ вращался въ кружкахъ декабристовъ и печаталъ стихотворенія въ «Полярной Звѣздѣ» (изд. Рылѣевымъ и Бестужевымъ) 1824 и 1825 гг.
1823 г. 26 сент. Родился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.
1825 г. Ив. В. Кирѣевскій и А. И. Кошелевъ составили (вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Дм. Веневитиновымъ и Рожалинымъ) тайное «Общество любомудровъ». въ которомъ занимались философіей (Шеллингъ) и которое закрыли тотчасъ послѣ 14 декабря.
— На престолъ вступилъ императоръ Николай I.
1827—30 гг. Издавался журналъ «Московскій Вѣстникъ» М. П. Погодинымъ; здѣсь печатались произведенія Хомякова и И. Кирѣевскаго.
1832 г. Издавался въ Москвѣ Ив. Кирѣевскимъ журналъ «Европеецъ». Вышло два номера, на третьемъ журналъ былъ запрещенъ. Однимъ изъ поводовъ къ закрытію журнала послужила статья Ив. В. Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ».
— К. С. Аксаковъ поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета и вскорѣ примкнулъ къ кружку Н. В. Станкевича. Объ этомъ времени К. С. Аксаковъ оставилъ «Воспоминанія студенства 1832—35 гг.» (см. газету «День» 1862 г., №№ 39, 40).
1835 г. К. С. Аксаковъ подъ псевдонимомъ К. Эврипидинъ принималъ участіе въ «Телескопѣ» и «Молвѣ» редакціи В. Г. Бѣлинскаго, съ которымъ онъ тогда былъ очень близокъ.
1836 г. Въ «Телескопѣ» было напечатано «Философическое письмо» Чаадаева.
1838 г. К. С. Аксаковъ принималъ участіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» редакціи Бѣлинскаго (переводы изъ Шиллера и Гёте).
1842 г. Иванъ Аксаковъ, окончивъ училище правовѣдѣнія, поступилъ на гражданскую службу, передъ чѣмъ выразилъ свое раздумье надъ будущей чиновничьей жизнью въ мистеріи «Жизнь чиновника».

1842—1845 гг. Эпоха кружковыхъ споровъ и борьбы славянофиловъ съ западниками.

1844 г. Журналъ «Москвитянинъ» перешелъ въ руки славянофиловъ (3 №№—1845).

— — Окончившій въ 1838 г. Московскій университетъ по историко-филологическому факультету, Ю. Самаринъ защищалъ диссертацію «Θеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій». Въ виду рѣзкой критики церковныхъ преобразованій XVIII в. диссертація появилась въ печати, чуть не на половину обрѣзанная цензурой.

1845 г. Годъ окончательнаго разрыва западниковъ съ славянофилами.

— Дмитрій Александровичъ Валуевъ издалъ «Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ» съ введеніемъ Хомякова. Въ предисловіи впервые печатно была намѣчена программа славянофильской школы.

1846 г. Славянофилы выпустили «Московскій Литературный и Ученый Сборникъ». Критическая статья о «Тарантасѣ» графа Соллогуба, подписанная *М... З... К....* принадлежала Ю. Ѳ. Самарину.

1847 г. К. С. Аксаковъ защитилъ диссертацію «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка», представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности.

— Славянофилы выпустили «Московскій Литературный и Ученый Сборникъ». Три статьи, подписанныя И м р е к ъ, принадлежали К. С. Аксакову.

1848 г. Усиленіе реакціи и учрежденіе Бутурлинскаго комитета.

1849 г. Ю. Самаринъ за «Письма изъ Риги», обсуждавшія отношенія къ Россіи прибалтійскихъ нѣмцевъ, былъ арестованъ, но черезъ десять дней былъ выпущенъ изъ крѣпости благодаря личному вмѣшательству Николая I.

— Ив. Аксаковъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ «либеральномъ образѣ мыслей». Ему былъ предложенъ рядъ вопросовъ по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ въ письмахъ къ отцу, поэмы «Бродяги» и найденныхъ при обыскѣ книгъ. Аксаковъ отвѣтилъ подробно и откровенно. При чтеніи государь Николай Павловичъ сдѣлалъ свои замѣтки и, возвращая рукопись графу Орлову, написалъ: «Призови, прочти, вразуми и отпусти».

1850 г. Послѣ перваго представленія была снята со сцены драма К. С. Аксакова «Освобожденіе Москвы».

1851 г. И. С. Аксаковъ, получивъ отъ мин. внут. дѣлъ графа Перовскаго предписаніе «прекратить авторскіе труды, оставаясь на службѣ», вышелъ въ отставку. Причиной переписки съ министерствомъ была поэма «Бродяга».

1852 г. Подъ редакціей И. Аксакова вышелъ «Московскій Сборникъ», вызвавшій большой переполохъ въ Петербургѣ — въ администраціи и въ цензурномъ комитетѣ.

1853 г. Начало Восточной войны.

— Цензура запретила подготовленный II томъ «Московскаго Сборника». Всѣмъ главнымъ участникамъ: братьямъ Аксаковымъ, Хомякову, Кирѣевскимъ, князю Черкасскому было приказано не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ черезъ Главное управленіе цензуры въ Петербургѣ, что, по свидѣтельству И. Аксакова, «равнялось запрещенію». Всѣ сотрудники были отданы подъ надзоръ полиціи.

1853 г. По порученію Географическаго общества, И. Аксаковъ отправился въ Малороссію для собиранія матеріаловъ объ украинскихъ ярмаркахъ; результатомъ поѣздки къ началу 1857 года явилось громадное изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, вышедшее въ свѣтъ въ 1859 г. и увѣнчанное Демидовской преміей отъ Академіи наукъ и Константиновской медалью отъ Географическаго общества.

1854—55 гг. Севастопольская осада. Кончина государя Николая I и восшествіе на престолъ Александра II.

1855 г. К. С. Аксаковъ черезъ графа Блудова представилъ государю Александру II «Записку о внутреннемъ состояніи Россіи».

1856 г. А. И Кошелевъ сталъ издавать журналъ «Русская Бесѣда», въ сотрудничествѣ со всѣми видными славянофилами.

— 11 іюня умеръ отъ холеры И. В. Кирѣевскій.

— 25 октября умеръ П. В. Кирѣевскій.

1857 г. Вышла газета «Молва», главнымъ сотрудникомъ былъ К. С. Аксаковъ.

1858 г. Учрежденіе Комитета по крестьянскому вопросу.

1858—1860 гг. А. С. Хомяковъ былъ предсѣдателемъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ.

1859 г. Подъ редакціей И. Аксакова вышла газета «Парусъ» и на второмъ № была закрыта.

— Ю. Самаринъ принималъ участіе въ трудахъ редакціонной комиссіи, въ административномъ и хозяйственномъ отдѣленіи.

1860 г. Сентября 23 умеръ отъ холеры А. С. Хомяковъ.

— Декабря 7 умеръ отъ чахотки на островѣ Зантъ К. С. Аксаковъ.

— Прекратилось изданіе «Русской Бесѣды». Общество любителей россійской словесности приступило къ изданію пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Послѣдній IX выпускъ вышелъ въ 1872 году.

1861 г. Подъ редакціей И. Аксакова стала выходить газета «День».

— Изданіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

— Вышелъ I томъ собранія сочиненій К. С. Аксакова

— А. И. Кошелевъ издалъ собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. (I и II т.).

1862 г. На 34 № «День» былъ пріостановленъ, въ октябрѣ вновь вышелъ и существовалъ до 1866 года [1]).

---

[1]) Въ задачи нашего выпуска не входило обозрѣніе позднѣйшей дѣятельности Ивана Аксакова († 27 янв. 1886 г.) и Юрія Самарина († 19 марта 1876 г.), поэтому хронологическія даты къ исторіи «ранняго славянофильства» прерываются въ самомъ началѣ 60 годовъ, со смертью основоположниковъ славянофильской школы.

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХЪ УЧЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Славянофильское ученіе складывалось постепенно. Въ процессѣ выработки оно, какъ всякая доктрина, иногда выражало свои выводы въ крайнихъ формахъ, замѣняло нѣкоторыя точки зрѣнія иными; устраняя неясности, недомолвки въ однихъ случаяхъ, оно привносило ихъ въ другихъ областяхъ. Творцы ученія, сходясь въ общихъ основахъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ иногда расходились между собою. Изслѣдователю необходимо выдѣлить въ этомъ ученіи самое существенное, главное, на чемъ объединялись всѣ; необходимо изъ поля зрѣнія устранить все, что носитъ характеръ случайнаго, временнаго, что могло вырваться у автора въ минуту раздраженія въ полемической борьбѣ, бывшей столь страстной, нервной въ 40 годахъ. До сихъ поръ еще приходится считаться съ фактомъ, что славянофильское ученіе окружено толщей неправильныхъ толкованій, ложныхъ, невѣрныхъ взглядовъ, выросшихъ то на почвѣ предубѣжденій того или другого критика противъ данной доктрины, то въ виду смѣшенія основныхъ частей ученія съ второстепенными, мелочными деталями, то въ силу привычки пускать въ оборотъ сужденія, основанныя на непровѣренныхъ фактахъ и пользующіяся довѣріемъ только благодаря санкціи различныхъ авторитетовъ. Но мало-по-малу туманъ, окутывавшій раннихъ славянофиловъ, начинаетъ разсѣиваться; выступаютъ жи-

выя лица съ печатью яркой индивидуальности... Вмѣсто чудаковъ, одностороннихъ сектантовъ видишь людей съ богатой душевной жизнью, съ высокими думами, возвышенными стремленіями... Въ рѣчахъ ихъ не только ненависть слѣпыхъ фанатиковъ... нѣтъ, вся сложная гамма человѣческихъ настроеній — и скорбь и радость, муки сомнѣнія, горящая вѣра, кротость любви, пламень протеста... Вмѣсто отжившихъ, устарѣлыхъ взглядовъ находишь зерна вѣчныхъ истинъ, непреходящаго значенія, глубокаго смысла... А главное, чувствуешь, что это были живые люди, кипѣвшіе, волновавшіеся, думавшіе, страдавшіе, боровшіеся съ противными мнѣніями, но уважавшіе честное убѣжденіе, цѣнившіе честнаго врага; не застой и спокойную жизнь, но развитіе и движеніе считавшіе цѣннымъ; звавшіе не къ мраку, не къ примиренію съ дѣйствительностью, но жаждавшіе сіянія солнца истины, счастья свободной личности...

Въ виду того, что личности, душевный міръ первыхъ славянофиловъ представляютъ глубокій интересъ и что многія особенности славянофильства, какъ ученія, объясняются своеобразными условіями семейной, домашней обстановки, въ которой росли и развивались Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, И. и К. Аксаковы, Самаринъ, Кошелевъ и др. славянофилы, мы сочли нужнымъ дать ихъ портреты-характеристики передъ изложеніемъ и анализомъ самой доктрины.

Въ патріархальномъ быту, крѣпкіе стариннымъ обычаямъ, вблизи народа, обвѣваемые преданіями и легендами прошлаго, на лонѣ деревенской природы, въ тихихъ дворянскихъ гнѣздахъ вырастали всѣ старшіе славянофилы.

Богучаровскій домъ, гдѣ въ 1804 г. родился и проводилъ первые годы своей жизни Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, сохранялъ преданія о давно минувшемъ, о временахъ царя Алексѣя Михайловича, о

любви тишайшаго государя къ подсокольничьему Петру Хомякову; въ семейномъ архивѣ было много старинныхъ предметовъ. Не даромъ Хомяковъ признавался, что въ головѣ его лежитъ «пропасть преданій» о дѣдовской старинѣ. Въ деревнѣ онъ слышалъ разсказъ, какъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ, умирая бездѣтнымъ, предложилъ своимъ крестьянамъ избрать ему наслѣдника, имъ помѣщика, и какъ крестьяне, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія о родственникахъ Кирилла Ивановича, избрали прадѣда Алексѣя Степановича, затѣмъ и утвержденнаго въ правахъ наслѣдства. Представленіе о мірѣ, важности мірского приговора, значеніе духа общиннаго невольно могло сложиться у мальчика-юноши. Вѣра и глубокое религіозное чувство отличали мать Хомякова, сумѣвшую воспитать сына въ духѣ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній. Алексѣй Степановичъ самъ свидѣтельствуетъ, что матери обязанъ своимъ *направленіемъ*. «Воспитанный въ религіозной семьѣ и въ особенности набожною матерью, я, — говорилъ Хомяковъ, — былъ пріученъ всѣмъ сердцемъ участвовать въ чудной молитвѣ о соединеніи церквей. Когда я былъ еще очень молодъ, *почти ребенкомъ*, мое воображеніе часто воспламенялось надеждою увидѣть весь міръ христіанскій соединеннымъ подъ однимъ знаменемъ истины». Хомяковъ строго исполнялъ всѣ посты по уставу православной Церкви, свято относился ко всѣмъ церковнымъ обрядамъ, вызывая удивленіе и уваженіе со стороны самыхъ ярыхъ противниковъ ортодоксіи. Хомяковъ говорилъ, что держитъ посты потому, что Церковь ихъ установила, что не считаетъ себя въ правѣ становиться выше ея и что дорожитъ этой связью съ народомъ. Въ мелкихъ фактахъ его дѣтства можно вскрыть направленіе мыслей и настроеній его будущей дѣятельности. 10-лѣтній мальчикъ, отыскавъ въ какой-то книгѣ папскую буллу и замѣтивъ въ ней опечатку, спѣшитъ

спросить у своего учителя аббата Boivin, зачѣмъ тотъ считаетъ пашу непогрѣшнымъ, тогда какъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Очевидно, рано стали тревожить пытливый умъ богословскіе вопросы, ставшіе со временемъ главными темами бесѣдъ и сочиненій Хомякова. Проѣзжая съ семьей въ 1815 г. въ Петербургъ, мальчикъ на станціяхъ засматривался на лубочные портреты сербскаго героя, Чернаго Георгія. Пастухъ, ставшій освободителемъ страны отъ турокъ, плѣнилъ юное воображеніе. Бартеневъ, ссылаясь на признанія самого А. С. Хомякова, отсюда ведетъ начало смѣлыхъ думъ Хомякова о славянскомъ братствѣ, его горячаго сочувствія къ нашимъ единомышленникамъ, зародышъ тѣхъ пѣсенъ, которыя сдѣлали имя Хомякова столь извѣстнымъ среди славянъ.

Любопытно, что когда Хомякова съ братомъ привезли въ Петербургъ, имъ обоимъ долго казалось, что они въ какомъ-то языческомъ городѣ, что ихъ непремѣнно заставятъ перемѣнить вѣру, и оба мальчика твердо положили себѣ лучше вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужого закона... Рано стала проявляться въ Хомяковѣ жажда дѣйствованія, потребность борьбы. Лишь только вспыхнуло въ 1821 году возстаніе Греціи, душа семнадцатилѣтняго юноши переполнилась «пылкими желаніями», засвѣтились «мечты воображенія»:

О други! Какъ мой духъ пылаетъ брашной славой,
Я сердцемъ и душой среди войны кровавой.
Свирѣпыхъ варваровъ непримиримый врагъ,
Я мыслью съ греками, сражаюсь въ ихъ рядахъ...
Такъ! все великое въ Элладу призываетъ!..

...Я пойду, друзья, пойду въ кровавый бой,
За счастіе страны, по сердцу мнѣ родной,
И новый Леонидъ Эллады возрожденной,
Я буду жить въ вѣкахъ и памяти вселенной.
Я гряну, какъ перунъ...

Юный мечтатель, воображенію котораго рисовались «лишь стоны, смерть и кровь, ужасный видъ сраженья, и гибель эллиновъ средь праведнаго мщенья», однажды ночью, съ фальшивымъ паспортомъ, ножомъ и 50 руб. въ карманѣ ваточной шинелишки, бѣжалъ изъ дома, намѣреваясь пробраться въ Грецію... но былъ застигнутъ за Серпуховской заставой и приведенъ домой. Долго еще юноша завидовалъ тѣмъ, «кто съ бодрою душой за родину летѣлъ въ кровавый бой»; долго грезилось, какъ «имя витязя, гремя въ вѣкахъ далекихъ, пробудитъ въ гражданахъ весь пламень чувствъ высокихъ и ужасъ въ дерзкихъ пришлецахъ»...

Громадныя умственныя способности, изощренныя блестящимъ образованіемъ, полученнымъ дома и въ Московскомъ университетѣ, невольно обращали вниманіе на Хомякова всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался. Блестящій діалектикъ, онъ еще молодымъ офицеромъ своими возраженіями доводилъ князя А. И. Одоевскаго до бѣшенства, заставилъ Рылѣева — хозяина на вечеринкѣ — безъ шапки убѣжать въ сосѣднюю квартиру. Современникъ отмѣчаетъ о 23-лѣтнемъ «армейскомъ гусарѣ» Хомяковѣ, что «не было предмета, о чемъ бы послѣдній не вступалъ въ словопреніе, и при необыкновенной памяти, будучи чрезвычайно начитанъ, всегда имѣлъ верхъ во всякомъ спорѣ». Погодинъ послѣ ужина, на которомъ присутствовали Хомяковъ, Веневитиновъ, Кирѣевскій, занесъ въ дневникъ слѣдующую замѣтку: шелъ «презанимательный разговоръ объ Онѣгинѣ, о исторіи древней, и потомъ о древнихъ религіяхъ, о которыхъ Хомяковъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія»... «я въ душѣ устыдился своего невѣжества»... Съ теченіемъ времени эрудиція Хомякова, все усиливаясь, достигла грандіозныхъ размѣровъ. А. С. поражалъ энциклопедичностью своихъ познаній. Кошелевъ заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Хомяковѣ, что «не было предмета, который былъ

бы ему чуждъ, или въ которомъ бы тотъ не принималъ участія»... Съ такимъ разносторонне развитымъ умомъ Хомяковъ доставлялъ радость равному таланту, сильному дарованію. Герценъ въ «Дневникѣ» записалъ слѣдующія строки послѣ спора съ Хомяковымъ о «современной философіи»: «Вчера былъ продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ. Удивительный даръ логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ; вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность! Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои; съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученію». Характерно мнѣніе Погодина: «Хомяковъ! — восклицаетъ онъ. — Что это была за натура даровитая, своеобразная! Какой умъ всеобъемлющій, какая живость, обиліе въ мысляхъ, которыхъ у него въ головѣ заключался, кажется, источникъ неизсякаемый, бившій ключомъ при всякомъ случаѣ, направо и налѣво. Сколько свѣдѣній, самыхъ разнородныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ даромъ слова! Чего онъ не зналъ?.. Не было науки, въ которой онъ не имѣлъ бы обширнѣйшихъ познаній, которой не видѣлъ бы предѣловъ, о которой не могъ бы вести продолжительнаго разговора съ спеціалистомъ, или задать ему важныхъ вопросовъ. Кажется, ему оставалось только объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, пополнить нѣсколько пробѣловъ... И въ то же время Хомяковъ писалъ проекты объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескриптовъ, предлагалъ планы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ до малѣйшей подробности сраженія Наполеона, читалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гёте

или Байрона, излагалъ ученіе Едды и буддійскую космогонію... И въ то же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ сугубымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку, и беретъ привилегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности; скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошей за зайцами и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянія въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ св. Владимиру, но не могъ получить его потому, что оказался мусульманиномъ»... Если къ погодинской характеристикѣ прибавить Хомякова-поэта, драматурга, художника, достигшаго въ живописи такихъ значительныхъ успѣховъ, что ему, говорятъ, въ бытность въ Парижѣ, заказана была икона для одной изъ католическихъ церквей, нельзя не почувствовать, что имѣешь дѣло съ крупной индивидуальностью, мощной умственной организаціей, необычайно талантливой и оригинально-своеобразной натурой...

Колоссальная память Хомякова, проглатывавшаго цѣлыя библіотеки лѣтописей, словарей, изслѣдованій, (въ одинъ годъ имъ было выписано изъ-за границы книгъ на 10 тыс. рублей), приводила въ изумленіе современниковъ. «Помню однажды, — вспоминаетъ Кошелевъ, — въ спорѣ богословскомъ съ Кирѣевскимъ Хомяковъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ одного св. отца, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой лавры и которыя только

тамъ и имѣлись. Кирѣевскій усумнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: «Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя провѣрить». Хомяковъ указалъ почти страницу 11 или 13 и мѣсто на этой страницѣ (въ срединѣ), гдѣ находится сдѣланная имъ цитата. По сдѣланной справкѣ, ссылка его оказалась вѣрной». При такой феноменальной памяти діалектическая ловкость, манера аргументировать софизмами была прямо уничтожающей для собесѣдника. Многіе видѣли въ софистическихъ пріемахъ рѣчи Хомякова отсутствіе искреннихъ убѣжденій, безстрастную холодность души. Но самъ Хомяковъ такъ оправдывался, доказывая необходимость подобныхъ орудій въ словесной борьбѣ: «Наше общество такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такой толстой корой, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безсмыслія». И дѣйствительно, Хомяковъ былъ опасный противникъ; онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. По мѣткому опредѣленію Герцена, Хомяковъ, «какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ — отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку. Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ ею: забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе дилетантовъ».

Въ средѣ славянофиловъ Хомяковъ считался авторитетомъ, учителемъ, мнѣніемъ котораго дорожили, къ словамъ котораго особенно прислушивались. Къ нему

обращаются друзья за разъясненіями по разнымъ волнующимъ вопросамъ; для ищущихъ правды Божіей, запутавшихся въ религіозныхъ противорѣчіяхъ Хомяковъ былъ, по словамъ Ю. Самарина, своего рода эмансипаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія. Узнавъ его, люди, расположенные вѣрить, но запуганные и смущенные встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому, неразрѣшимыми, начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи»... Смерть его въ 1860 году отъ холеры показала друзьямъ, кого лишились они въ лицѣ Хомякова. «Вы не повѣрите, — писалъ И. Аксаковъ Соханской, — въ какомъ душевномъ и умственномъ одиночествѣ обрѣтаюсь я послѣ смерти брата и Хомякова». Когда Соханская предположила, что «Посланіе къ сербамъ» составлено И. Аксаковымъ, послѣдній отвѣчалъ ей: «Неужели вы не догадались, что авторъ его Хомяковъ, и *никто другой, кромѣ Хомякова,* и не могъ вѣщать тѣмъ сосредоточеннымъ, ровнымъ тономъ, который, по вашему выраженію, точно внутренній звонъ, что будитъ душу. Такое слово дается въ награду цѣлой жизни, прожитой свято, въ подвигахъ мысли и молитвы». Ю. Самаринъ, много разъ думавшій «поднять съ земли нить размышленій, выпавшую изъ рукъ умирающаго Хомякова», со смиреніемъ сознавался, «что онъ до этой задачи далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душою».

Рядомъ съ Хомяковымъ возвышался Иванъ Кирѣевскій, трагическое лицо, сраженное чудищемъ николаевской дѣйствительности, лишній человѣкъ съ необъятными духовными цѣнностями, не по своей винѣ такъ мало оставившій послѣ себя... Человѣкъ, любившій «одѣвать жизнь въ блестящія краски», видѣлъ въ жизни больше горечи, чѣмъ счастья, прошелъ дорогу, почти сплошь усѣянную терніями. Сильно выра-

женная жажда общественной дѣятельности, потребность активнаго воздѣйствія на массу, — и рядъ неудачъ, ударовъ со стороны грубой внѣшней силы, печать молчанія на устахъ врожденнаго публициста. 21 года Кирѣевскій рѣшилъ всѣ свои силы отдать служенію общему благу. «Не думай, — пишетъ онъ Кошелеву (1827 г.),—чтобы я забылъ, что я русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! Всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ безполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности». Вмѣстѣ съ друзьями и четырьмя братьями онъ мечтаетъ о будущей культурной работѣ. «Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль — благо отечества, и общее средство — литература». Первыя же критическія статьи Кирѣевскаго обратили на себя вниманіе...

Личныя неудачи интимнаго характера закаляютъ его еще болѣе въ стремленіи проявить себя въ общественномъ отношеніи. «Если нѣтъ счастія, есть долгъ, — говоритъ онъ брату. — На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово, и которую, слѣдовательно, я не могу бросить на вѣтеръ». Вотъ осуществилась мечта Кирѣевскаго: въ 1832 году вышелъ журналъ «Европеецъ», привлекшій лучшія литературныя силы того времени. Но второй книжкой журналъ прекратилъ свое существованіе. Въ серьезной философской статьѣ Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ» ген.-адъютантъ Бенкендорфъ увидѣлъ «не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ статьи сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о

литературѣ. Но, — какъ гласитъ оффиціальная бумага, полученная Попеч. Моск. учебн. окр., кн. Голицынымъ, отъ министра нар. просв. кн. Ливена, — стоитъ только обратить нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное; что подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ *свободу*; что *дѣятельность разума* означаетъ у него *революцію*, а *искусно отысканная средина* не что иное, какъ *конституція*. Статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ и, какъ сверхъ того, оная статья, невзирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать». Въ результатѣ — журналъ запрещенъ, цензоръ Аксаковъ (С. Т.) получилъ выговоръ и вскорѣ отставленъ отъ должности, издатель Кирѣевскій сталъ «человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ». Въ 1834 г. отъ издателя «Московскаго Наблюдателя» потребовали исключить изъ списка сотрудниковъ имя Кирѣевскаго. Человѣкъ, родившійся воиномъ, предпочитавшій опасность, борьбу съ препятствіями, посылая въ журналъ статью о стихотвореніяхъ Языкова, скрылъ свое авторство даже отъ близкихъ друзей... 11 лѣтъ молчанія... Неудачной оказалась и попытка получить каѳедру философіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1845 г. получилась возможность опять принять участіе въ журналистикѣ. Но по разнымъ обстоятельствамъ и тутъ дѣло ограничилось только 3 книжками «Москвитянина». А между тѣмъ Кирѣевскій, по собственному признанію, «жаждалъ труда, какъ рыба, еще не зажаренная, жаждетъ воды»... Снова потянулись годы молчанія... Семь лѣтъ молчанія... Въ 1852 г. появилась статья Кирѣевскаго въ «Московскомъ Сборникѣ»,—въ итогѣ приказъ посылать всѣ сочиненія въ главное управленіе цензуры, объявленіе всѣхъ сотрудниковъ «людьми открыто неблагонадежными», гласный полицейскій надзоръ. Опять выну-

жденное молчаніе въ продолженіе 4 лѣтъ и надежда «написать, когда будетъ можно писать, курсъ философіи». А когда въ 1856 г. появилось въ «Русской Бесѣдѣ» начало философскихъ изслѣдованій Кирѣевскаго «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи», въ тої же февральскої книжкѣ было печальное извѣстіе о кончинѣ Кирѣевскаго.

«Преждевременно состарилось лицо Ивана Васильевича, оно носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы»... По словамъ Герцена, на немъ лежалъ «печальный покой морской зыби надъ потонувшимъ кораблемъ»... Жизнь не удалась... Невозможность проявить себя во-внѣ, въ обществѣ, заставила Кирѣевскаго обратить взоръ внутрь, въ душевный міръ, найти тамъ, въ интимныхъ тайникахъ, нѣчто, что могло бы замѣнить земныя волненія и бури. Рано ставшій знакомиться съ философіей, Кирѣевскій неизбѣжно развилъ, усилилъ въ себѣ способность отвлеченнаго мышленія. Анализируя, изучая человѣческую душу, онъ нашелъ, что въ человѣческой психикѣ самое главное — чувство, не разумъ, что логическое сознаніе вноситъ раздвоеніе въ міръ чувствованій, что нравственная личность, разрушаемая многочисленными противорѣчіями, должна быть такъ организована, чтобы стать гармоничной, цѣльной. «Для цѣльной истины нужна цѣльность разума». Вѣра и обнимаетъ всю цѣльность человѣка. «Главный характеръ вѣрующаго мышленія заключается въ стремленіи собрать всѣ отдѣльныя части души въ одну силу, отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объемъ ума сливается въ одно живое единство, и такимъ образомъ возстановляется существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости». «Всякій долженъ связать направленіе своей жизни съ своимъ коренным убѣжде-

ніемъ вѣры, согласить съ нимъ главное занятіе и каждое особое дѣло, чтобъ всякое дѣйствіе было выраженіемъ одного стремленія, каждая мысль искала одного основанія, каждый шагъ велъ къ одной цѣли».

Въ изученіи св. отцовъ церкви и бесѣдахъ со старцами Оптиной пустыни — о. Филаретомъ и Макаріемъ — Кирѣевскій искалъ и нашелъ эту цѣльность духа. Въ твореніяхъ св. отцовъ «истины, ими выраженныя, были добыты ими изъ внутренняго непосредственнаго опыта и передаются намъ не какъ логическій выводъ, который и нашъ разумъ могъ бы сдѣлать, но какъ извѣстія очевидца о странѣ, въ которой онъ былъ».

Мистически настроенный, И. Кирѣевскій съ умиленіемъ преклонялся предъ народной вѣрой; экстазъ, религіозный порывъ налеталъ на него при видѣ молящейся толпы. Вотъ что онъ разсказалъ однажды Герцену: «Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ, и на св. икону, — тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился ей»... Такъ почувствовать могъ только человѣкъ рѣдкой душевной чистоты, рѣд-

кихъ нравственныхъ качествъ. Не даромъ іеромонахъ Оптиной пустыни говорилъ К. Леонтьеву о Кирѣевскомъ: «Онъ былъ весь душа и любовь». «Такихъ людей, — признавался Герценъ, — нельзя не уважать, хотя бы и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи»...

Единомышленникамъ Иванъ Кирѣевскій былъ безконечно дорогъ... «Сердце, исполненное нѣжности и любви, прозрачная чистота кроткой и беззлобной души, какая-то особенная мягкость чувства, горячее стремленіе къ истинѣ, вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовая всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно, глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ, безукоризненное благородство, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни», — такова нравственная личность И. Кирѣевскаго въ описаніи Хомякова.

«Цѣльной и строго послѣдовательной» натуроіі былъ и братъ Ивана Кирѣевскаго, Петръ Васильевичъ. Говорившій и писавшій на 7 языкахъ, онъ замкнулъ въ себѣ колоссальныя знанія, отшатнулся, непримиримый, отъ Запада, и весь ушелъ въ прошлое Россіи, всю жизнь провозясь съ лѣтописями, грамотами и разными актами... Историческіе взгляды его, славянофильскіе въ крайности, оказали большое вліяніе на весь кружокъ. На всю жизнь Петръ Кирѣевскій такъ и остался «великимъ печальникомъ древней Руси», оставивъ послѣ себя только одну статью историческаго характера. Весь смыслъ своей жизни онъ видѣлъ въ изученіи народнаго творчества, собираніи пѣсенъ, былинъ. Глубокая мысль спуститься въ народъ, подслушать сердечные звуки, вникнуть непосредственно въ механизмъ народной души охватила Кирѣевскаго съ такой силой, что съ 1831 г. до конца жизни онъ только и трудился надъ этимъ дѣломъ, то самъ разъ-

ѣзжая по деревнямъ, то получая пѣсни отъ своихъ помощниковъ, Якушкина и Стаховича. Народъ, крестьянинъ былъ для него не объектомъ для научныхъ размышленій или утопическихъ построеній, — жить одной жизнью, одними интересами, дѣлить горе и радость, отдать всѣ силы ему — простому, сѣрому народу, было инстинктивной потребностью, живымъ дѣломъ, душевной необходимостью. Задолго до освобожденія П. Кирѣевскій просто говорилъ: «Сколько государь скажетъ отдать имъ земли моей, столько и отдамъ». Въ страшный голодный 40 годъ онъ роздалъ все, что у него было въ амбарахъ — не только своимъ, но и чужимъ... «Чудная — и чистая душа», говорилъ про него Хомяковъ. «Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности», писалъ И. Тургеневъ. Связанный съ братомъ самой преданной дружбой и любовью, онъ не могъ вынести смерти Ивана и, угрюмый, мрачный отъ разлитія желчи, черезъ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца въ тоскѣ по братѣ скончался...

Застрѣльщикомъ, бойцомъ, своего рода «Бѣлинскимъ славянофильства» былъ Константинъ Аксаковъ. Стремительный, пылкій, онъ былъ высѣченъ изъ одного камня, не зналъ ни противорѣчій, ни сомнѣній. «Мужающій юноша», онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ, — вспоминалъ Герценъ, — не неувѣренное пытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды, а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество»... И въ дѣтствѣ, и въ юности, и въ болѣе зрѣлыхъ годахъ Аксаковъ К. сражался за одно дѣло, молился одному Богу: Россія и народъ русскій — все для него, все въ немъ, кромѣ него — ничего... Свою вѣру и надежды онъ защищалъ съ горячностью, пламенностью, равную которой можно было встрѣтить развѣ у «неистоваго» Виссаріона.

Уже въ дѣтствѣ Константинъ Сергѣевичъ обнаруживалъ способности агитатора, пропагандиста, стремился завербовать послѣдователей своихъ взглядовъ среди близкихъ. Прочитавъ Карамзина, онъ тотчасъ же собиралъ въ своей комнаткѣ братьевъ и сестеръ и заставлялъ ихъ слушать его исторію. Она воспламеняла въ немъ патріотическое чувство. Въ особенности возбудилъ его восторгъ эпизодъ о нѣкоемъ князѣ Вячко, героически погибшемъ... К. С., будучи 12 лѣтъ, установилъ праздникъ Вячки 30 ноября. Въ этотъ день, вечеромъ, Константинъ наряжался съ братьями въ желѣзные латы, шлемы и пр., маленькія сестры въ сарафаны, — всѣ вмѣстѣ водили хороводъ и пѣли пѣсню, сочиненную имъ для этого случая:

«Запоемте, братцы, пѣсню славную,
Пѣсню славную, старинную,
Какъ бывало храбрый Вячко нашъ» и пр.

Затѣмъ слѣдовало угощеніе, — непремѣнно русское, — пился медъ, ѣлись пряники, орѣхи и смоква.

Мать, Ольга Семеновна, содѣйствовала героическому настроенію К. С., воспитывая его на такихъ образцахъ русской поэзіи:

«Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать!»

или

«Мои сыны, питомцы славы,
Красивы, горды, величавы!»

Рано проявилась и другая характерная черта будущаго нетерпимаго славянофила — презрѣніе къ иноземному, отвращеніе къ иностраннымъ языкамъ въ обычной бесѣдѣ. Нѣкоторыя дамы, знакомыя Ольги Семеновны, иногда писали ей на французскомъ языкѣ; записки эти уносились наверхъ, и тамъ всѣ братья, имѣя во главѣ К. С., прокалывали эти записки ножами,

потомъ торжественно сожигали и пѣли хоромъ пѣсню, нарочно сочиненную К. С.: «Заклубися, дымъ проклятья» и проч. Та же экспансивность и нетерпимость остаются въ К. Аксаковѣ и въ позднѣйшее время. Увѣровавъ въ свои идеалы, онъ не принималъ иныхъ воззрѣній, шелъ до конца, доводя до крайности свои убѣжденія. Пророкъ, онъ могъ только громить то, что ненавидѣлъ, страстно чтить, чему однажды поклонился. «И за свою вѣру онъ пошелъ бы на плаху, пошелъ бы на площадь, а когда это чувствуется за словами, — говорилъ Герценъ, — они становятся страшно убѣдительными». Всю страсть, весь пламень своей души онъ перенесъ на русскій народъ. Желая слиться съ мужикомъ, онъ «первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ русскую рубашку съ кривымъ воротомъ», одѣлъ на голову мурмолку, отпустилъ бороду и съ глубокой болью сбрилъ ее, по приказу высшей власти.

Послѣдовательный до мозга костей, К. Аксаковъ во всѣхъ своихъ работахъ, историческихъ, литературныхъ, филологическихъ, исповѣдывалъ одни и тѣ же взгляды. Друзьямъ и недругамъ, вѣрнѣе, *не своимъ*, К. С. всегда рисовался восторженнымъ идеалистомъ, безпредѣльно благороднымъ юношей, вѣчно увлекавшимся и всегда чистымъ сердцемъ. Безпомощный въ практическомъ смыслѣ, онъ почти не покидалъ никогда своей семьи, жался къ ней, только ею и дышалъ. Взрослый, онъ относился къ роднымъ такъ же, какъ въ дни далекаго дѣтства. «Хотя бы гостиная была полна гостей, онъ точно такъ же цѣловалъ руки у отца и ласкался къ нему, какъ бывало въ дѣтствѣ», вспоминалъ о Константинѣ братъ его, Иванъ Сергѣевичъ. Смерть отца поразила К. С., выбила его изъ колеи. Гигантъ желѣзнаго здоровья, за которое знаменитый Оверъ прозывалъ его «печенѣгомъ», онъ вдругъ захирѣлъ, осунулся, и черезъ $1\frac{1}{2}$ года. умеръ отъ легочной чахотки на островѣ Занте. «Грекъ, при-

званный къ умирающему и спѣшившій попросту справить требу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной К. С. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось передать — и если не придется лично, грекъ просилъ ей передать отъ него: *праведникъ скончался;* еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: «Да кто же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?» Ему отвѣчали, что это былъ К. С. Аксаковъ. И что же можно было сказать больше этого?» *(И. Аксаковъ).*

Впечатлѣніе чего-то въ высшей степени чистаго, идеальнаго, — къ слову, К. Аксаковъ умеръ цѣломудреннымъ, дѣвственнымъ — черта, любопытная для эпохи, рабовладѣльческія начала которой не содѣйствовали, какъ извѣстно, отреченію или обузданію до времени физическихъ инстинктовъ, — впечатлѣніе прекрасной души, нравственной личности оставалось у многихъ, у всѣхъ, кто зналъ Константина Сергѣевича. «Теперь прошло не мало времени со смерти К. Аксакова, — вспоминалъ Н. М. Павловъ-Бицынъ, — а встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: не правда ли, всякій разъ, какъ приходилось быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ, послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чисто: какъ-то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя».

Чуждый нетерпимости, врагъ отвлеченнаго, абстрактнаго отношенія къ жизни, горѣвшій пафосомъ самаго горячаго, практическаго дѣйствованія, изучившій русскую жизнь, родную дѣйствительность не по книгамъ, не черезъ міръ утопій и фантастическихъ

представленіи, а въ самой ея подлинной основѣ, въ разныхъ углахъ провинціи, на службѣ въ судѣ, въ Мин. Внутр. дѣлъ, изучая расколъ, положеніе торговли на югѣ и т. д., Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ не зналъ минуты покоя, «пугался отсутствія дѣятельности», былъ весь энергія, воля... При окончаніи училища писалъ онъ: «Покуда живы, будемъ работать и предпринимать такіе труды, какъ будто бы вовсе мы не должны были умирать» — и остался до конца вѣренъ этимъ словамъ. Мысль объ общественномъ благѣ и сознаніе отвѣтственности предъ обществомъ, народомъ, заставляли его спѣшить, напрягали все его существо... Ему хочется

Все вмѣстить, полюбить, всѣмъ земнымъ,
Всѣмъ дыханіемъ жизни упиться,
Всѣмъ блаженствомъ ея молодымъ!..

Жизнь является ему

Не въ блескѣ пышнаго мечтанья,
Не въ ложномъ сладкомъ полуснѣ,
Не съ красотой очарованья...

Грѣхъ искать наслажденій,

Когда теперь сознали мы
Многозначительность стремленій
На Божій свѣтъ — изъ мрака тьмы,
На животворную свободу...

Наслажденіе поэзіей, природой не отвлекаетъ ли отъ дѣла, не разслабляетъ ли волю?.. Аксакову кажется, что его поэтическія наклонности — измѣна долгу гражданина:

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ,
Обреченныхъ страданью и плѣну,
Бѣдныхъ, страждущихъ братій моихъ.

Его возмущаетъ «эгоизмъ благоразумья, возмутительный покой» тѣхъ, кто праздно проходитъ жизненной дорогой. Онъ возстаетъ противъ тѣхъ, кто склоненъ винить внѣшнія обстоятельства, кто любитъ сваливать все на среду, косную, мѣшающую якобы осуществленію своихъ стремленій къ труду.

Для Ивана Аксакова жизнь — подвигъ, онъ готовъ отдать

На подвигъ чистый и прекрасный,
Высокій, стройный, сладкогласный,
Всю жизнь свою, всего себя!..

Нѣтъ нужды, что подвигъ не яркій, что миновала пора «блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной» и что «взамѣну ихъ, борьбы глухой достался подвигъ скучный»...

«Долгій трудъ есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень».

Пусть, пусть «малое дѣло» — лишь бы дѣло, лишь бы дума

О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...

Раскрывая объятія всѣмъ людямъ, поэтъ увѣренъ, что въ каждой человѣческой душѣ онъ найдетъ «много струнъ живыхъ, мгновеній чистыхъ и прекрасныхъ, порывовъ доблестныхъ и страстныхъ и тайну помысловъ святыхъ»... Надо хранить «нетлѣнную красоту» нашей души, страшиться, остерегаться, чтобъ «не залегло» въ нее «начало порчи», эгоизмъ, лѣнь, равнодушье, примиренье...

Да будетъ міръ души моей
Высокой думою настроенъ,
Да не угаснетъ пламень сей,
Да буду въ вѣкъ его достоинъ!

Да тяжесть нашего грѣха
И поклоненіе обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!..
Пускай же юности моей
Не возмущаютъ дѣвы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свѣжительныя грозы!
Но всюду намъ среди пировъ
И всякихъ суетныхъ занятій
Да будутъ слышны вопли братій,
И стонъ молитвъ, и громъ проклятій,
И звуки страшные оковъ!..

Съ такими идеалами вступилъ въ жизнь Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Много плотинъ встрѣчалось ему на пути, безконечныя мытарства выпали на его долю, какъ публициста, — онъ боролся, дѣйствовалъ, побѣждалъ препятствія... Младшій изъ славянофиловъ, онъ по смерти Кирѣевскихъ, Хомякова и брата Константина, взялъ на себя защиту ихъ направленія, былъ послѣднимъ представителемъ «раннихъ славянофиловъ».

Два другихъ видныхъ представителя славянофильства, Ю. Самаринъ и А. Кошелевъ, или развивали въ печати положенія школы или дѣйствовали въ качествѣ практическихъ дѣятелей, осуществляя въ жизни, общественной дѣятельности завѣты старшихъ славянофиловъ. По настроенію, духу, нравственнымъ качествамъ они оба всецѣло принадлежали къ кружку.

ГЛАВА II.

Изъ бѣглаго осмотра портретной галлереи раннихъ славянофиловъ вы невольно выносите впечатлѣніе, что что-то роднитъ ихъ: на ихъ лицахъ, характерныхъ въ отдѣльности, лежитъ общій отпечатокъ, общія стремленія связываютъ ихъ, однѣ и тѣ же мысли сближаютъ ихъ... У всѣхъ нихъ религіозное настроеніе, нравствен-

ныя стремленія, христіанскіе идеалы слились съ горячимъ чувствомъ родины, желаніемъ странѣ свободнаго развитія ея національныхъ особенностей, протестомъ противъ духовнаго рабства, плѣненія предъ иноземнымъ міромъ, съ пламенной вѣрой въ русскій народъ, какъ носителя высшихъ идеаловъ. «Какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительному иностранному вліянію», славянофильство представлялось еще Герцену...

Найти историческіе прецеденты, доказать, что въ прошломъ встрѣчались подобные же взгляды, — значитъ связать славянофильское ученіе съ развитіемъ нашей общественной мысли, вставить его въ историческую рамку, какъ одно изъ необходимыхъ звеньевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія втянулась въ круговоротъ европейской исторіи, силою вещей подошла къ Западу, съ тѣхъ поръ и возникъ вопросъ объ отношеніи міра восточнаго къ западному, выливаясь у однихъ въ форму безусловнаго усвоенія основъ и всѣхъ особенностей иностранной жизни, у другихъ выростая въ видѣ протеста противъ подражательности и стремленія охранять и уважать тѣ или иныя стороны родной дѣйствительности. Уже въ XVII в. намѣтились два направленія, такъ очерченныя дьякомъ Тимофѣевымъ: «овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу». Въ XVIII в. западное вліяніе охватываетъ русскаго человѣка, конечно, дворянскаго слоя, со всѣхъ сторонъ, «проникая во всѣ сферы жизни, измѣняя понятія и отношенія, напирая одинаково сильно на государственный порядокъ, на общественный и будничный бытъ, внося новыя политическія идеи, гражданскія требованія, формы общежитія, новыя области знанія, переодѣлывая костюмъ, нравы, привычки и вѣрованія, перелицовывая наружный видъ и перестраивая духовный складъ русскаго человѣка» (Ключевскій).

Въ итогѣ — характерная фигура культурнаго межеумка, лишняго человѣка въ своей странѣ. Историкъ нашихъ дней мѣтко заклеймилъ людей этого типа, жившихъ чужимъ, по большей части французскимъ, умомъ, чужими чувствами: «Всю жизнь помышляя о европейскомъ обычаѣ, о просвѣщенномъ обществѣ, они старались стать своими между чужими и только становились чужими между своими. Въ Европѣ видѣли въ нихъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ они казались родившимися въ Россіи французами. Если такой субъектъ принимался думать на чужомъ языкѣ, получались представленія, не соотвѣтствовавшія ни русскимъ, ни иностраннымъ явленіямъ. Такому мыслителю не было другого мѣста, какъ между двумя мірами въ нейтральной полосѣ».

Раздумье надъ этимъ ненормальнымъ явленіемъ умственнаго холопства, моральнаго лакейства русскаго человѣка рано запало въ головы нѣкоторыхъ и, указывая на чудовищную неестественность такого положенія вещей, они стали звать «домой», къ себѣ, на родину... Съ самаго же начала петровской эпохи все слышнѣе стали раздаваться голоса защитниковъ самостоятельности, умственной независимости Россіи. Напомнимъ Кантемира, Ломоносова, Веревкина, Николаева, Княжнина, Чулкова, Фонвизина, Новикова, чтобы убѣдиться, что въ нашей литературѣ никогда не замирало стремленіе къ самобытности, національному въ жизни. Славянофильство въ данномъ пунктѣ не является чѣмъ-то новымъ, неожиданнымъ, оно примыкаетъ къ настроенію, давно существовавшему. Вопросъ о самобытности народа, о національномъ самоуваженіи первыя десятилѣтія XIX вѣка поставили на необычайную высоту. Событія этого періода, несомнѣнно, оказали вліяніе на выработку славянофильскаго ученія, служили идейными возбужденіями, направлявшими мысль въ опредѣленномъ направленіи.

Національное возбужденіе почти всѣхъ европейскихъ народовъ, стремленіе къ національному объединенію и освобожденію — одна изъ характернѣйшихъ особенностей европейской исторіи первыхъ десятилѣтій XIX в. Эпоха Наполеона, свергавшаго съ престоловъ монарховъ, перекраивавшаго географическія карты, не считавшагося совершенно съ отдѣльными народностями — ибо «ихъ удѣлъ повиноваться», — видѣвшаго въ нихъ лишь слѣпыя орудія, предназначенныя для осуществленія его цѣлей, — эпоха Наполеона вызвала къ жизни патріотическое одушевленіе, національныя настроенія почти у всѣхъ европейскихъ народовъ. Потребность національной самообороны вызвала возмущеніе въ Италіи, Германіи и другихъ державахъ. Однородное движеніе отмѣчается и въ Россіи. 1812 годъ сыгралъ громадную роль въ умственномъ движеніи нашего общества. Національное чувство окрѣпло, окрылило всѣхъ. Событія отечественной войны, вызвавшія могучія силы народа и колоссальное напряженіе народной энергіи, естественно вызвали въ нашей интеллигенціи стремленіе глубже заглянуть въ народную жизнь, найти въ народѣ основныя движущія силы, главныя начала его жизни. Гвардейская молодежь по преимуществу стала всматриваться въ русскую дѣйствительность, столь чуждую «отцамъ»; здѣсь-то она и нашла цѣнныя залежи умственныхъ и нравственныхъ богатствъ... Ставъ лицомъ къ землѣ, эта молодежь съ жадностью восприняла лозунги своей эпохи, увлеклась всѣмъ національнымъ, самобытнымъ.

Народность — вотъ слово, заставлявшее трепетать сердца нашей интеллигенціи той эпохи. Громко раздаются голоса противъ подражательности иноземному, отстаивается принципъ уваженія *своей* страны съ ея особенностями. Бестужевъ возмущается отсутствіемъ національныхъ чертъ въ нашей культурѣ: «Мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только

къ чужому». «Было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь же летимъ въ тридевятую даль по-нѣмецки». Критикъ спрашиваетъ: «Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ наша муза остается невѣстою-невидимкою!» Необходимо обновленіе, литературѣ нужно «народное содержаніе». Кюхельбекеръ (въ 1824 г.) заявляетъ, что «вѣра праотцевъ, нравы, отечественныя лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя — лучшій, чистѣйшій, вѣрнѣйшій источникъ для нашей словесности». Въ кружкѣ декабристовъ находится рядъ писателей, дѣятельно разрабатывающихъ народно-историческіе сюжеты... Члены этого же кружка ставятъ своей задачей «питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому иностранному вліянію».

Александръ Муравьевъ и его братья, по словамъ Якушкина, «были враги всякой нѣмчизнѣ». Грибоѣдовъ въ уста Чацкаго вложилъ свой протестъ противъ пристрастія къ подражательности новаго образованнаго класса:

Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!

Національное пристрастіе сказывается у Кюхельбекера, одѣвшаго своего человѣка въ русскій кафтанъ, у Рылѣева въ его знаменитыхъ русскихъ завтракахъ, состоявшихъ изъ капусты, хлѣба и т. п., у Бестужева, старавшагося замѣнять иностранныя слова русскими (пейзажъ — «видопись», карнизъ — «прилѣпъ», антикварій — «старинарь»), у Пестеля и другихъ авторовъ различныхъ политическихъ проектовъ, вездѣ употре-

блявшихъ древне-русскую терминологію. Рылѣевъ, Кюхельбекеръ и мн. др. преклоняются передъ русскимъ мужикомъ, передъ нѣкоторыми чертами русскаго національнаго характера. Для Кюхельбекера «народъ русскій первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему въ Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ, по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными». Онъ вѣритъ, что русскій народъ «принесетъ міру нравственный плодъ». Идеализируя прошлое Россіи съ ея свободными учрежденіями, Кюхельбекеръ былъ увѣренъ, что «стоитъ только повѣсить вѣчевой колоколъ» и народъ возстанетъ, «ибо народъ въ массѣ его не измѣнился, готовъ принять древніе свои обычаи и сбросить иноземные». Каховскій думалъ, что Петръ Великій, убившій все національное въ Россіи, не совсѣмъ уничтожилъ свободу русскаго народа: «она сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ».

Извѣстныя сочувствія Хомякова, Аксаковыхъ славянскимъ народностямъ имѣли мѣсто, между прочимъ, у князя А. И. Одоевскаго и большой группы тайнаго общества соединенныхъ славянъ. Если мы вспомнимъ, что среди декабристовъ вращался будущій главный вождь славянофильства — А. С. Хомяковъ, можно допустить нѣкоторую степень вліянія на него тѣхъ націоналистическихъ настроеній, которыя мы сейчасъ вскрыли.

Намъ представляется также, что христіанская точка зрѣнія славянофиловъ, оцѣнивающихъ событія міра съ высоты моральныхъ, религіозныхъ принциповъ, нашла подкрѣпленіе въ томъ же кружкѣ. Для Рылѣева, Пестеля «первѣйшими и непремѣннѣйшими обязанностями человѣка являются обязанности, отъ Бога посредствомъ вѣры положенныя»; государственныя установленія должны быть согласованы съ законами ду-

ховными; счастье и благоденствіе народное возможны только въ томъ случаѣ, если заповѣди Христа о любви къ ближнему будутъ осуществлены между людьми на самомъ дѣлѣ. Кн. Трубецкой въ § 16 своей «конституціи» отмѣняетъ крѣпостное состояніе и рабство потому, что оно противно вѣрѣ христіанской, по которой всѣ люди — братья. Баронъ Штейнгель говоритъ, что «въ наше время нужно какъ можно дольше держаться религіи».

Итакъ, идея народности, какъ мы видѣли, прочно укоренилась въ сознаніи лучшей части нашей интеллигенціи, былое отрицаніе родины смѣнилось уваженіемъ и любовью къ ея прошлому и настоящему, горячей вѣрой въ грядущее счастье русскаго народа. Съ этой стороны славянофильство 30—40 годовъ тѣсно примыкаетъ къ идеологіи 20 годовъ.

Болѣе точной формулировкѣ національнаго вопроса, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, сильно содѣйствовало философское направленіе, охватившее въ началѣ XIX в. все мыслящее человѣчество. Шеллингъ и Гегель были властителями думъ, царями мысли. Къ книгѣ Гегеля подходили «со страхомъ и вѣрою», говорилъ Огаревъ. «Есть вопросы, — писалъ Грановскій Станкевичу, — на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель, но все, что теперь доступно знанью человѣка и самое знаніе, у него чудесно объяснено». «Мы, да и всѣ его послѣдователи, — вспоминалъ Анненковъ, — изучали Гегеля, какъ новаго Мессію, и кланялись ему, какъ буряты своимъ фетишамъ».

Философія исторіи Шеллинга и Гегеля оказала особенно глубокое вліяніе на европейское и русское общество. По теоріи Шеллинга, каждая народность выражаетъ собой одну сторону человѣчества, должна развивать то начало своей жизни, которое сообщаетъ народу особый характеръ, національность, отличіе отъ

другихъ народовъ. Чѣмъ цѣннѣе, выше это начало, тѣмъ больше правъ имѣетъ народъ на всемірное владычество, иначе онъ низводится на степень второстепенныхъ, неисторическихъ народностей. Гегель признавалъ, что избраннымъ народомъ, воплощающимъ въ себѣ всемірно-историческую идею, является германскій народъ — послѣднее и высшее выраженіе человѣческаго духа; всѣ прочіе народы должны навсегда остаться въ духовномъ плѣненіи у германцевъ, если же желаютъ быть причастными къ общемірової работѣ, должны воспринять культуру германскаго народа. Ни одинъ народъ ничего болѣе цѣннаго и важнаго не внесетъ въ міровую сокровищницу. «Чтобы стать человѣкомъ,— мѣтко сказалъ Ю. Самаринъ, — надо сперва сдѣлать изъ себя германца». Шеллингистская теорія исторіи своей постановкой національнаго вопроса заставила наше мыслящее общество задуматься надъ многимъ... Въ чемъ заключается роль Россіи среди другихъ народовъ человѣчества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составляетъ идейную борьбу въ нашемъ обществѣ 30—40 годовъ.

Съ точки зрѣнія Гегеля, только германскій народъ имѣетъ право на вниманіе: «славяне, — говорилъ философъ, — должны быть выпущены въ нашемъ изложеніи, ибо они составляютъ нѣчто среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ, и потому ихъ вліяніе на постепенное развитіе духа не было достаточно дѣятельно и важно, несмотря на то, что ихъ исторія разнообразно переплетается съ исторіей Европы и сильно въ нее вторгается». Въ 1848 г. въ сборникѣ «Die Gegenwart» встрѣчаемъ: «Славяне — темная масса народностей, лишенная энергіи. Если бы нашъ вѣкъ принадлежалъ славянамъ — это былъ бы ужасный вѣкъ». Итакъ, изъ всемірной исторіи выброшены Россія и всѣ славянскіе народы, они обречены на духовное рабство, обязаны только заимствовать, подражать

германской культурѣ. Философскія системы Шеллинга и Гегеля оказали сильное вліяніе на наше общество. «Самыя ничтожныя книжонки о Гегелѣ исправно выписывались и зачитывались до дыръ, до пятенъ въ нѣсколько дней». «Я былъ заклятымъ шеллингистомъ», говоритъ Кошелевъ. Иванъ Кирѣевскій исходилъ въ своихъ взглядахъ на русскую исторію изъ философіи исторіи Шеллинга. Ю. Самаринъ и К. Аксаковъ, читая Гегеля, стали жаркими послѣдователями его. По словамъ И. Аксакова, братъ его Константинъ въ своей диссертаціи о Ломоносовѣ (1844) «немилосердно натягивалъ и гнулъ тяжеловѣсныя, тугія Гегелевскія формулы подъ свое толкованіе русской исторіи». Бѣлинскій, Бакунинъ, Станкевичъ, Тургеневъ и мн. др., — все гегельянцы, принимавшіе на вѣру каждое слово знаменитаго философа.

Тѣ, кто сталъ отстаивать необходимость для Россіи заимствованій у Запада, видя въ послѣднемъ наисовершенное выраженіе міровой цивилизаціи; кто думалъ, что раньше надо усвоить формы европейской культуры, а потомъ ужъ говорить о выполненіи всемірно-исторической миссіи Россіи; кто полагалъ, что для того, чтобы Россія выросла въ культурномъ отношеніи, она должна повторить, продѣлать всѣ этапы развитія, проіденные Европой, — тѣ и получили названіе «западниковъ». Тѣ же, кто утверждалъ, что отъ пересадки на русскую почву иноземной культуры получится обезличеніе народа; что лишать самобытности, самостоятельной исторической роли русскаго народа нельзя; что необходимо развить свои національныя основы; что русскій народъ создастъ высшую цивилизацію, чѣмъ западная, — тѣ стали называться «славянофилами». Какъ то, такъ и другое направленіе вырабатывалось постепенно, исподволь формулируя свои положенія, мѣняя иногда выводы, то рѣзко расходясь другъ съ другомъ, то сближаясь, сглаживая

шероховатости, устраняя промахи или изъяны. Въ процессѣ уяснения взглядовъ на задачи русской исторіи, на судьбу Россіи въ будущемъ, на значеніе русской народности въ хорѣ культурныхъ европейскихъ державъ особенно возбуждающую роль сыграло «философическое письмо» Чаадаева, появившееся въ «Телескопѣ» въ 1836 г. Оно было какъ бы «перчаткой, которая разъединила мыслящихъ людей того времени на два лагеря» (Аполлонъ Григорьевъ). Западническая точка зрѣнія въ этомъ письмѣ проведена съ совершенной послѣдовательностью [1]).

Какъ противовѣсъ этому крайнему западничеству, возникло славянофильское ученіе, полное вѣры въ цѣнность самобытныхъ началъ Россіи, отстаивавшее самостоятельность національной культуры и увѣренное въ превосходствѣ надъ Западомъ этой культуры. Эпоха, когда складывались оба направленія, помѣшала западникамъ и славянофиламъ правильно оцѣнить сильныя стороны своихъ ученій. За неимѣніемъ возможности открыто высказаться въ печати, раздраженные нападками на самыя несущественныя положенія своей школы, славянофилы смѣшивались съ представителями партіи «оффиціальной народности», изображались какими-то старовѣрами, фанатиками, враждебными прогрессу, всякому движенію впередъ. Погодинъ и Шевыревъ, «подобострастно раболѣпствующіе» передъ николаевскимъ режимомъ, ставились на одну доску съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Аксаковыми. До сихъ поръ повторяется эта легенда, находятся изслѣдователи, думающіе, что статьи «Москвитянина» о гніеніи Запада съ защитой уваровской формулы явля-

---

[1]) См. II выпускъ „Историко-лит. библіотеки“, составленный Ѳ. Нелидовымъ. Въ книгѣ П. Милюкова „Главныя теченія русской исторической мысли“, т. I (періодъ второй, глава V), отчетливо указано, въ чемъ заключалось значеніе Чаадаева для славянофиловъ.

ются отраженіемъ дѣйствительныхъ взглядовъ всѣхъ славянофиловъ. То обстоятельство, что въ «Москвитянинѣ» появлялись по временамъ статьи славянофиловъ, давало западникамъ 40 годовъ поводъ думать о духовной близости славянофиловъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ. Но теперь, имѣя рядъ фактовъ изъ мемуаровъ, воспоминаній, переписки той эпохи, нетрудно убѣдиться въ противномъ. Славянофилы въ самомъ дѣлѣ были связаны узами дружбы съ Погодинымъ, Хомяковъ былъ родственникомъ Языкова, но всѣ они относились отрицательно къ идеологіи «Москвитянина». Хомяковъ помѣщалъ свои статьи въ этомъ журналѣ только потому, что не было другого органа печати, въ которомъ онъ могъ бы высказать свои мысли. Онъ не осуждаетъ тѣхъ, кто отказывается отъ участія въ «Москвитянинѣ», «не заслуживающемъ, дѣйствительно, поддержки» (какъ онъ заявилъ 1845 г. Ю. Самарину), и принимается за статью «не ради журнала, а потому только, что хочетъ досказать недосказанное». Кошелевъ не желаетъ, чтобъ его статья попала въ «Москвитянинъ». Въ 1841 г. Хомякову журналъ представляется какимъ-то «юродивымъ проявленіемъ русскаго толка и смысла». При первой же возможности славянофилы спѣшатъ отмежеваться отъ Погодина и Шевырева, завести свой собственный журналъ. Книжки «Москвитянина», перешедшаго одно время отъ Погодина къ Ивану Кирѣевскому, разнятся отъ обычнаго тона раболѣпствующихъ статей, ранѣе появлявшихся на страницахъ этого журнала.

Необходимо отмѣтить, что еще въ 50 годахъ Чернышевскій, не чувствовавшій, по собственному признанію, ни малѣйшаго влеченія раздѣлять мнѣнія славянофиловъ, писалъ о несправедливости упрековъ со стороны тѣхъ, кто «смѣшивалъ истинныхъ славянофиловъ съ людьми, прикрывающими пустоту и кичливость своихъ мнѣній напыщенными родомонтадами на отры-

вочныя и непонятныя мысли, заимствованными на прокатъ у славянофиловъ». Чернышевскій имѣлъ въ виду Шевырева, «до излишней утрировки» доводившаго мысли Хомякова, Аксакова и ничего общаго по существу съ ними не имѣвшаго. Въ дальнѣйшемъ мы убѣдимся, насколько близко славянофилы стояли къ западникамъ, и поймемъ правильность утвержденія Герцена, что «западная партія только тогда получитъ силу и народную поддержку, когда овладѣетъ темами славянофиловъ».

Многіе изъ славянофиловъ, по свидѣтельству Кошелева, были «ярыми западниками». Лишь одинъ Хомяковъ отстаивалъ всегда тезисы будущей школы. Подъ его вліяніемъ перешелъ къ славянофильскому воззрѣнію К. С. Аксаковъ; Ю. Самаринъ «долгія ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ Хомяковымъ, домогаясь отвѣта мучительнымъ вопросамъ», и также вступилъ въ союзъ славянофиловъ. Кирѣевскіе шли самостоятельнымъ путемъ, безъ непосредственнаго воздѣйствія Хомякова... Такъ постепенно образовался кружокъ славянофиловъ, объединенный одними нравственными стремленіями, шедшій къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ. Въ 1842 г. западники и славянофилы стали другъ противъ друга, выстроились въ боевую позицію, вооруженные одинаковымъ оружіемъ, черпавшіе аргументы и пріемы борьбы изъ одного и того же философскаго источника. Въ началѣ оба кружка жили мирно. «Не соглашаясь почти ни въ чемъ, они, тѣмъ не менѣе, ежедневно сходились, составляли какъ бы одно общество; они, по словамъ Самарина, нуждались одинъ въ другомъ и притягивались взаимнымъ сочувствіемъ, основаннымъ на единствѣ умственныхъ интересовъ и на глубокомъ, обоюдномъ уваженіи». Споры велись обычно въ салонахъ Елагиной, Свербеевой, въ тѣхъ московскихъ гостиныхъ, которыя такъ поэтично описалъ авторъ *Былого и Думъ*. «Ильей Муромцемъ, разив-

шимъ всѣхъ, со стороны славянофиловъ выступалъ Хомяковъ. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя,—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику — логика прочь». Отъ западниковъ выходилъ Герценъ, всегда при входѣ искавшій глазами Хомякова и радостно ему улыбавшійся, предвкушая интересный споръ съ блестящимъ діалектикомъ... Продолжались пренія съ 9 вечера до 4 утра... Боевыми темами были слѣдующіе вопросы: «Предстоитъ ли русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе не внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой самобытный православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія» (Ю. Самаринъ)? Разрѣшить этотъ вопросъ въ ту или иную сторону значило примкнуть или къ западникамъ или къ славянофиламъ. Изъ-за этого вопроса происходили споры, борьба, размолвки, вражда. Въ очеркахъ, посвященныхъ русскому обществу 40 годовъ, читатель найдетъ подробности этой борьбы. Борьба выливалась иногда въ крайнихъ, рѣзкихъ формахъ. Много накипи, личной злобы найдемъ въ мемуарахъ, дневникахъ, статьяхъ людей той эпохи. Трогательныя сцены прощанія К. Аксакова съ Герценомъ, Грановскимъ вскроютъ въ то же время, какъ любили эти враги другъ друга. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ они вновь братски протянутъ другъ другу руки, вмѣстѣ пойдутъ на твердыни бюрократическаго строя, сойдутся на одномъ и томъ же... А Герценъ помянетъ въ «Колоколѣ» смерть К. Аксакова, Хомякова некрологомъ, въ которомъ скажетъ: «Больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ *противниковъ*, которые

ближе намъ были многихъ *своихъ*. Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ *сдѣлали свое дѣло:* они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей. Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда *мы* это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна любовь*, но *неодинаковая*. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество, — чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ *сердце билось одно*».

ГЛАВА III.

Гегель наисовершенное выраженіе Мірового Духа видѣлъ, какъ мы указывали выше, въ германскомъ народѣ, прочіе народы были обречены на жалкую роль учениковъ, способныхъ и годныхъ только на усвоеніе основъ германской цивилизаціи. Славянофиламъ и предстояла задача найти въ русскомъ народѣ то начало, которое было движущимъ, центральнымъ въ ходѣ его развитія, которое не только годно для озаренія смысломъ *его* жизни, но могло бы стать руководящимъ факторомъ міровой исторіи, благодаря которому Россія могла бы играть всемірно-историческую роль. Такимъ началомъ, опредѣляющимъ судьбу всѣхъ государствъ, по мнѣнію славянофиловъ, является *вѣра:* «Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются вѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры», говоритъ Хомяковъ. «Вѣра составляетъ

предѣлъ внутреннему развитію человѣка. Изъ ея округа онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго. Вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переполняетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ бы лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому вѣра есть также высшее общественное начало, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними». «Безъ вѣры, — писалъ И. Кирѣевскій, — жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ его будетъ счетной машиной, сердце — собраніемъ бездушныхъ струнъ, въ которыхъ свищетъ случайный вѣтеръ; никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ. Ибо человѣкъ — это его вѣра». Вѣра эта «не составляетъ чисто-человѣческаго знáнія, не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой-либо познавательной способности, не относится къ одному логическому разуму или сердечному чувству... но обнимаетъ всю цѣльность человѣка»... Такимъ образомъ вѣра, по мнѣнію славянофиловъ, формируетъ мышленіе человѣка, цѣлаго народа, кладетъ отпечатокъ на общественный бытъ, является опредѣляющимъ началомъ всей культуры отдѣльнаго народа. Что же представляетъ Европа и Россія съ этой точки зрѣнія? Гдѣ

вѣра служитъ такимъ основнымъ факторомъ? И гдѣ встрѣчаются изъяны уклоненія, отъ цѣльнаго міровоззрѣнія?

Кирѣевскому современная Европа «представляетъ видъ какого-то оцѣпенѣнія: политическія и нравственныя усовершенствованія остановились въ ней, запоздалыя мнѣнія, обветшалыя формы, какъ запруженная рѣка, плодоносную страну превратили въ болото, гдѣ цвѣтутъ одни незабудки, да изрѣдка блеститъ холодный, блуждающій огонекъ». Жизнь европейская лишена существеннаго смысла, она не проникнута никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ. Почему это? Потому, что «западный человѣкъ исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утратилъ вѣру во всѣ убѣжденія»... Многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе... Этотъ всеразрушающій анализъ, «этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластный разсудокъ или, вѣрнѣе, эта логическая дѣятельность, отрѣшенная отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидаются свои воздушныя, діалектическія построенія», — эта разсудочность европейскаго мышленія мертвитъ все, разъѣдающе дѣйствуетъ на всѣ стороны жизни. Раціонализмъ европейскаго мышленія своей односторонностью сушитъ вѣру, убиваетъ цѣльность сознанія. Вѣра русскаго народа, наоборотъ, не одностороння, *не разсудочна*, она обнимаетъ разсудокъ и чувство, волю и воображеніе въ нѣчто единое, цѣльное, она *разумна* въ высшемъ значеніи этого понятія, отличается полнотой сознанія. «Главное отличіе *православнаго* мышленія, — говоритъ И. Кирѣевскій, — что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ

поднять выше своего обыкновеннаго уровня, стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до чувственнаго согласія съ вѣрой. Первое условіе для такого возвышенія разума заключается въ томъ, чтобы онъ стремился *собрать* въ одну *недѣлимую всѣ свои отдѣльныя силы*, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи *разрозненности* и противорѣчія; чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, несоглашенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ *безошибочнымъ* указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго чувства, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумѣнія высшаго міроустройства; даже, чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага, но чтобы постоянно искалъ въ *глубинѣ души* того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ *всѣ отдѣльныя силы* сливаются въ *одно живое и цѣльное зрѣніе ума*. И *для разумѣнія истины* въ этомъ собраніи всѣхъ душевныхъ силъ, разумъ не будетъ приводить мысль, ему предстоящую, послѣдовательно и отдѣльно на судъ каждой изъ своихъ отдѣльныхъ способностей, стараясь согласить всѣ ихъ приговоры въ одно общее значеніе. Но *въ цѣльномъ мышленіи, при каждомъ движеніи души, всѣ ея струны должны быть слышны въ полномъ аккордѣ, сливаясь въ одинъ гармоническій звукъ*. Ибо православно-вѣрующій знаетъ, что для цѣльной истины нужна цѣльность разума, и исканіе этой цѣльности составляетъ постоянную задачу его мышленія»... Итакъ, вѣра европейскихъ народовъ — односторонняя, разсудочная, далекая отъ дѣйствительнаго христіанскаго идеала, вѣра русскаго народа — отличается полнотой, цѣльностью. Два со-

вершенно различныхъ, противоположныхъ начала проникаютъ основы культуръ міра западнаго и міра восточнаго, славянскаго. И если вѣра, религія составляютъ высшее начало въ жизни каждаго народа, то естественъ выводъ, что въ основу русскаго народа легли высшія начала сравнительно съ западно-европейскими... Стоитъ только окинуть общимъ взглядомъ западно-европейскую и русскую исторію, какъ, стоя на этой метафизической точкѣ зрѣнія славянофиловъ, вы убѣдитесь, сколь различенъ государственный и общественный бытъ, просвѣщеніе, наука и философія на Западѣ и на Востокѣ.

Теологическая основа славянофильства всего полнѣе очерчена въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы». Читатель, продумавшій эту статью (см. отдѣлъ I), не откажетъ въ художественной стройности историко-философской доктринѣ Кирѣевскаго. Онъ признаетъ, что современная славянофиламъ философская теорія Шеллинга наполнилась богатымъ содержаніемъ; найдено основное начало, которое лежало въ основѣ русской жизни; съ точки зрѣнія его русскій народъ не только не оказался выброшеннымъ за бортъ всемірной исторіи, но, наоборотъ, оказался способнымъ играть руководящую роль, такъ какъ былъ хранителемъ высшихъ истинъ. Лица, утверждавшія, что Россія — страна безъ будущаго, что въ ея прошломъ нѣтъ ни одного свѣтлаго явленія, могли найти въ ученіи, формулированномъ, главнымъ образомъ, Кирѣевскимъ, и возраженія и доказательства совершенной неприемлемости пессимистической оцѣнки нашей родины. Но стройное ученіе славянофиловъ при первой же попыткѣ критическаго отношенія къ нему разлетается, какъ идеальная теорія, построенная на однихъ только предположеніяхъ, утвержденіяхъ и почти лишенная фактическаго содержанія, строго провѣрешныхъ историческихъ данныхъ. Кто въ настоящее

время будетъ утверждать, что единственнымъ началомъ, опредѣляющимъ жизнь и исторію страны, является *вѣра*, что экономика, политика и всѣ многообразные факторы, изъ которыхъ слагается живой, творческій организмъ народной жизни, вытекаютъ исключительно изъ религіознаго принципа? Кто будетъ настаивать, что Западная Европа развила въ своей исторической дѣйствительности только начало разсудочное, питалась односторонней пищей силлогизмовъ и «логическихъ убѣжденій», и кто не согласится, что въ жизни своей она являетъ такое богатство и множество духовныхъ цѣнностей, что до сихъ поръ ни одна страна не можетъ сравняться съ ней въ неисчерпаемомъ богатствѣ и полнотѣ этихъ цѣнностей? Кто теперь, мало-мальски знакомый съ русской исторіей, будетъ доказывать, что древне-православная церковь вела государство къ какимъ-то особымъ высшимъ цѣлямъ, что древне-русская жизнь отличалась миромъ, свободой, чужда была враждыі сословій, что въ ней царило единство убѣжденій всѣхъ общественныхъ слоевъ, и т. д.? Теологическая система славянофильскаго ученія представляется намъ абстрактнымъ построеніемъ, явившимся въ свое время, какъ потребность вылить въ философской формѣ чувство національнаго самоуваженія. Это скорѣе литературная теорія, съ романтическими аксессуарами, болѣе идеалистическій порывъ философски-настроеннаго человѣка, чѣмъ трезвый взглядъ, или мнѣніе, опирающееся на наблюденія дѣйствительно совершавшагося, бывшаго.

Мысли Кирѣевскаго встрѣчали возраженія въ средѣ и самихъ славянофиловъ. Хомяковъ, напр., не соглашался, что въ древне-русскомъ общественномъ и частномъ быту христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ. «*Нѣтъ, велико это слово, и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей,*

сказать его объ ней я не могу и не смѣю. Не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства въ мірѣ, которому такую похвалу можно бы было приписать, хотя приблизительно, и, конечно, она *уже слишкомъ непомѣрна для земли,* которой князья не только безпрестанно губили ее своими междоусобіями, но еще безъ стыда и совѣсти опустошали ее мечомъ, огнемъ и разбоемъ союзниковъ, магометанъ и язычниковъ». Вообще не трудно вскрыть ошибки, промахи статьи Кирѣевскаго, но надо помнить, что славянофилы въ своихъ историческихъ и общественныхъ взглядахъ позднѣе становились все болѣе трезвенными, романтическая повязка постепенно слетала съ ихъ глазъ, изученіе подлинной дѣйствительности разбивало ихъ идеалистическія построенія. Съ другой стороны, чтобы правильно оцѣнить славянофильскую доктрину въ ея теологической основѣ, понять славянофильское освѣщеніе прошлаго нашей родины и идеаловъ будущаго, подходить къ ней надо не съ исключительнымъ намѣреніемъ находить историческія невѣрности. Мы видѣли, славянофилы придаютъ главенствующее значеніе *вѣрѣ,* видятъ въ *вѣрѣ* основное начало въ жизни народа. Все ихъ ученіе связано съ религіозными основами. Личная и общественная жизнь оцѣниваются ими исключительно съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Только усвоивъ этотъ взглядъ, принявъ славянофильство, какъ исканіе новыхъ формъ жизни на основѣ морали, какъ преимущественно нравственное ученіе, какъ сумму этическихъ завѣтовъ, можно понять многія особенности въ ученіи славянофиловъ, объяснить тѣ или иные ихъ выводы. По вѣрнымъ словамъ И. Аксакова, «славянофильство не мыслится внѣ религіозной почвы, внѣ христіанскаго идеала»...

«Рѣшительно передъ каждымъ дѣйствіемъ должно думать, согласно ли оно съ ученіемъ Христовымъ. Всѣми силами должны стараться и мысли и дѣйствія

согласовать съ симъ высокимъ ученіемъ», читаемъ мы въ дневникѣ Кошелева. «Ученіе Христово должно перейти въ жизнь; вѣра и жизнь должны заключить союзъ навѣкъ... Ученіе Христа должно... совершенно измѣнить всѣ общественныя отношенія, правила, удовольствія и пр. Или Христово ученіе есть ложь или всѣ мы жестокіе наглецы, называя себя христіанами». Религіозное настроеніе вызываетъ въ Кошелевѣ сознаніе грѣховности своей, какъ рабовладѣльца-помѣщика; чтеніе Евангелія натолкнуло мысль славянофила на крѣпостное право, ужасъ и грѣхъ его существованія. «Стыдно и непонятно, — записалъ Кошелевъ въ дневникѣ, — какъ мы можемъ называть себя христіанами и *держать въ рабствѣ своихъ братьевъ и сестеръ*. Господинъ не можетъ быть христіаниномъ; господство и христіанство не могутъ сосуществовать. Уничтоженіе рабства надобно главнѣйше основать на Христовомъ ученіи о братствѣ». Для Хомякова вопросъ объ освобожденіи крестьянъ также былъ связанъ съ религіозной предпосылкой: «Говоря относительно, — заявляетъ Хомяковъ, — рабовладѣлецъ всегда бываетъ болѣе развращенъ, чѣмъ рабъ: христіанинъ можетъ быть рабомъ, но не долженъ быть рабовладѣльцемъ. Въ краяхъ, гдѣ рабство еще существуетъ, память объ этой великой истинѣ должна быть присуща сознанію всѣхъ людей и устремлять ихъ мысли къ рѣшенію общественнаго вопроса, который, какими бы затрудненіями онъ ни былъ обставленъ, не можетъ быть не рѣшенъ». Кошелевъ собирается организовать кружокъ, въ программу дѣятельности котораго входитъ обязанность всѣхъ его членовъ «проповѣдывать ученіе Христово по догматамъ нашей Церкви, съ примѣненіемъ онаго къ жизни. Доказывать необходимость вѣры вообще... внушать, что теперь болѣе, нежели когда-либо, пришло время ученія Спасителя провести въ жизнь».

Такимъ образомъ, по мнѣнію славянофиловъ, смыслъ жизни заключается въ осуществленіи завѣтовъ Христа. Общество, несомнѣнно, должно быть построено на нравственныхъ основахъ. Не учрежденія, не законы воспитываютъ членовъ этого общества. «Нравственное дѣло, — говоритъ К. Аксаковъ, — должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка, путь свободнаго убѣжденія, путь мира, который открылъ намъ Божественный Спаситель и которымъ шли Его апостолы». Славянофилы мечтаютъ о такомъ строѣ, гдѣ живетъ правда внутренняя. Законъ, принудительная формула отсутствуютъ. Въ этомъ смыслѣ славянофилы, несомнѣнно, являются представителями противогосударственной теоріи, противниками власти, какъ таковой. «Законъ, — говоритъ К. Аксаковъ, — не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобы поступокъ человѣка былъ согласованъ съ его совѣстью; онъ требуетъ, чтобы поступокъ человѣка былъ таковъ, а не другой». Внѣшнія мѣры, налагаемыя во имя закона, «заставляютъ и плута поступать честно, нисколько тѣмъ не исправляя его нравственно». Вѣдь «законъ, — говоритъ К. Аксаковъ, — стремится къ такому совершенству, чтобы вовсе не нужно было быть на самомъ дѣлѣ нравственнымъ человѣкомъ, а чтобы только поступали нравственно и законно. Его цѣль — устроить такой порядокъ вещей, чтобы душа оказалась не нужна человѣку, чтобы и безъ нея... были прекрасные люди и общество благоденствовало». Но «этотъ путь имѣетъ неисчислимыя невыгоды. Прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, — силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительною силою, она

усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокаивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія. Это путь внѣшней правды, путь государства. Этимъ путемъ двинулось западное человѣчество». Государство и учрежденія его мертвятъ жизнь народа. «Передовые умы Запада, — говоритъ К. Аксаковъ, — начинаютъ сознавать, что ложь лежитъ не въ той или другой формѣ государства, а въ самомъ государствѣ»... «Вся сила заключается въ томъ, какъ относится народъ къ государству, какъ къ средству или какъ къ цѣли».

Русскій народъ, по мнѣнію славянофиловъ, народъ безгосударственный. Славяне поставили государство внѣ себя, признали его, какъ чуждое себѣ, невмѣстное съ собою, призвали изъ-за моря князей, какъ внѣшнее средство защиты. «Государство, въ ходѣ русской исторіи, постоянно признавалось землею, какъ нѣчто постороннее... Государство признавало за землею самостоятельность жизни и нравственное право мнѣнія, мысли, совѣта, право обычая... Понималось ясно, что не земля существуетъ для государства, а государство для земли». Между землей и государствомъ должно существовать довѣріе, взаимная любовь, уваженіе. Но могутъ сказать: «Нѣтъ никакого обезпеченія, или народъ или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна!» К. Аксаковъ горячо возстаетъ противъ этого: «Гарантія не нужна! Гарантія есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра... пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла. Вся сила въ идеалѣ. Да и что значатъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ внутренняго на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи». Это противопоставленіе

земли и государства — одна изъ характернѣйшихъ особенностей славянофильскаго ученія — вытекало изъ этическихъ взглядовъ славянофиловъ. Государство не можетъ дѣйствовать иначе, какъ насиліемъ. Ясно, что человѣку надо, можно осуществлять свои идеалы въ иномъ мірѣ. Нравственный союзъ людей противополагается государственному устройству. Таковымъ союзомъ является *община*. Принципъ любви христіанской можетъ реализоваться только въ общинѣ. Важно отмѣтить, что славянофилы и къ общинному устройству подходили съ той же нравственной точки зрѣнія. «Община, — говорилъ К. Аксаковъ, — это дѣйствіе любви, высокое дѣйствіе христіанское»... (См. также отдѣлъ I). Въ ходѣ русской исторіи они видѣли отграниченіе принципа государственнаго отъ начала общиннаго (см. *Записку* К. Аксакова, отдѣлъ I); Русь на земскихъ соборахъ являлась только стороною нравственною...

Такимъ образомъ, мы не ошибемся, говоря, что славянофильское ученіе — по преимуществу ученіе нравственное, аполитическое. Для славянофиловъ идеальнымъ строемъ является такой укладъ, который «основывается на понятіи членовъ общества о братствѣ, правдѣ и милосердіи» (Хомяковъ въ *Посланіи къ сербамъ*). Власть, законъ принадлежатъ государству, силѣ внѣшней. Члены общества, соединяясь въ нравственный союзъ, отрекаются отъ эгоистическихъ притязаній своей личности, гордыни духа, сливаются съ общиной. Осуществляя идеалы христіанства, члены общины не заботятся совершенно о формѣ государственнаго правленія. (Хомяковъ испытывалъ органическое отвращеніе къ политикѣ). Свобода слова, совѣсти, мнѣнія не только право, но и обязанность членовъ общины.

Исходя изъ христіанской точки зрѣнія, славянофилы и пытались найти въ русскомъ народѣ такія

свойства, которыя бы благопріятствовали развитію христіанскихъ началъ, а въ русской исторіи — такія особенности, благодаря которымъ Россія могла бы возвыситься надъ другими народами. Поиски эти, имъ казалось, увѣнчались успѣхомъ. *Смиреніе* — вотъ основное свойство русскаго человѣка, вотъ та первооснова народной души, что влечетъ къ подвигу, что отграничиваетъ насъ отъ европейца, привыкшаго къ позѣ, всякаго рода эффектамъ, фразѣ... Какую другую черту національнаго характера могли выдвинуть славянофилы, считавшіе дѣйствительной силой въ исторіи только нравственныя истины, вѣчныя начала любви и справедливости? *Смиреніе* вѣдь представляетъ такое прекрасное условіе для насажденія именно христіанской любви... *Община* — вотъ форма общежитія, присущая русскому народу, органически сросшаяся съ нимъ. Гдѣ, какъ не въ общинѣ, смиряется гордыня духа, гдѣ всего полнѣе развиваются нравственныя начала? «*Міръ*, — говорилъ Хомяковъ, — для русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія. Можно бы написать легенду на слѣдующую тему: «Русскій человѣкъ, порознь взятый, не попадетъ въ рай, а цѣлой деревни нельзя не пустить». Община вѣрующихъ, спаянныхъ одной православной вѣрой, не вмѣшивающихся въ государственную область—вотъ сущность славянофильскаго ученія, вотъ ихъ коренные идеалы. Такъ смотря на славянофильскую доктрину, мы безъ труда отбросимъ упреки, до сихъ поръ продолжающіе сыпаться на славянофиловъ, будто ихъ ученіе въ общемъ примыкаетъ къ идеологіи защитниковъ системы «оффиціальной народности», на знамени которыхъ были начертаны извѣстныя слова:

«самодержавіе, православіе и народность». Ничего общаго нѣтъ между гг. Уваровыми, Бенкендорфами, Дуббельтами, съ одной стороны, и славянофилами — съ другой. Если славянофилы признавали извѣстное государственное начало въ Россіи, то только потому, что они совершенно равнодушно относились къ формѣ правленія вообще, считали, что принудительная власть во всѣхъ проявленіяхъ можетъ только каменить народную жизнь. Въ этомъ отношеніи въ основѣ славянофильскихъ воззрѣній на власть, несомнѣнно, лежатъ анархическіе инстинкты. Не даромъ Бакунинъ признавалъ извѣстное значеніе въ этомъ смыслѣ за проповѣдью К. Аксакова, писавшаго, напр., такія строки: «Государство, какъ принципъ — зло; ложь лежитъ не въ той или иной формѣ государства, а въ самомъ государствѣ, какъ идеѣ, какъ принципѣ; надобно говорить не о томъ, какая форма хуже и какая лучше, какая форма истинна, какая ложна, а о томъ, что государство, какъ государство, есть ложь». Для Ивана Аксакова «общественный и личный идеалъ человѣчества стоитъ выше всякаго совершеннѣйшаго государства»... Цѣнный комментарій къ славянофильскимъ взглядамъ на государственный принципъ мы находимъ въ письмѣ И. С. Аксакова къ графинѣ Блудовой (15 янв. 1862 г.): «Сущность воззрѣнія брата моего (и Хомякова) состоитъ въ томъ, что русскій народъ не политическій, никогда не бунтовалъ за свои политическія права, а народъ соціальный, имѣющій задачей внутреннюю жизнь, жизнь земскую. Его идеалъ не государственное совершенство, а созданіе христіанскаго общества. Слѣдовательно, его идеалъ выше идеала западныхъ народовъ, которые вѣруютъ въ государство, во внѣшнюю форму, ищутъ только внѣшняго благоустройства, ищутъ истины и воплощенія истины въ государствѣ, и потому безпрестанно мѣняютъ формы государственныя, забывая, что зло не въ

формѣ, а въ самомъ принципѣ. Русскій народъ, напротивъ, равнодушенъ къ формѣ, потому что знаетъ, что дѣло не въ ней, а въ принципѣ, и такъ какъ послѣдній неизбѣженъ въ бытѣ земномъ человѣческаго общества, то онъ старается какъ можно болѣе уберечь отъ него свою внутреннюю жизнь, уберечь не внѣшними средствами, а тѣмъ, что знаетъ ему цѣну и не придаетъ ему особенной важности. Ваше воззрѣніе на государство языческое... Начало государства есть начало принужденія, неволи; начало закона (по апостолу) — грѣхъ. Начало христіанства есть освобожденіе отъ закона, внутренняя свобода: «идѣ же духъ Господень, ту свобода!» Западъ ищетъ спасенія въ законѣ, и вы съ нимъ и съ Чичеринымъ. А русскій идеалъ выше, хотя, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ труднѣе, и непрактиченъ!.. Статьи о земскихъ соборахъ [1]) имѣютъ цѣлью удержать народъ и общество отъ честолюбивыхъ мечтаній политическихъ, которыя непремѣнно зарождаются, если вы укажете на государство, какъ на цѣль, полнѣйшее воплощеніе истины. Народъ захочетъ тогда принять участіе въ государствѣ. Братъ же объясняетъ, что участіе его должно быть чисто-духовное и нравственное, что истина не въ государствѣ, а внѣ его, что его задача — царствіе Божіе... На Западѣ «душа убываетъ», замѣняясь усовершенствованіемъ государственныхъ формъ, полицейскимъ благоустройствомъ; совѣсть замѣняется закономъ, внутреннія побужденія—регламентомъ, даже благотворительность превращается въ механическое дѣло. На Западѣ вся забота — о государственныхъ формахъ. Для насъ же забота та, чтобы государство давало какъ можно болѣе простора внутренней жизни и само бы понимало свою ограниченность, недостаточность. А вы

---

[1]) К. Аксаковъ. Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ. *День* 1861, № 13.

съ Чичеринымъ ставите на первый планъ законъ и принципъ государственный, слѣдовательно, убиваете духъ въ человѣкѣ... Развѣ вы не знаете, что этотъ взглядъ на государство, прежде всего объясненный Хомяковымъ, опредѣлившимъ государство, какъ внѣшнюю правду, одинъ изъ коренныхъ догматовъ славянофильства». Отрицательно относясь къ государственному началу, славянофилы отрицали всякія «гарантіи», потому что конституціонный образъ правленія въ тотъ историческій моментъ, когда жили и дѣйствовали славянофилы, по ихъ мнѣнію, узаконилъ бы массу неустройствъ и золъ тогдашней русской дѣйствительности. Ю. Самаринъ въ 1862 году прямо заявилъ: «Народной конституціи у насъ *пока* быть не можетъ, а конституція не народная, то-есть господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, и есть ложь и обманъ». Въ то время политическіе интересы среди русской интеллигенціи вообще отсутствовали, большого значенія имъ не придавали. Отъ монархической власти, какъ извѣстно, ждали рѣшенія насущныхъ вопросовъ русской жизни такіе люди, какъ Бѣлинскій, писавшій про Николая I, что онъ «одинъ, по своей мудрости и твердой волѣ», способенъ рѣшить крестьянскій вопросъ, Герценъ, первый привѣтствовавшій Александра II именемъ «Освободителя». Славянофиламъ казалось, что самодержавіе можно совмѣстить съ свободой слова, совѣсти. Изъ ихъ среды вылилась пламенная защита *свободнаго слова* (см. отдѣлъ III). Хомяковъ писалъ противъ цензуры, по милости которой «вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ; честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется

продажнымъ и низкимъ душамъ, душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-помалу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія». И. Аксаковъ былъ убѣжденъ, что «стѣсненіе печатнаго слова *есть умерщвленіе жизни общества* и, слѣдовательно, есть дѣло *опасное для самого государства*». Ясно, что славянофилы шли не съ тѣми, кто зажималъ ротъ русскому обществу, кто пытался набивать колодки на народную мысль... Не даромъ славянофилы были такъ ненавистны правительству, въ теченіе цѣлаго царствованія почти лишены были права издавать свои сочиненія, да и позднѣе не одинъ разъ терпѣли крушенія.

Православіе въ знаменитой уваровской формулѣ, какъ извѣстное учрежденіе съ опекой совѣсти, насильственнымъ вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь человѣка, съ его связью съ государствомъ, также мало напоминаетъ церковныя представленія славянофиловъ. Славянофилы идеализировали православную Церковь, но видѣли въ ней принципъ и только, принципъ, рѣзко расходившійся съ тѣми формами, въ которыя онъ вылился. Для Хомякова «Церковь едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой-нибудь мѣстности, потому что ею святится все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой-нибудь народъ или не одна страна». Оффиціальное православіе не по душѣ знаменитому богослову: «Было бы лучше, — говорилъ Хомяковъ, — если бъ у насъ было поменьше оффиціальной политической религіи». Насиліе въ дѣлахъ вѣры славянофилами отвергается самымъ категорическимъ образомъ: «Въ дѣлахъ вѣры, — писалъ Хомяковъ, — принужденное единство есть ложь, а принужденное

послушаніе есть смерть». «Всякое вѣрованіе, всякая осмысленная вѣра есть актъ свободы». Неоднократно подчеркивалъ онъ мысль, что «ни іерархическая власть, ни сословное значеніе духовенства не могутъ служить ручательствомъ за истину; знаніе истины даруется лишь взаимной любви». Извѣстны гуманныя мѣропріятія Ивана Аксакова относительно раскольниковъ, предлагавшіяся имъ въ то время, когда послѣдніе были въ глазахъ правительства своего рода преступниками... Ю. Самаринъ всецѣло примыкалъ къ свободнымъ воззрѣніямъ другихъ славянофиловъ. Въ предисловіи къ сочиненіямъ Хомякова онъ писалъ: «Вѣра — не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее, какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ; а кто вѣритъ, тотъ уважаетъ вѣру; а кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее, какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой-нибудь полицейской службы не что иное, какъ проповѣдь невѣрія, можетъ-быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности. У насъ и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло». Отмѣтимъ кстати, что свои богословскіе трактаты Хомяковъ могъ печатать только за границей...

Что касается послѣдняго устоя уваровской формулы — *народность*, мы знаемъ, что подъ *народностью* тогда разумѣлось крѣпостное право, въ которомъ якобы такъ много патріархальнаго, при которомъ положеніе крестьянина было почти идеальнымъ... Мы сейчасъ узнаемъ, что славянофилы разумѣли подъ «народностью», какъ они смотрѣли на крестьянина. Пока скажемъ, что въ 40 годахъ славянофилы совершенно отчетливо представляли себѣ не только необходимость уничтоженія крѣпостного права, но и самыя формы, въ которыя должна вылиться аграрная реформа. Крестьянинъ долженъ быть освобожденъ съ земельнымъ надѣломъ, въ его быту необходимо сохранить

общинное землевладѣніе, эта идея, позднѣе защищаемая въ печати славянофилами со всей горячностью, легла въ основу всѣхъ проектовъ радикально-демократической интеллигенціи 50—60 годовъ во главѣ съ Чернышевскимъ. Нѣкоторые изъ славянофиловъ принимали, какъ извѣстно, участіе въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Записка Хомякова по крестьянскому вопросу высоко цѣнилась Ростовцевымъ. Отыскивая національныя особенности народной души и народнаго быта, чтобы возвести Россію и русскій народъ на высоту, необходимую для великой страны и великаго народа, что, какъ вы знаете, было исторической необходимостью въ исторіи развитія нашей общественной мысли въ 30—40 годахъ, славянофилы, исходя изъ религіозной точки зрѣнія, нашли одностороннее начало въ народной психикѣ, не укладывающейся въ тѣсныя рамки исключительнаго *смиренія* (хотя и здѣсь есть доля правды), освѣтили наше прошлое и намѣтили будущее весьма своеобразно. Въ ихъ взглядахъ и чаяніяхъ, мы видѣли, больше идеализма, чѣмъ суровой исторической правды. Но тотъ энтузіазмъ, тотъ огонь, которымъ согрѣвалась славянофильская доктрина, невольно заражалъ тѣмъ же настроеніемъ, заставлялъ скептиковъ прислушиваться къ нимъ, сомнѣвающихся быть болѣе вѣрующими... Въ своихъ построеніяхъ славянофилы всегда исходили изъ чувства горячей любви къ народу, могучаго инстинкта родины.

По условіямъ времени ихъ отношеніе къ народу, русской исторіи иногда переходило границы спокойной правды, они доходили до крайностей, видя, напр., въ нашей исторіи своего рода житія святыхъ, въ русскомъ человѣкѣ — избранника, одареннаго добродѣтелями, не имѣющимися ни у одного народа, но мысль, что народъ — громадная движущая сила, но вѣра, что въ немъ, простомъ, забитомъ, загнанномъ народѣ, скрываются великія нравственныя залежи, что нельзя не

любить его, что впередъ итти можно только исходя изъ изученія особенностей его быта, что счастье и благоденствіе Россіи неразрывно зависитъ отъ этой сѣрой крестьянской массы, — это настроеніе мощнымъ потокомъ исходило отъ славянофиловъ, испепеляя на пути всѣ сомнѣнія разочарованной интеллигенціи, уничтожая всѣхъ нытиковъ, гамлетиковъ Щигровскаго уѣзда и прочихъ оторвавшихся отъ родины...

Къ народу лишь свобода низлетѣла, — восклицаетъ К. Аксаковъ, —
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

Въ своихъ историческихъ работахъ славянофилы обращали почти исключительное вниманіе на народную жизнь, выставляли громадное значеніе *земли,* указывали, что нельзя изучать исторію народа только на основаніи походовъ, княжескихъ распрей, эпизодовъ изъ жизни государственныхъ правителей, юридическихъ трактатовъ и т. п. К. Аксаковъ, Хомяковъ отмѣчаютъ односторонность государственной точки извѣстнаго историка Соловьева, заявляютъ, что трудъ Соловьева не что иное, какъ «сборъ оффиціальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенный подъ нѣкоторую систему»; что необходимо изучать народную жизнь на широкомъ фундаментѣ, считаясь съ ея бытовымъ укладомъ, играющимъ также несомнѣнную строительную роль въ исторіи страны. Работы славянофиловъ (преимущественно К. Аксакова), вскрывшія присутствіе въ древне-русской жизни демократическихъ учрежденій — вѣча, сельской общины, указавшія на земскіе соборы и другія особенности, — работы эти служатъ началомъ, изъ котораго исходятъ позднѣйшія воззрѣнія нашихъ юристовъ и историковъ...

Славянофилы неуклонно подчеркивали значеніе массовыхъ движеній въ исторіи народа, при чемъ личности отводили скромную роль въ историческомъ процессѣ (въ этомъ они расходились съ противниками — западниками-историками). Грановскій, напр., писалъ слѣдующія строки о народной массѣ: «Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки или безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи» [1]). Для Хомякова, наоборотъ, «все значатъ народы и мысли, *ими* управляющія или воплощаемыя въ нихъ... Великія историческія явленія производитъ общее стремленіе цѣлаго народа... Въ наше время дѣйствіе личности лишилось величія, потому что личность много утратила своего значенія. Поэзія, величіе принадлежатъ дѣйствію массъ государственныхъ или общественныхъ. Эта поэзія менѣе понятна, менѣе дѣйствуетъ на воображеніе или на умъ непросвѣщенный, но въ сущности она выше поэзіи прошлой эпохи. Конечно, прекрасна и увлекательна мелодія, пропѣтая солистомъ: она кипитъ и блещетъ, дышитъ страстью и разжигаетъ страсть; но она несравненно ниже плавнаго и стройнаго хора, сливающаго безконечное множество голосовъ въ одно величественное цѣлое, уже не горящее мелкою страстью, но освѣщающее всю душу лучами разумной гармоніи». Высоко цѣня народную массу, славянофилы пламенно защищали ту дорогую имъ мысль, чтобы каждый народъ сохранялъ свой національный обликъ, берегъ и развивалъ свои національныя особенности. «Какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, — говорилъ К. Аксаковъ, — такъ и народъ безъ народ-

---

[1]) См. также сочиненія и переписку Бѣлинскаго.

ности». «Надо признать всякую народность; изъ совокупности ихъ слагается общечеловѣческій хоръ. Народъ, теряющій свою народность, умолкаетъ и исчезаетъ изъ этого хора»...

Хранителемъ національныхъ особенностей, всего, что составляетъ отличительныя черты національной физіономіи, для славянофиловъ былъ простой народъ, въ которомъ они видѣли главную силу государства, предъ которымъ они, баре-помѣщики, не преклонились, какъ «кающіеся дворяне», и къ которому не принесли жалости и соболѣзнованія, а подошли какъ къ равному члену общества, имѣющему право на уваженіе... Прочтите въ отдѣлѣ I статью К. Аксакова (№ 9 изъ *Молвы*), — вы убѣдитесь, какими глазами славянофилы смотрѣли на народъ...

Справедливо указывалъ Пыпинъ, что въ этой сторонѣ славянофильскаго ученія скрывается самая свѣтлая, достойная уваженія заслуга его творцовъ. Дѣйствительно, въ эпоху 30—40 годовъ «со стороны славянофиловъ было смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни, придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла господствовавшая офиціальная народность, возвышать этотъ черный народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами; когда считалось, что онъ годится только служить рабочей силой и толпой для народныхъ празднествъ оффиціальной жизни». Славянофилы горячо были убѣждены, что русскій народъ демократиченъ. «Мы будемъ, — восклицалъ Хомяковъ, — какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы... Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви,

правды и добра не призракъ, а сила живая и неумирающая, — зародышъ будущей жизни міровой, не германецъ, аристократъ и завоеватель, а славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію».

Правы ли тѣ, кто въ мурмолкахъ К. Аксакова и Хомякова видѣлъ одно смѣшное, чудаковатое, кто славянофиламъ приписываетъ, будто ихъ идеалы въ прошломъ древней Руси, въ Московскомъ царствѣ, гдѣ они находили одни свѣтлыя, идеальныя стороны; правы ли тѣ, кто считаетъ славянофиловъ націоналистами, слѣпо оберегавшими свое родное только потому, что оно русское, не иноземное, и что въ этомъ смыслѣ они особенно любили допетровскую Русь, какъ не зараженную никакими иностранными вліяніями; справедливо ли мнѣніе, что славянофилы безусловно враждебно относились къ Петру Великому и его реформаторской дѣятельности, что они были врагами европейскаго просвѣщенія, защищали мысль о «гніеніи Запада», — читатель въ помѣщенныхъ ниже матеріалахъ найдетъ всѣ данныя для правильнаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ. Въ 1846 году Бѣлинскій въ *Современникѣ* высказалъ убѣжденіе, что славянофилы хотятъ возвратиться къ допетровской старинѣ, «обратиться для спасенія Россіи къ полупатріархальнымъ нравамъ временъ Котошихина». Ю. Самаринъ тогда же возразилъ, что никто изъ славянофиловъ никогда не высказывалъ такихъ мыслей и что пора перестать навязывать имъ то, чего они никогда не говорили... А. С. Хомяковъ писалъ своему другу: «Сдѣлай одолженіе, *отстрани всякую мысль о томъ, будто возвращеніе къ старинѣ сдѣлалось нашей мечтою.* Исторія свѣтитъ назадъ, а не впередъ, говоришь ты; *но путь пройденный долженъ опредѣлять и будущее направленіе.* Если съ дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу». Путь этотъ — общеніе съ народомъ,

вѣра въ мощныя силы народнаго міра, мысль, что только въ жизни съ нимъ кроется залогъ національной свободы. Въ эпоху, когда на очереди стоялъ народный вопросъ, славянофилы сдѣлали все, что могли. Демократическіе проекты ихъ привѣтствовалъ въ 1856 году знаменитый «желчевикъ» Чернышевскій, находившій въ славянофильскомъ ученіи «элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія». Герценъ лучшія свои западническія вѣрованія въ это время сочеталъ съ славянофильскими принципами. Салтыковъ въ 1857 году писалъ Павлову: «Признаюсь, я сильно гну въ сторону славянофиловъ и нахожу, что въ наши дни трудно держаться иного направленія. Въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія»... И. С. Тургеневъ тогда чувствовалъ тягу къ славянофильству, отдавалъ предпочтеніе Лаврецкому передъ «западникомъ» Паншинымъ... Въ творчествѣ Некрасова того періода легко отмѣтить штрихи славянофильскихъ настроеній [1])...

Если эта сторона славянофильскаго ученія внѣ сомнѣнія вошла въ общественное сознаніе нашей интеллигенціи, можно найти въ исторіи нашей общественной мысли и другіе элементы, связанные съ славянофильской доктриной: философскіе, религіозные взгляды славянофиловъ, ихъ призывъ жить и познавать цѣльнымъ духомъ черезъ Достоевскаго, В. Соловьева и нѣкоторыхъ другихъ мыслителей вливаются и въ современное русское общество...

---

[1]) За недостаткомъ мѣста мы лишены возможности детально освѣтить вопросъ о вліяніи славянофильства въ нашей художественной литературѣ и публицистикѣ. Въ спискѣ лицъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе тѣхъ или иныхъ славянофильскихъ взглядовъ, мы нашли бы Бѣлинскаго, Грановскаго, Бакунина, Герцена, Достоевскаго, Л. Толстого, Влад. Соловьева и многихъ другихъ писателей.

«Какъ тяжело, — восклицалъ Аксаковъ И., — какъ невыносимо тяжело порою жить въ Россіи, въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ — мерзавцевъ, хлѣбосоловъ-взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ — отцовъ и благодѣтелей, взяточниковъ!..» «Чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго!..» Сохранить душу живую въ такой странѣ, въ такую эпоху было немалымъ подвигомъ... Правъ былъ Салтыковъ, когда говорилъ о людяхъ 40 годовъ: «Прочны были эти люди, если и при такой обстановкѣ не изолгались, не сдѣлались отступниками»...

Н. Л. Бродскій.

I. Философскіе, историческіе и общественные взгляды славянофиловъ.

I. Статья И. Кирѣевскаго „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи".

(Письмо къ гр. Е. Е. Комаровскому).

... Конечно, мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе этого вопроса — объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному. Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, можетъ-быть, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній. Однакоже еще не очень давно то время, когда этотъ вопросъ былъ почти невозможенъ, или, что все равно, разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степени, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ той минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи. Тамъ науки процвѣтали, когда у насъ ихъ еще не было; тамъ онѣ созрѣли, когда у насъ только начинаютъ распускаться. Оттого тамъ учители, мы — ученики; впрочемъ, — прибавляли обыкновенно съ самодовольствомъ, — ученики довольно смышленые, которые такъ быстро перенимаютъ, что скоро, вѣроятно, обгонятъ своихъ учителей.

«Кто могъ бы подумать, братцы, — говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ на новоспущен-

номъ кораблѣ, — кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ?— Историки, — прибавилъ онъ, — полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи; оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество [1]) нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя и поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей, могли они, наконецъ, открыть глаза и усвоить себѣ европейское знаніе, искусства и образъ жизни. Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда-нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и переїдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію».

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи, а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или, правильнѣе, въ пересбразованномъ имъ классѣ его народа, и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другого просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи западно-европейскомъ и въ просвѣщеніи европейско-русскомъ произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе во второй половинѣ XIX вѣка достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Западѣ утратили

---

[1]) Петръ употребилъ слово: die Unart.

свою жизненность,—напротивъ, онѣ процвѣтали, повидимому, еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ государствующаго направленія,—напротивъ, борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда, кажется, внѣшняя жизнь не устраивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что, при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что, при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла, ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковой холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ; между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый разрушившій его корни анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ отвлеченный силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластный разсудокъ, или, какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его

разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣе были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но, напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову; можетъ-быть, цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, если бы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ европейской образованности, правда, еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но, очевидно, начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ новѣйшей и, вѣроятно, уже окончательной эпохѣ отвлеченно-философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія недолго остаются достояніемъ ученыхъ каѳедръ. Что нынче выводъ кабинетнаго мышленія, то завтра будетъ убѣжденіемъ массъ; ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ раціональную науку, и не признающаго другого источника истины, кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія и связываются въ одинъ узелъ общаго сознанія, но изъ этого узла, изъ этого общаго сознанія снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образовываютъ ихъ по своему направленію. Оттого нерѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣченная мысль въ головѣ какого-нибудь труженика науки, котораго и лицо едва замѣтно толпѣ, его окружающей, и черезъ

двадцать лѣтъ эта незамѣтная мысль этого незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ ней въ какомъ-нибудь яркомъ историческомъ событіи. Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ бы по своему произволу управлять исторіей, но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего самосознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимаетъ у нея всю силу надъ дѣйствительностію, ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, основывающихъ свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣніяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ внѣшнихъ событій возвышаясь до внутренняго сознанія и отъ внутренняго сознанія снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убѣдились въ односторонности логическаго разума, но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности и, уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познаванія; что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса и, хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ и даже не досягаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общею дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ западный человѣкъ исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума, утративъ вѣру во всѣ убѣжденія, не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, вслѣдствіе развитія этого разума потерялъ и

послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ (такъ сдѣлали многіе; но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума, — такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанію человѣка западнаго, какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Что же оставалось дѣлать для мыслящей Европы? Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ западно-европейской разсудочности? Возвратиться къ этимъ началамъ, какъ они были прежде самаго начала западнаго развитія? Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всѣми обольщеніями и предразсудками западной образованности. Вотъ, можетъ-быть, почему большая часть мыслителей европейскихъ, не въ силахъ будучи вынести ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями, ни жизни односторонне-умственной, прямо противорѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія, чтобы не оставаться совсѣмъ безъ убѣжденій и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ, — обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ, отдаваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча другому и каждый требуя общаго признанія другихъ. Всѣ сдѣлались Колум-

бами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго-силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе, противное тому, какое оно впослѣдствіи произвело на Западъ. Только немногіе, можетъ-быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія разысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Тогда русскіе ученые, можетъ-быть, въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ, говорю я, они были до сихъ поръ обмануты; не потому, чтобы кто-нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ русскаго варварства заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи. Можетъ-быть, и они сами прежде подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать, предъ ихъ глазами; зато и пробужденіе совершается такъ быстро,

что удивлятъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣлявшихъ западное направленіе, и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность русскаго быта, въ себѣ открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста ни пищи въ западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность русскаго быта, не такъ легко, какъ, можетъ-быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность европейская. Европа высказалась вполнѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, можно сказать, докончила кругъ своего развитія, начавшійся въ девятомъ.

Россія, хотя въ первые вѣка своей исторической жизни, была образована не менѣе Запада, однакоже вслѣдствіе постороннихъ и, повидимому, случайныхъ препятствій, была постоянно останавливаема на пути своего просвѣщенія, такъ что для настоящаго времени могла она сберечь не полное и досказанное его выраженіе, но только одни, такъ сказать, намеки на его истинный смыслъ, одни его первыя начала и ихъ первые слѣды на умѣ и жизни русскаго человѣка.

Въ чемъ же заключаются эти начала просвѣщенія русскаго? Что представляютъ они особеннаго отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развилось просвѣщеніе западное? и возможно ли ихъ дальнѣйшее развитіе? и если возможно, то что обѣщаютъ они для умственной жизни Россіи? что могутъ принести для умственной жизни Европы? — Ибо, послѣ совершившагося сопроникновенія Россіи и Европы, уже невозможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія къ Европѣ ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ отношенія къ Россіи.

Начала просвѣщенія русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ европейскихъ. Конечно, каждый изъ народовъ Европы имѣетъ въ характерѣ своей образованности нѣчто особое; но это частныя, племенныя и государственныя или историческія особенности не мѣшаютъ имъ всѣмъ составлять вмѣстѣ то духовное единство, куда каждая особая часть входитъ какъ живой членъ въ одно личное тѣло. Оттого, посреди всѣхъ историческихъ случайностей, они развивались всегда въ тѣсномъ и сочувственномъ соотношеніи. Россія, отдѣлившись духомъ отъ Европы, жила и жизнію отдѣльною отъ нея. Англичанинъ, французъ, итальянецъ, нѣмецъ, никогда не переставалъ быть европейцемъ, всегда сохраняя притомъ свою національную особенность. Русскому человѣку, напротивъ того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться съ образованностью западною; ибо и наружный видъ и внутренній складъ ума, взаимно другъ друга объясняющіе и поддерживающіе, были въ немъ слѣдствіемъ совсѣмъ другой жизни, проистекающей совсѣмъ изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ разностей племенныхъ, еще три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникало въ него христіанство, особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древнеклассическаго міра, и, наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность.

Христіанство было душою умственной жизни народовъ на Западѣ, такъ же, какъ и въ Россіи. Но въ Западную Европу проникало оно единственно черезъ Церковь римскую.

Конечно, каждый патріархатъ, каждое племя, каждая страна въ христіанскомъ мірѣ, не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притомъ въ общемъ единствѣ всей Церкви. Каждый народъ, вслѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей развившій въ себѣ преимущественно одну какую-нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ и въ духовной жизни своей и въ писаніяхъ своихъ богослововъ удерживать тотъ же свой особенный характеръ, свою, такъ сказать, при-

родную физіономію, только просвѣтленную высшимъ сознаніемъ. Такъ, богословскіе писатели сирійскихъ странъ обращали, кажется, преимущественное вниманіе на внутреннюю, созерцательную жизнь человѣка, отрѣшеннаго отъ міра. Римскіе богословы занимались особенно стороною практической дѣятельности и логической связи понятій. Духовные писатели просвѣщенной Византіи болѣе другихъ, кажется, имѣли въ виду отношеніе христіанства къ частнымъ наукамъ, вокругъ него процвѣтавшимъ, и сперва враждовавшимъ съ нимъ, а потомъ покорившимся ему. Богословы александрійскіе, находясь въ двоякой борьбѣ: съ язычествомъ и іудействомъ, окруженные философскими, теозофскими и гностическими школами, по преимуществу обращали вниманіе на умозрительную сторону христіанскаго ученія. Различные пути вели къ одной общей цѣли, покуда стремящіеся по нимъ не уклонялись отъ общей цѣли. Вездѣ бывали частныя ереси, которыя всегда имѣли близкое отношеніе къ господствующему направленію народовъ, гдѣ онѣ возникали: но онѣ уничтожались единомысліемъ Церкви вселенской, соединявшей всѣ частныя Церкви въ одно святое согласіе. Бывали времена, когда опасность уклоненія угрожала и цѣлымъ патріархатамъ, когда ученіе, несогласное съ ученіемъ вселенской Церкви, согласовалось, однакоже, съ господствующимъ направленіемъ и умственною особенностію народовъ, частную Церковь составлявшихъ; но въ эти времена испытанія, когда для частной Церкви предстоялъ рѣшительный выборъ: или отторгнуться отъ Церкви вселенской, или пожертвовать своимъ частнымъ мнѣніемъ, Господь спасалъ Свои Церкви единодушіемъ всего православнаго міра. Особенность каждой частной Церкви тогда только могла бы увлечь ее въ расколъ, когда бы она отдѣлилась отъ преданія и общенія съ другими Церквами; но, оставаясь вѣрною общему преданію и общему согласію любви, каждая частная Церковь, особымъ характеромъ своей духовной дѣятельности, только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего христіанства. Такъ и римская Церковь имѣла свою, такъ сказать, законную особенность, прежде чѣмъ отдѣлилась отъ Церкви вселенской; но, отдѣлившись отъ нея, она естественно должна была эту частную свою особен-

ность обратить въ исключительную форму, черезъ которую одно христіанское ученіе могло проникать въ умы народовъ, ей подчиненныхъ.

Образованность древняго до-христіанскаго міра, — второй элементъ, изъ котораго развилось просвѣщеніе Европы, — была извѣстна Западу до половины XV в. почти исключительно въ томъ особенномъ видѣ, какой она приняла въ жизни древняго языческаго Рима; но другая сторона ея, образованность греческая и азіатская, въ чистомъ видѣ своемъ почти не проникала въ Европу до самаго почти покоренія Константинополя. Между тѣмъ Римъ, какъ извѣстно, далеко не былъ представителемъ всего языческаго просвѣщенія: ему принадлежало только господство матеріальное надъ міромъ, между тѣмъ какъ умственное господство надъ нимъ принадлежало и языку и образованности греческой. Потому всю опытность человѣческаго ума, все достояніе его, которое онъ добылъ себѣ въ продолженіе шеститысячелѣтнихъ усилій, принимать единственно въ той формѣ, какую оно получило въ образованности римской, — значило принимать его въ видѣ совершенно одностороннемъ, и неминуемо подвергаться опасности сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности. Такъ дѣйствительно и совершилось съ Европою. Когда же въ XV вѣкѣ греческіе изгнанники перешли на Западъ съ своими драгоцѣнными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась, но смыслъ ея остался тотъ же: складъ ума и жизни былъ уже заложенъ. Греческая наука расширила кругъ знанія и вкуса, разбудила мысли, дала умамъ полетъ и движеніе; но господствующаго направленія духа уже измѣнить не могла.

Наконецъ, третій элементъ просвѣщенія, образованность общественная, представляетъ ту особенность на Западѣ, что почти ни въ одномъ изъ народовъ Европы государственность не произошла изъ спокойнаго развитія національной жизни и національнаго самосознанія, гдѣ господствующія, религіозныя и общественныя понятія людей, воплощаясь въ бытовыхъ отношеніяхъ, естественно вырастаютъ и крѣпнутъ и связываются въ одно общее единомысліе, правильно отражающееся въ стройной цѣльности общественнаго организма. Напро-

тивъ, общественный бытъ Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти вездѣ возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждебныхъ племенъ: изъ угнетенія завоевателей, изъ противодѣйствія завоеванныхъ и, наконецъ, изъ тѣхъ случайныхъ условій, которыми наружно кончались споры враждующихъ, несоразмѣрныхъ силъ.

Эти три элемента Запада: римская Церковь, древнеримская образованность и возникшая изъ насилій завоеванія государственность, были совершенно чужды древней Россіи. Принявъ ученіе христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи со вселенскою Церковью. Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе христіанское, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой-нибудь частной народности; только впослѣдствіи, утвердившись въ образованности христіанской, начинала она усваивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра, — когда Провидѣнію, видимо, угодно было остановить дальнѣйшій ходъ ея умственнаго развитія, спасая ее, можетъ-быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, если бы ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія, и когда, не обнаруживъ еще послѣднихъ выводовъ своихъ, она могла тѣмъ безотчетнѣе и тѣмъ глубже завлечь ее въ ограниченную сферу своего особеннаго развитія— христіанство, проникнувъ въ Россію, не встрѣтило въ ней тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи, и въ европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ римскою образованностью. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную жизнь человѣка словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ западныхъ. Во многомъ даже племенныя особенности словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ пле-

менъ и классовъ, — какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выспореннаго трактата. Но, не испытавъ завоеванія, русскій народъ устраивался самобытно. Враги, угнетавшіе его, всегда оставались внѣ его, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, ляхи, венгры, нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, могли только остановить его образованіе, и дѣйствительно остановили его, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тѣмъ эти, чуждые Россіи, три элемента первоначальной образованности европейской: римская Церковь, древне-римскій міръ и возникшая изъ завоеванія государственность опредѣлили весь кругъ дальнѣйшаго развитія Европы — какъ три точки въ пространствѣ опредѣляютъ круговую линію, которая черезъ нихъ проходитъ.

Вліяніе живыхъ еще развалинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія остатковъ старой римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада было всеобъемлющее. Проникая въ самое основное строеніе общественныхъ отношеній, въ законы, въ языкъ, въ нравы, въ обычаи, въ первое развитіе наукъ и искусствъ европейскихъ, древній Римъ долженъ былъ поневолѣ сообщить болѣе или менѣе всѣмъ отношеніямъ западнаго человѣка тотъ особенный характеръ, которымъ самъ онъ отличался отъ другихъ народовъ; и этотъ особенный характеръ всей совокупности отношеній, окружающихъ человѣка, по необходимости долженъ былъ проникнуть въ самый, такъ сказать, внутренній составъ его жизни, переобразовывая болѣе или менѣе всѣ другія вліянія, согласно своему господствующему направленію.

Потому, главная особенность умственнаго характера Рима должна была отразиться и въ умственной особенности Запада. Но если мы захотимъ эту господствующую особенность римскаго образованія выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажемъ, что отличительный складъ римскаго ума заключался въ томъ именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею сущностью вещей. Этотъ характеръ, очевидно, представляетъ намъ общественный и семейный бытъ Рима, логически и

нераскаянно уродовавшій естественныя и нравственныя отношенія людей, по внѣшней буквѣ случайно выразившагося закона. Тотъ же характеръ представляетъ намъ и поэзія римлянъ, работавшая надъ художественнымъ усовершенствованіемъ внѣшнихъ формъ чужого вдохновенія. То же представляетъ намъ ихъ языкъ, задавившій, подъ искусственною стройностію грамматическихъ конструкцій, естественную свободу и живую непосредственность душевныхъ движеній. Тотъ же характеръ видимъ мы въ самыхъ знаменитыхъ законахъ римскихъ, гдѣ стройность внѣшней формальности доведена до столь изумительнаго логическаго совершенства, при изумительномъ тоже отсутствіи внутренней справедливости. То же наружное сцѣпленіе мыслей на счетъ внутренней, живой полноты смысла представляетъ намъ и религія римская, за внѣшними обрядами почти забывшая ихъ таинственное значеніе, — римская религія, — это собраніе всѣхъ разнородныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу божествъ языческаго міра, наружно совмѣщенныхъ, внутренно разнорѣчащихъ, въ то же время логически соглашенныхъ въ одно символическое поклоненіе, гдѣ подъ покрываломъ философской связи скрывалось внутреннее отсутствіе вѣры. Тотъ же характеръ разсудочнаго направленія замѣчаемъ мы и въ нравахъ римскихъ, гдѣ такъ высоко цѣнилась внѣшняя дѣятельность человѣка и такъ мало обращалось вниманія на ея внутренній смыслъ; гдѣ гордость была добродѣтелью; гдѣ личное логическое убѣжденіе каждаго было единственнымъ руководствомъ его дѣйствій; гдѣ потому каждая личность сознавала себя не только за нѣчто особое, но и за нѣчто отличное отъ другихъ личностей, и не понимала къ нимъ иныхъ отношеній, кромѣ отношеній, логически выведенныхъ изъ наружныхъ условій жизни. Потому римлянинъ не зналъ почти другой связи между людьми, кромѣ связи общаго интереса; другого единства, кромѣ единства партіи. Самый патріотизмъ римлянина — безкорыстнѣйшее чувство, до котораго онъ могъ достигнуть, — былъ для него не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для грека. Онъ не любилъ дыма отечества; даже дымъ греческаго очага былъ для него привлекательнѣе. Онъ любилъ въ отечествѣ интересъ своей партіи и то особенно, что оно ласкало его гордость. Но непосредственное, общечеловѣческое

чувство было почти заглушено въ душѣ римлянина. Относительно же сограждан своихъ понималъ онъ себя почти такъ же, какъ его великій Римъ понималъ себя относительно другихъ городовъ, его окружавшихъ; равно готовый на союзъ и на войну, онъ рѣшался на то или другое по указанію расчета, постоянно слушая внушенія той страсти, которая обыкновенно господствуетъ внутри ума сухо-логическаго и корыстно-дѣятельнаго: я говорю о страсти преобладанія надъ другими, которая въ душѣ римлянина занимала то же мѣсто, какое въ душѣ сочувственнаго грека занимала страсть безразсуднаго славолюбія. Однимъ словомъ, во всѣхъ особенностяхъ римскаго человѣка, во всѣхъ изгибахъ умственной и душевной дѣятельности, видимъ мы одну общую черту, что наружная стройность его логическихъ понятій была для него существеннѣе самой существенности, и что внутреннее равновѣсіе его бытія, если можно такъ выразиться, сознавалось имъ единственно въ равновѣсіи разсудочныхъ понятій или внѣшней формальной дѣятельности.

Христіанство, разумѣется, при самомъ появленіи своемъ среди языческаго міра противорѣчило этому направленію корыстной личности и сомнительной разсудочности римскаго человѣка. Обращая главную дѣятельность духа къ внутренней цѣльности бытія, оно не только противилось всякой страстности увлеченій, хотя бы и благовидными предлогами украшеній, но вмѣстѣ, возводя умъ къ живому средоточію самопознанія, оно боролось и съ тѣмъ состояніемъ духовнаго распаденія, гдѣ односторонняя разсудочность отрывается отъ другихъ силъ духа и думаетъ достигнуть истины наружною связанностію понятій. Между тѣмъ какъ для этой внѣшней, разсудочной мудрости христіанская проповѣдь казалась безуміемъ, — съ высоты христіанскаго ученія, эта надменная разсудочность являлась во всей бѣдности своей нечувственной слѣпоты. Потому въ первые вѣка Церкви видимъ мы въ богословскихъ писателяхъ даже римскаго міра нерѣдкія нападенія на ложность языческаго философствованія. Однакоже господство чисто-христіанскаго направленія не могло совершенно изгладить изъ ихъ ума особенность римской физіономіи, которая, какъ уже мы замѣтили, оставаясь въ своихъ законныхъ границахъ, не только

не мѣшала истинному направленію духа, но, напротивъ, должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявленій, и только тамъ увлекала въ заблужденія, гдѣ ея излишествомъ нарушалось внутреннее равновѣсіе духа. Такъ, Тертуліанъ, можетъ-быть, самый краснорѣчивый изъ богословскихъ писателей Рима, особенно поражаетъ своею блестящею логикой, наружною связностію своихъ положеній; многія изъ его произведеній навсегда остаются украшеніемъ Церкви, хотя самое излишество логической способности, или, лучше сказать, ея отдѣленность отъ другихъ силъ разума увлекла его въ ту крайность, гдѣ его ученіе уже оторвалось отъ ученія чисто-христіанскаго. Счастливѣе былъ его знаменитый ученикъ св. Кипріанъ, хотя не менѣе его замѣчателенъ особенностію своей логической силы. Но ни одинъ, можетъ-быть, изъ древнихъ и новыхъ отцовъ Церкви не отличался столько любовію къ логическому сцѣпленію истинъ, какъ блаженный Августинъ, по преимуществу называемый учителемъ Запада. Нѣкоторыя сочиненія его являются какъ бы одна, изъ кольца въ кольцо неразрывно сомкнутая, желѣзная цѣпь силлогизмовъ. Оттого, можетъ-быть, иногда увлекался онъ слишкомъ далеко, за наружною стройностію не замѣчая внутреннюю односторонность мысли, такъ что въ послѣдніе годы своей жизни долженъ былъ самъ писать опроверженіе нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ утвержденій. Но если эта особенная приверженность римскаго міра къ наружному сцѣпленію понятій была небезопасна для римскихъ богослововъ еще въ то время, когда римская Церковь была живою частію Церкви вселенской, когда общее сознаніе всего православнаго міра удерживало каждую особенность въ законномъ равновѣсіи, — то понятно, что послѣ отдѣленія Рима эта особенность римскаго ума должна была взять рѣшительный перевѣсъ въ характерѣ ученія римскихъ богослововъ. Можетъ-быть, даже эта римская особенность, эта оторванная разсудочность, эта излишняя склонность къ наружному сцѣпленію понятій, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ самаго отпаденія Рима. Конечно, не мѣсто здѣсь разбирать ни причины ни обстоятельства этого отпаденія, — римскій ли духъ преобладанія былъ тайнымъ побужденіемъ главныхъ дѣятелей или другія причины: всѣ предположенія могутъ

быть подвержены спору; но не подверженъ сомнѣнію самый предлогъ отпаденія: новое прибавленіе догмата къ прежнему символу, — прибавленіе, которое, противъ древняго преданія и общаго сознанія Церкви, оправдывалось единственно логическими выводами западныхъ богослововъ.

Мы потому особенно упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, что оно лучше другихъ можетъ намъ объяснить характеръ западной образованности, гдѣ римская отрѣшенная разсудочность уже съ IX вѣка проникла въ самое ученіе богослововъ, разрушивъ своею односторонностію гармоническую цѣльность внутренняго умозрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія для насъ становится понятнымъ, почему западные богословы, со всею разсудочною добросовѣстностію, могли не видать единства Церкви иначе, какъ въ наружномъ единствѣ епископства; почему наружнымъ дѣламъ человѣка могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостаткѣ этихъ наружныхъ дѣлъ, не понимали они для нея другаго средства спасенія, кромѣ опредѣленнаго срока чистилища; почему, наконецъ, могли они приписывать нѣкоторымъ людямъ даже избытокъ достоинства наружныхъ дѣлъ и вмѣнять этотъ избытокъ недостатку другихъ, тоже за какія-нибудь наружныя дѣйствія, совершонныя для внѣшней пользы Церкви.

Такимъ образомъ, подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ разсудка, западная Церковь еще въ IX вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформаціи, которая поставила ту же Церковь передъ судомъ того же логическаго разума, ею самою возвышеннаго надъ общимъ сознаніемъ Церкви вселенской; и тогда еще мыслящій человѣкъ могъ уже видѣть Лютера изъ-за папы Николая I, какъ, по словамъ римскихъ католиковъ, мыслящій человѣкъ XVI вѣка могъ уже изъ-за Лютера предвидѣть Штрауса.

Очевидно, что та же нравственная причина, тотъ же перевѣсъ логической односторонности, который произвелъ ученіе о необходимости наружнаго единства Церкви, долженъ былъ породить и ученіе о непогрѣшаемости ея видимой главы. Это было прямымъ слѣдствіемъ того особеннаго характера образованности, ко-

торый начиналъ господствовать въ западномъ мірѣ. Изъ этой же причины общаго состоянія умовъ въ Европѣ произошло и то обстоятельство, что франкскій императоръ могъ предложить, а римскій архіерей могъ принять свѣтское владычество въ своей епархіи. Потомъ, по той же логической причинѣ должно быть полудуховное владычество папы распространиться надъ всѣми правителями Запада и породить все устройство такъ называемой Святой Римской Имперіи и весь характеръ историческаго развитія среднихъ вѣковъ, гдѣ свѣтская власть безпрестанно смѣшивалась съ духовною и безпрестанно боролась съ нею, взаимно приготовляя одна другой мѣсто для будущаго паденія во мнѣніи народномъ, между тѣмъ какъ въ то же время внутри человѣка западнаго происходила тоже борьба между вѣрою и разумомъ, между преданіемъ и личнымъ самомнѣніемъ; и какъ духовная власть Церкви искала себѣ основанія въ силѣ свѣтской, такъ духовное убѣжденіе умовъ западныхъ искало себѣ основанія въ разсудочномъ силлогизмѣ.

Такъ, искусственно устроивъ себѣ наружное единство, поставивъ надъ собою одну единую главу, соединившую власть духовную и свѣтскую, Церковь западная произвела раздвоеніе въ своей духовной дѣятельности, въ своихъ внутреннихъ интересахъ и въ внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру. Двойная башня, которая обыкновенно возвышается надъ католическимъ костеломъ, можетъ служить символомъ этого раздвоенія.

Между тѣмъ свѣтскіе правители, подчинившіеся главенству тривѣнчаннаго правителя Церкви, сомкнули такимъ образомъ феодальное устройство такъ называемой Святой Римской Имперіи. Можетъ-быть, это былъ единственный разумный исходъ общественной жизни народовъ, которыхъ государственное устройство возникло изъ завоеванія. Ибо непримиримая борьба двухъ спорящихъ племенъ, угнетавшаго и угнетеннаго, произвела на все развитіе ихъ исторіи постоянную ненависть сословій, неподвижно другъ противъ друга стоящихъ, съ своими враждебными правами, съ исключительными преимуществами одного, съ глубокимъ недовольствомъ и безконечными жалобами другого, съ упорною завистію возникшаго между ними средняго, съ общимъ и вѣчно-болѣзненнымъ колебаніемъ ихъ относительнаго

перевѣса, изъ котораго рождались наружныя, формальныя и насильственныя условія примиренія, которыми всѣ стороны оставались недовольными, и которыя могли получить нѣкоторое утвержденіе въ сознаніи общественномъ только изъ начала, внѣ государства находящагося. Между тѣмъ чѣмъ менѣе было правъ для сословія, происшедшаго отъ племени завоеваннаго, тѣмъ менѣе было правомѣрности и въ понятіяхъ сословія, происшедшаго отъ завоевателей. Каждая благородная личность стремилась сдѣлаться сама верховнымъ закономъ своихъ отношеній къ другимъ. Мысль объ общей государственности или народности не могла проникнуть въ ихъ независимое сердце, со всѣхъ сторонъ защищенное желѣзомъ и гордостію. Только ими же изобрѣтенныя и добровольно установленныя правила внѣшнихъ формальныхъ отношеній могли подчинить себѣ ихъ самоуправный произволъ. Такимъ образомъ, законы чести хотя родились изъ потребности времени, какъ единственно возможная замѣна закона при совершенной беззаконности, однакоже характеромъ своимъ обличаютъ такую односторонность общественнаго быта, такую крайнюю внѣшность и формальность личныхъ отношеній и такое забвеніе ихъ существенной стороны, что, взятые отдѣльно отъ всей жизни европейской, они одни могли бы служить полнымъ зеркаломъ всего развитія западной общественности.

Каждый благородный рыцарь, внутри своего замка, былъ отдѣльное государство. Потому и отношенія между благородными лицами могли имѣть только внѣшній, формальный характеръ. Такой же внѣшній, формальный характеръ должны были носить и отношенія ихъ въ другихъ сословіяхъ. Потому и развитіе права гражданскаго въ западныхъ государствахъ получило тотъ же смыслъ внѣшней, спорно-буквальной формальности, какой лежалъ въ самой основѣ общественныхъ отношеній. Римское право, еще продолжавшее жить и дѣйствовать въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ Европы, еще болѣе укрѣпило это направленіе внѣшней формальности въ европейской юриспруденціи. Ибо римское право имѣетъ тотъ же внѣшній формальный характеръ, за наружною буквою формы забывающій внутреннюю справедливость; можетъ-быть, потому, что и римская общественная жизнь также развилась изъ постоян-

ной борьбы двухъ противоположныхъ народностей, насильственно въ одну государственность втѣсненныхъ.

Этимъ объясняется, между прочимъ, отчего, чужое для европейскихъ народовъ, римское право такъ легко могло привиться къ нимъ, исключая тѣ немногія страны, гдѣ общественность возникла не изъ завоеванія, и которыя потому обѣщаютъ болѣе цѣльное развитіе въ будущемъ.

Но начавшись насиліемъ, государства европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть не что иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Потому европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанныя формальностію личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней разсудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣленности, связываемой узлами частныхъ интересовъ и партій. Отчего исторія европейскихъ государствъ хотя представляетъ намъ иногда внѣшніе признаки процвѣтанія жизни общественной, но въ самомъ дѣлѣ подъ общественными формами скрывались постоянно однѣ частныя партіи, для своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ системъ забывавшія о жизни цѣлаго государства. Партіи папскія, партіи императорскія, партіи городскія, партіи церковныя, придворныя, личныя, правительственныя, религіозныя, политическія, народныя, среднесословныя, даже партіи метафизическія, постоянно боролись въ европейскихъ государствахъ, стараясь каждая перевернуть его устройство, согласно своимъ личнымъ цѣлямъ. Потому развитіе въ государствахъ европейскихъ совершалось не спокойнымъ возрастаніемъ, но всегда посредствомъ болѣе или менѣе чувствительнаго переворота. Переворотъ былъ условіемъ всякаго прогресса, покуда самъ сдѣлался уже не средствомъ къ чему-нибудь, но самобытною цѣлью народныхъ стремленій.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ образованность европейская должна была окончиться разрушеніемъ всего умственнаго и общественнаго зданія, ею же самою воздвигнутаго.

Однакоже это распаденіе разума на частныя силы, это преобладаніе разсудочности надъ другими дѣятельностями духа, которое впослѣдствіи должно было

разрушить все зданіе европейскоій средневѣковоій образованности, вначалѣ имѣло дѣйствіе противное и произвело тѣмъ быстрѣйшее развитіе, чѣмъ оно было одностороннѣе. Таковъ законъ уклоненія человѣческаго разума: наружность блеска при внутреннемъ потемнѣніи.

Еще быстрѣе совершилось развитіе образованности арабскоій, ибо оно было еще одностороннѣе, хотя имѣло то же отвлеченно-разсудочное направленіе, какое приняла и средневѣковая Европа. Но просвѣщенію магометанскому легче было обратить въ логическую формальность свои основныя убѣжденія, чѣмъ просвѣщенію христіанскому, существенно живому и цѣльному. Систематическая связь отвлеченныхъ понятіій была высшею цѣлью, до котороій могло достигнуть умственное самознаніе магометанина, и которая лежала, можно сказать, въ самомъ основаніи его вѣры. Ибо, требуя отъ него только отвлеченнаго признанія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и метафизическаго признанія единства Божества, она притомъ не требовала отъ него внутреннеій цѣльности самопознанія, но спокоійно оставляла распавшуюся натуру человѣка въ ея непримиреннои раздвоенности; она не указывала ему высшеій цѣли бытія, но, напротивъ, указывала ему состояніе грубо-чувственныхъ наслажденіій, не только какъ лучшую награду для здѣшнеій жизни, но даже какъ высшую цѣль будущеій. Потому все, до чего могла доходить умственная потребность магометанина, заключалось въ потребности отвлеченнаго логическаго единства, въ наружномъ порядкѣ его мыслеій и систематическоій правильности ихъ взаимныхъ отношеніій. Краійняя метафизическая задача, которую могла предлагать себѣ любознательность магометанская, — эта, такъ сказать, поэзія магометанскаго любомудрія, — заключалась въ составленіи видимыхъ формулъ для невидимоій дѣятельности міра духовнаго: въ отысканіи талисманическоій связи между законами міра надзвѣзднаго и законами міра подлуннаго. Отсюда ихъ страсть къ логикѣ, отсюда ихъ астрологія, алхимія, хиромантія и всѣ ихъ отвлеченно-разсудочныя и чувственно-духовныя науки. Отсюда также объясняется, почему арабы хотя получили начало своеій умственноій образованности отъ сиріійскихъ грековъ, хотя находились въ близкихъ сно-

шеніяхъ съ Византіею, однакоже, на ходъ просвѣщенія греческаго не имѣли почти никакого вліянія. Но на Западную Европу произвели они тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что принесли туда весь блескъ своего процвѣтанія наукъ въ то время, когда Европа находилась въ состояніи почти совершеннаго невѣжества. Своимъ отвлеченно-логическимъ направленіемъ учености они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали также къ усиленію этого же направленія въ просвѣщеніи европейскомъ, примѣшавъ только, на нѣкоторое время, къ господствующему теченію европейскаго мышленія разноцвѣтную струю своихъ талисманическихъ умозрѣній. Они первые познакомили латинскихъ богослововъ съ твореніями Аристотеля, которыя въ первый разъ сдѣлались извѣстны имъ въ переводѣ съ арабскаго, вмѣстѣ съ арабскими толкованіями, — такъ мало знакома имъ была греческая образованность.

Аристотель, никогда не понятый вполнѣ, но до безконечности изучаемый въ частностяхъ, былъ, какъ извѣстно, душою схоластики, которая, въ свою очередь, была представительницею всего умственнаго развитія тогдашней Европы и самымъ яснымъ его выраженіемъ.

Схоластика была не что иное, какъ стремленіе къ наукообразному богословію. Ибо богословіе было тогда и высшею цѣлью и главнымъ источникомъ всякаго знанія. Задача схоластики состояла въ томъ, чтобы не только связать понятія богословскія въ разумную систему, но и подложить подъ нихъ разсудочно-метафизическое основаніе. Главными орудіями для того были творенія блаженнаго Августина и логическія сочиненія Аристотеля. Высшее университетское развитіе заключалось въ діалектическихъ словопреніяхъ о предметахъ вѣры. Знаменитѣйшіе богословы старались выводить ея догматы изъ своихъ логическихъ умозаключеній. Начиная отъ шотландца Еригена до XVI вѣка, можетъ-быть, не было ни одного изъ нихъ, который бы не пытался свое убѣжденіе о бытіи Божіемъ поставить на остріе какого-нибудь искусно выточеннаго силлогизма. Ихъ громадные труды были наполнены отвлеченныхъ тонкостей, логически сплетенныхъ изъ голоразсудочныхъ понятій. Самыя несущественныя стороны мышленія были для нихъ предметомъ науки, причиною партій, цѣлью жизни.

Не отвлеченные споры номиналистовъ и реалистовъ, не странныя пренія о евхаристіи, о благодати, о рожденіи Пресвятой Дѣвы и тому подобныхъ предметахъ, могутъ дать настоящее понятіе о духѣ схоластики и о состояніи умовъ того времени, но всего яснѣе выражаетъ ихъ то̀ именно, что̀ въ этихъ спорахъ составляло главный предметъ вниманія и занимало мышленіе ученѣйшихъ философовъ, т.-е. составленіе произвольныхъ вопросовъ о несбыточныхъ предположеніяхъ, и разборъ всѣхъ возможныхъ доводовъ въ пользу и противъ нихъ.

Такая безконечная, утомительная игра понятій впродолженіи семи сотъ лѣтъ, этотъ безполезный, передъ умственнымъ зрѣніемъ безпрестанно вертящійся калейдоскопъ отвлеченныхъ категорій, должны были неминуемо произвести общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики; къ убѣжденіямъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ не путемъ силлогизмовъ, но напротивъ, стараясь основать ихъ на силлогистическомъ выводѣ, только искажаетъ ихъ правду, когда не уничтожаетъ ее совершенно.

Живое, цѣльное пониманіе внутреннеї, духовноі жизни и живое, непредупрежденное созерцаніе внѣшнеї природы равно изгонялись изъ оцѣпленнаго круга западнаго мышленія, первое подъ именемъ «мистики» — по натурѣ своеї ненавистноі для схоластическоі разсудочности (сюда относилась и та сторона ученія православноі Церкви, которая не согласовалась съ западными системами); второе преслѣдовалось прямо подъ именемъ «безбожія» (сюда относились тѣ открытія въ наукахъ, которыя разнорѣчились съ современнымъ понятіемъ богослововъ). Ибо схоластика сковала свою вѣру съ своимъ тѣснымъ разумѣніемъ науки въ одну неразрывную судьбу.

Потому, когда со взятіемъ Константинополя, свѣжіі, неиспорченныі воздухъ греческоі мысли повѣялъ съ Востока на Западъ, и мыслящій человѣкъ на Западѣ вздохнулъ легче и свободнѣе, то все зданіе схоластики мгновенно разрушилось. Однакоже слѣды схоластическоі односторонности остались на умахъ, ею воспитанныхъ. Предметъ мышленія сталъ другоі, и направленіе иное, но тотъ же перевѣсъ разсудоч-

ности и та же слѣпота къ живымъ истинамъ сохранились почти попрежнему.

Поучительный примѣръ тому представляетъ самъ знаменитый родоначальникъ новѣйшей философіи. Онъ думалъ, что рѣшительно сбросилъ съ себя узы схоластики, однако, не чувствуя того самъ, до того еще оставался запутанъ ими, что, несмотря на все свое геніальное разумѣніе формальныхъ законовъ разума, былъ такъ странно слѣпъ къ живымъ истинамъ, что свое внутреннее, непосредственное сознаніе о собственномъ своемъ бытіи почиталъ еще неубѣдительнымъ, покуда не вывелъ его изъ отвлеченнаго силлогическаго умозаключенія! И этотъ примѣръ тѣмъ замѣчательнѣе, что не былъ личною особенностью философа, но выразилъ общее направленіе умовъ. Ибо логическій выводъ Декарта не остался его исключительною собственностію, но былъ принятъ съ восторгомъ и сдѣлался основаніемъ мышленія для большей части новѣйшихъ философовъ, почти до половины XVIII вѣка.

Можетъ-быть, еще и теперь есть глубокомысленные люди, которые утверждаютъ на немъ несомнѣнность своего бытія и успокаиваютъ такимъ образомъ свою образованную потребность твердыхъ убѣжденій. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки еще живо помнитъ ту эпоху въ собственной своей жизни, когда подобный процессъ искусственнаго мышленія сладостно утолялъ для него жажду умственнаго успокоенія.

Я не говорю уже о той особенности Декарта, что, увлеченный строгою необходимостью своихъ умозаключеній, онъ добродушно могъ убѣдиться въ томъ, что всѣ животныя, выключая человѣка, суть только наружныя машины, искусно построенныя Создателемъ, и, не имѣя сознанія, не чувствуютъ ни боли ни удовольствія.

Неудивительно послѣ того, что его ученикъ и преемникъ въ господствѣ философскаго развитія, знаменитый Спиноза, могъ такъ искусно и такъ плотно сковать разумные выводы о первой причинѣ, о высшемъ порядкѣ и устройствѣ всего міросданія, что сквозь эту сплошную и неразрывную сѣть теоремъ и силлогизмовъ не могъ во всемъ созданіи разглядѣть слѣдовъ Живаго Создателя, ни въ человѣкѣ замѣтить его внутренней свободы. Тотъ же избытокъ логической

разсудочности скрылъ отъ великаго Лейбница, за умственнымъ сцѣпленіемъ его отвлеченныхъ понятій, очевидное сцѣпленіе причины и дѣйствія, и для объясненія ихъ заставилъ его предположить свою Предустановленную Гармонію, которая, впрочемъ, поэзіей своей основной мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность.

Я говорю: поэзія мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность, ибо думаю, что, когда къ достоинству логическому присоединяется достоинство изящное или нравственное, то уже этимъ соединеніемъ силъ самъ разумъ возвращается болѣе или менѣе къ своей первобытной полнотѣ и потому приближается къ истинѣ.

Нужно ли продолжать исчисленіе послѣдующихъ представителей западной философіи, чтобы, припоминая ихъ системы, убѣдиться въ общей односторонности западнаго направленія?

Нужно ли напоминать, какъ Юмъ — этотъ прямой и неминуемый результатъ другой вѣтви западнаго любомудрія, послѣдователь Бэкона, Локка и однородныхъ съ ними мыслителей, — безпристрастный Юмъ силою безпристрастнаго разума доказалъ, что въ мірѣ не существуетъ никакой истины, и правда и ложь подвержены одинакому сомнѣнію? Какъ знаменитый Кантъ, возбужденный Юмомъ и приготовленный нѣмецкою школою, изъ самыхъ законовъ чистаго разума вывелъ неоспоримое доказательство, что для чистаго разума никакихъ доказательствъ о высшихъ истинахъ не существуетъ?

Отсюда, можетъ-быть, оставался одинъ шагъ до правды, но западный міръ тогда еще не созрѣлъ для нея.

Изъ системы Канта развилась одна отвлеченная сторона въ системѣ Фихте, который удивительнымъ построеніемъ силлогизмовъ доказалъ, что весь внѣшній міръ есть только мнимый призракъ воображенія, и что существуетъ въ самомъ дѣлѣ только одно саморазвивающееся *я*. — Отсюда Шеллингъ развилъ противоположную сторону гипотезы, т.-е., что, хотя внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, но душа міра есть не что иное, какъ это человѣческое *я*, развивающееся въ бытіи вселенной для того только, чтобы сознать себя въ человѣкѣ. Гегель еще болѣе укрѣпилъ

и распространилъ ту же систему саморазвитія человѣческаго самосознанія. Между тѣмъ, углубившись болѣе, чѣмъ кто-либо прежде, въ самые законы логическаго мышленія, онъ силою своей необыкновенной, громадной геніальности довелъ ихъ до послѣдней полноты и ясности результатовъ, и тѣмъ далъ возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логическаго мышленія. Такимъ образомъ, западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни далѣе итти по своему отвлеченно-раціональному пути она уже не можетъ, ибо сознала односторонность отвлеченной раціональности, ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи, ибо вся сила ея заключалась въ развитіи именно этой, отвлеченной раціональности.

Между тѣмъ въ то же время, какъ римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели восточной Церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели-философы, были коротко знакомы образованнымъ грекамъ, — и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV вѣка; между тѣмъ какъ Западъ, необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV вѣка обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ греческихъ. Только въ половинѣ XIV вѣка основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки, — тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ Православной Церкви, который, заразившись западною увѣренностію въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ, но зато тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ грекамъ, чѣмъ латинянамъ, хотя, можетъ-быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его арабскіе и латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякаго развитія ума на Западѣ. Однакоже въ греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но, напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона, — не потому, конечно, чтобы христіанскіе мыслители усваивали себѣ языческія понятія того или другого, но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Оттого почти то же отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей латинскаго міра, какъ она вырабатывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ Церкви восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія восточныхъ отцовъ Церкви, писавшихъ послѣ X вѣка,— философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію, — философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—несмотря, однакоже, на всѣ свои достоинства (я говорю здѣсь единственно о достоинствахъ умозрительныхъ, оставляя въ сторонѣ значеніе богословское), была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ, ни одинъ философъ ни одинъ историкъ философіи не упоминаетъ объ ней, хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи индѣйской, китайской и персидской. Самыя творенія восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ

еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ. Наконецъ, ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада незамѣтно живого слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія восточной Церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе. Изъ этого должно исключить, можетъ-быть, одного Ѳому Кемпійскаго, или Герсона, если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, переводъ съ греческаго, передѣланный нѣсколько по латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ восточной Церкви, жившихъ послѣ отдѣленія римской, нельзя искать ничего новаго относительно христіанскаго ученія; ничего такого, что бы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; въ томъ-то, скажу, и особенность ихъ, что они сохраняли и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно-христіанское, и, держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія, отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ, и древніе отцы Церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и, слѣдовательно, равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. Это различіе могло произойти оттого, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители вселенской Церкви; западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно латинскіе и только нѣкоторые изъ греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у римскихъ учителей. Оттого и въ новѣйшія времена, когда они уже короче

познакомились съ греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь то же ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удержаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое, иначе, должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ отцовъ Церкви.

Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самовольно отвергали ее, подъ названіемъ мистики!

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ *способѣ* мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа, западные — болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные для достиженія полноты истины ищутъ внутренней цѣльности разума — того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное, другимъ — изящное; полезное — опять особымъ смысломъ; истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній почитаютъ они равно законными состояніями человѣка и когда, въ XIV вѣкѣ, узнали ученые Запада о стремленіи восточныхъ созерцателей сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нея всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и восточные, говоря о «внутреннемъ сосредоточеніи духа», о «собраніи

ума въ себѣ», и тому подобное; но подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе. Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; того равновѣсія внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ православнаго міра, ибо есть въ его движеніяхъ, даже въ самые крутые переломы жизни, что-то глубоко спокойное, какая-то неискусственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе, свидѣтельствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго самосознанія. Европеецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый, когда не театральный, всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія св. отцовъ православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ, съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта. Обширная русская земля даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ усединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно, общее направленіе. Безразлично составляясь изо всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней

общества, духовенство, въ свою очередь, во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на Святой горѣ. И образованность эта такъ скоро возросла въ Россіи, и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностію томовъ едва могла равняться, первая тогда на Западѣ, библіотека парижская; что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ такъ же свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе; что въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ до насъ писаніяхъ XV вѣка мы находимъ выписки изъ русскихъ переводовъ такихъ твореній греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ самой Греціи утратились послѣ ея упадка и, только въ недавнее время и уже съ великимъ трудомъ, могли быть открыты въ неразобранныхъ сокровищницахъ Аѳона; что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ Церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости (хотя, можетъ-быть, ни одинъ не сознается въ этомъ); наконецъ, когда мы вспомнимъ, что эта русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь русскую, что, несмотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; несмотря на то, что вся мыслящая часть народа, своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память объ немъ изъ сердца своего,— этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ, почти неизмѣнно, въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣ-

лѣлъ, хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже несвязанный господствомъ образующей мысли...

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе? — И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ христіанское ученіе.

Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи драгоцѣнны для насъ, особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе,—нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу, могутъ, наконецъ, ему дать свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи варяговъ: добровольно ли вся русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую; но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужого племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ, ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно вслѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же христіанства, нравственныя понятія русскаго человѣка измѣнились, а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія; и потому все общественное устройство русской земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное (такъ прекрасно необдуманное!) желаніе св. Владимира: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама Церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ, такимъ образомъ, различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства, всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый, свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную, или, еще менѣе, искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло Церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство, въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя «святымъ». Ибо, если русскую землю иногда называли: «Святая Русь», то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ Божіихъ, которыя въ ней находились, а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроницаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство «Святой Римской Имперіи».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, Церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она

невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе Церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ, русская земля, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устраивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другого, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы, ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы—искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,—всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностію общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельствѣ, но въ вопросахъ существенныхъ слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ, русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, Церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. Однакоже или, лучше сказать, *потому* именно, въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣстницу, на которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма, а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума.

Если бы кто захотѣлъ вообразить себѣ западное общество феодальныхъ временъ, то не иначе могъ бы сложить объ немъ картину, какъ представить себѣ множество замковъ, укрѣпленныхъ стѣнами, внутри которыхъ живетъ благородный рыцарь съ своею семьею, вокругъ которыхъ поселена подлая чернь. Рыцарь былъ лицо, чернь — часть его замка. Воинственныя отношенія этихъ личныхъ замковъ между собою и ихъ отношенія къ вольнымъ городамъ, къ королю и къ Церкви, составляютъ всю исторію Запада. Напротивъ того, воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ каждая свое особое согласіе или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, бо́льшія согласія, которыя, въ свою очередь, составляютъ согласія областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей русской земли, имѣющее надъ собою великаго князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устроїства.

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытового преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости буквальному смыслу формы, святость преданія — логическому выводу, нравственность требованія — внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно, но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древне-русскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ какъ римско-западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: *форма — это самый*

законъ, и старается всѣ формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, вырастая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній... Логическое движеніе законовъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ самая общественность основана на искусственныхъ условіяхъ; гдѣ, слѣдовательно, развитіемъ общественнаго устройства можетъ и должно управлять *мнѣніе* всѣхъ или нѣкоторыхъ. Но тамъ, гдѣ общественность основана на коренномъ единомысліи, тамъ твердость нравовъ, святость преданія и крѣпость обычныхъ отношеній не могутъ нарушаться, не разрушая самыхъ существенныхъ условій жизни общества. Тамъ каждая насильственная перемѣна по логическому выводу была бы разрѣзомъ ножа въ самомъ сердцѣ общественнаго организма. Ибо общественность тамъ стоитъ на *убѣжденіяхъ*, и потому всякія *мнѣнія*, даже всеобщія, управляя ея развитіемъ, были бы для нея смертностны.

Мнѣніе, убѣжденіе — двѣ совершенно особыя пружины двухъ, совершенно различныхъ, общественныхъ устройствъ. Мнѣніе не тѣмъ только отличается отъ убѣжденія, что первое минутнѣе, второе тверже; первое — выводъ изъ логическихъ соображеній, второе — итогъ всей жизни; но въ политическомъ смыслѣ они имѣютъ еще другое несходство: убѣжденіе есть невысканное сознаніе всей совокупности общественныхъ отношеній; мнѣніе есть преувеличенное сочувствіе только той сторонѣ общественныхъ интересовъ, которая совпадаетъ съ интересами одной партіи и потому прикрываетъ ея своекорыстную исключительность обманчивымъ призракомъ общей пользы.

Оттого въ обществѣ искусственномъ, основанномъ на формальномъ сочетаніи интересовъ, каждое улуч-

шеніе совершается вслѣдствіе какого-нибудь преднамѣреннаго плана; новое отношеніе вводится потому, что нынѣшнее мнѣніе беретъ верхъ надъ вчерашнимъ порядкомъ вещей; каждое постановленіе насильственно измѣняетъ прежнее: развитіе совершается, какъ мы уже замѣтили, по закону переворотовъ сверху внизъ или снизу вверхъ, смотря по тому, гдѣ торжествующая партія сосредоточила свои силы, и куда торжествующее мнѣніе ихъ направило. Напротивъ того, въ обществѣ, устраивавшемся естественно изъ самобытнаго развитія своихъ коренныхъ началъ, каждый переломъ есть болѣзнь болѣе или менѣе опасная; законъ переворотовъ вмѣсто того, чтобы быть условіемъ жизненныхъ улучшеній, есть для него условіе распаденія и смерти, ибо его развитіе можетъ совершаться только гармонически и непримѣтно, по закону естественнаго возрастанія въ односмысленномъ пребываніи.

Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій правомѣрнаго устройства Россіи и Запада составляютъ коренныя понятія о правѣ поземельной собственности. Римскіе гражданскіе законы, можно сказать, суть всѣ не что иное, какъ развитіе безусловности этого права. Западно-европейскія общественныя устройства также произошли изъ разновидныхъ сочетаній этихъ самобытныхъ правъ, въ основаніи своемъ неограниченныхъ и только въ отношеніяхъ общественныхъ принимающихъ нѣкоторыя взаимно-условныя ограниченія. Можно сказать, все зданіе западной общественности стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности, такъ что и самая личность, въ юридической основѣ своей, есть только выраженіе этого права собственности.

Въ устройствѣ русской общественности личность есть первое основаніе, а право собственности только ея *случайное* отношеніе. Общинѣ земля принадлежитъ потому, что община состоитъ изъ семей, состоящихъ изъ лицъ, могущихъ землю воздѣлывать. Съ увеличеніемъ числа лицъ, увеличивается и количество земли, принадлежащее семьѣ; съ уменьшеніемъ — уменьшается. Право общины надъ землею ограничивается правомъ помѣщика, или вотчинника; право помѣщика условливается его отношеніемъ къ государству. Отношенія помѣщика къ государству зависятъ не отъ помѣстья его, но его помѣстье зависитъ отъ его личныхъ отношеній.

Эти личныя отношенія опредѣляются столько же личными отношеніями его отца, сколько и собственными, теряются неспособностью поддерживать ихъ, или возрастаютъ рѣшительнымъ перевѣсомъ достоинствъ надъ другими совмѣстными личностями. Однимъ словомъ, безусловность поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе. Общество слагалось не изъ частныхъ собственностей, къ которымъ приписывались лица, но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность.

Запутанность, которая впослѣдствіи могла произойти отъ этихъ отношеній въ высшихъ слояхъ общества при уничтоженіи мелкихъ княжествъ и сліяніи ихъ въ одно правительственное устройство, была случайная и имѣла основаніе свое, какъ кажется, въ причинахъ постороннихъ, являясь не какъ необходимое развитіе, но уже какъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго развитія основного духа всей русской государственности. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, это особенное, совершенно отличное отъ Запада, положеніе, въ которомъ человѣкъ понималъ себя относительно поземельной собственности, должно было находиться въ связи со всею совокупностью его общественныхъ и общежительныхъ и нравственныхъ отношеній.

Потому общежительныя отношенія русскихъ были также отличны отъ западныхъ. Я не говорю о различіи нѣкоторыхъ частныхъ формъ, которыя можно почитать несущественными случайностями народной особенности. Но самый характеръ народныхъ обычаевъ, самый смыслъ общественныхъ отношеній и частныхъ нравовъ былъ совсѣмъ иной. Западный человѣкъ раздробляетъ свою жизнь на отдѣльныя стремленія и, хотя связываетъ ихъ разсудкомъ въ одинъ общій планъ, однакоже въ каждую минуту жизни является какъ иной человѣкъ. Въ одномъ углу его сердца живетъ чувство религіозное, которое онъ употребляетъ при упражненіяхъ благочестія; въ другомъ, отдѣльно — силы разума и усилія житейскихъ занятій; въ третьемъ — стремленія къ чувственнымъ утѣхамъ; въ четвертомъ — нравственно-семейное чувство; въ пятомъ — стремленіе къ личной корысти; въ шестомъ — стремленіе къ наслажденіямъ изящно-искусственнымъ; и каждое изъ частныхъ стремленій подраздѣляется еще на разные виды, сопрово-

ждаемые особыми состояніями души, которыя всѣ являются разрозненно одно отъ другого и связываются только отвлеченнымъ разсудочнымъ воспоминаніемъ. Западный человѣкъ легко могъ поутру молиться съ горячимъ, напряженнымъ, изумительнымъ усердіемъ; потомъ отдохнуть отъ усердія, забывъ молитву и упражняя другія силы въ работѣ; потомъ отдохнуть отъ работы, не только физически, но и нравственно, забывая ея сухія занятія за смѣхомъ и звономъ застольныхъ пѣсенъ; потомъ забыть весь день и всю жизнь въ мечтательномъ наслажденіи искусственнаго зрѣлища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно-правильной жизни.

Не такъ человѣкъ русскій. Молясь въ церкви, онъ не кричитъ отъ восторга, не бьетъ себя въ грудь, не падаетъ безъ чувствъ отъ умиленія; напротивъ, во время подвига молитвеннаго онъ особенно старается сохранить трезвый умъ и цѣльность духа. Когда же не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвеннаго самосознанія проникнетъ въ его душу, и умиленіе коснется его сердца, то слезы его льются незамѣтно, и никакое страстное движеніе не смущаетъ глубокой тишины его внутренняго состоянія. Зато онъ не поетъ и застольныхъ пѣсенъ. Его обѣдъ совершается съ молитвою. Съ молитвою начинаетъ и оканчиваетъ онъ каждое дѣло. Съ молитвою входитъ въ домъ и выходитъ. Послѣдній крестьянинъ, являясь во дворецъ передъ лицо великаго князя (за честь котораго онъ, можетъ-быть, вчера еще отваживалъ свою жизнь въ какомъ-нибудь случайномъ спорѣ съ ляхами), не кланяется хозяину прежде, чѣмъ преклонится передъ изображеніемъ святыни, которое всегда, очевидно, стояло въ почетномъ углу каждой избы, большой и малой. Такъ русскій человѣкъ каждое важное и неважное дѣло свое всегда связывалъ непосредственно съ высшимъ понятіемъ ума и съ глубочайшимъ средоточіемъ сердца.

Однакоже надобно признаться, что это постоянное стремленіе къ совокупной цѣльности всѣхъ нравственныхъ силъ могло имѣть и свою опасную сторону. Ибо только въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ классы равно проникнуты однимъ духомъ; гдѣ повсемѣстно уважаемые

и многочисленные монастыри, — эти народныя школы и высшіе университеты религіознаго государства, — вполнѣ владѣютъ надъ умами; гдѣ, слѣдовательно, люди, созрѣвшіе въ духовной мудрости, могутъ постоянно руководствовать другихъ, еще не дозрѣвшихъ, — тамъ подобное расположеніе человѣка должно вести его къ высшему совершенству. Но когда, еще не достигнувъ до самобытной зрѣлости внутренней жизни, онъ будетъ лишенъ руководительныхъ заботъ высшаго ума, то жизнь его можетъ представить неправильное сочетаніе излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями. Оттого видимъ мы иногда, что русскій человѣкъ, сосредоточивая всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать больше, чѣмъ осторожный нѣмецъ не сдѣлаетъ въ тридцать; но зато потомъ уже долго не можетъ онъ добровольно приняться за дѣло свое. Вотъ почему, при такомъ недозрѣломъ состояніи и при лишеніи единодушнаго руководителя, часто для русскаго человѣка самый ограниченный умъ нѣмца, размѣряя по часамъ и табличкѣ мѣру и степень его трудовъ, можетъ лучше, чѣмъ онъ самъ, управлять порядкомъ его занятій.

Но въ древней Россіи эта внутренняя цѣльность самосознанія, въ которой самые обычаи направляли русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постояннаго, ежеминутнаго самоотверженія былъ не геройскимъ исключеніемъ, но дѣломъ общей и обыкновенной обязанности. До сихъ поръ еще сохраняется этотъ характеръ семейной цѣльности въ нашемъ крестьянскомъ быту. Ибо, если мы захотимъ вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то замѣтимъ въ ней то обстоятельство, что каждый членъ семьи, при всѣхъ своихъ безпрестанныхъ трудахъ и постоянной заботѣ объ успѣшномъ ходѣ всего хозяйства, никогда въ своихъ усиліяхъ не имѣетъ въ виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгодѣ совершенно отсѣкъ онъ отъ самаго корня своихъ побужденій. Цѣльность семьи есть одна общая цѣль и пружина. Весь избытокъ хозяйства идетъ безотчетно одному главѣ семейства; всѣ частные заработки сполна и совѣстливо отдаются ему. И притомъ образъ мысли всей семьи обыкновенно мало улучшается и отъ излишнихъ избытковъ главы семейства; но частные члены

не входятъ въ ихъ употребленіе и не ищутъ даже узнать величину ихъ: они продолжаютъ свой вѣчный трудъ и заботы съ одинакимъ самозабвеніемъ, какъ обязанность совѣсти, какъ опору семейнаго согласія. Въ прежнія времена это было еще разительнѣе, ибо семьи были крупнѣе и составлялись не изъ однихъ дѣтей и внуковъ, но сохраняли свою цѣльность при значительномъ размноженіи рода. Между тѣмъ и теперь еще можемъ мы ежедневно видѣть, какъ легко, при важныхъ несчастіяхъ жизни, какъ охотно, скажу даже, какъ радостно одинъ членъ семейства всегда готовъ добровольно пожертвовать собою за другого, когда видитъ въ своей жертвѣ общую пользу своей семьи.

На Западѣ ослабленіе семейныхъ связей было слѣдствіемъ общаго направленія образованности: отъ высшихъ классовъ народа перешло оно къ низшимъ прямымъ вліяніемъ первыхъ на послѣдніе и неудержимымъ стремленіемъ послѣднихъ перенимать нравы класса господствующаго. Эта страстная подражательность тѣмъ естественнѣе, чѣмъ однороднѣе умственная образованность различныхъ классовъ, и тѣмъ быстрѣе приноситъ плоды, чѣмъ искусственнѣе характеръ самой образованности, и чѣмъ болѣе она подчиняется личнымъ мнѣніямъ.

Въ высшихъ слояхъ европейскаго общества, семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщинъ, дѣломъ почти постороннимъ. Отъ самаго рожденія дѣти знатныхъ родовъ воспитывались за глазами матери. Особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мода воспитать дочерей внѣ семьи, въ отдѣленныхъ отъ нея непроницаемыми стѣнами монастыряхъ, сдѣлалась общимъ обычаемъ высшаго сословія, тамъ мать семейства вовсе почти лишена была семейнаго смысла. Переступая черезъ порогъ монастыря только для того, чтобы итти подъ вѣнецъ, она тѣмъ же шагомъ вступала въ заколдованный кругъ свѣтскихъ обязанностей, прежде чѣмъ узнала обязанности семейныя. Потому чувствительность къ отношеніямъ общественнымъ брала въ ней верхъ надъ отношеніями домашними. Самолюбивыя и шумныя удовольствія гостиной замѣняли ей тревоги и радости тихой дѣтской. Салонная любезность и умѣнье жить въ свѣтѣ, съ избыткомъ развиваясь на счетъ другихъ добродѣтелей, сдѣлались самою суще-

ственною частію женскаго достоинства. Скоро для обоихъ половъ блестящая гостиная обратилась въ главный источникъ удовольствій и счастія, въ источникъ ума и образованности, въ источникъ силы общественной, въ господствующую и всепоглощающую цѣль ихъ искусственной жизни. Оттуда, — особенно въ государствахъ, гдѣ воспитаніе женщинъ высшаго круга совершалось внѣ семьи, — произошло великолѣпное, обворожительное развитіе общежительныхъ утонченностей; вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ и нравственное гніеніе высшаго класса и въ немъ первый зародышъ знаменитаго впослѣдствіи ученія о всесторонней эманципаціи женщины.

Въ Россіи между тѣмъ формы общежитія, выражая общую цѣльность быта, никогда не принимали отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія, оторваннаго отъ жизни всего народа, и потому не могли заглушить въ человѣкѣ его семейнаго смысла, ни повредить цѣльности его нравственнаго возрастанія. Рѣзкая особенность русскаго характера въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что никакая личность, въ общежительныхъ сношеніяхъ своихъ, никогда не искала выставить свою самородную особенность какъ какое-то достоинство; но все честолюбіе частныхъ лицъ ограничивалось стремленіемъ быть правильнымъ выраженіемъ основного духа общества. Потому, какъ гостиная не правительствуетъ въ государствѣ, котораго всѣ части проникнуты сочувствіемъ со всею цѣльностію жизни общественной; какъ личное мнѣніе не господствуетъ въ обществѣ, которое незыблемо стоитъ на убѣжденіи,— такъ и прихоть моды не властвуетъ въ немъ, вытѣсняясь твердостію общаго быта.

При такомъ устройствѣ нравовъ, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ и не слѣдствіемъ неразвитія образованности, но требовалась самымъ характеромъ основного просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стремленій общества и человѣка; она была, можно сказать, въ самой натурѣ искусственной образованности; ее могли порицать духовные, въ противность обычнымъ понятіямъ, но въ общемъ мнѣніи она была почти добродѣтелью. Ей не уступали, какъ слабости, но, напротивъ, гордились ею,

какъ завиднымъ преимуществомъ. Въ средніе вѣка народъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на наружный блескъ, окружающій человѣка, и свое понятіе объ этомъ наружномъ блескѣ благоговѣйно сливалъ въ одно чувство съ понятіемъ о самомъ достоинствѣ человѣка. Русскій человѣкъ больше золотой парчи придворнаго уважалъ лохмотья юродиваго. Роскошь проникала въ Россію, но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней извинялись; ей поддавались, какъ пороку, всегда чувствуя ея незаконность, не только религіозную, но и нравственную и общественную.

Западный человѣкъ искалъ развитіемъ внѣшнихъ средствъ облегчить тяжесть внутреннихъ недостатковъ. Русскій человѣкъ стремился внутреннимъ возвышеніемъ надъ внѣшними потребностями избѣгнуть тяжести внѣшнихъ нуждъ. Если бы наука о политической экономіи существовала тогда, то, безъ всякаго сомнѣнія, она не была бы понятна русскому. Онъ не могъ бы согласить съ цѣльностію своего воззрѣнія на жизнь особой науки о богатствѣ. Онъ не могъ бы понять, какъ можно съ намѣреніемъ раздражать чувствительность людей къ внѣшнимъ потребностямъ только для того, чтобы умножить ихъ усилія къ вещественной производительности. Онъ зналъ, что развитіе богатства есть одно изъ второстепенныхъ условій жизни общественной и должно потому находиться не только въ тѣсной связи съ другими высшими условіями, но и въ совершенной имъ подчиненности.

Впрочемъ, если роскошь жизни еще могла, какъ зараза, проникнуть въ Россію, то искусственный комфортъ съ своею художественною изящностію, равно какъ и всякая умышленная искусственность жизни, всякая разслабленная мечтательность ума, никогда не получили бы въ ней право гражданства, какъ прямое и ясное противорѣчіе ея господствующему духу.

По той же причинѣ, если бы и изящныя искусства имѣли время развиться въ древней Россіи, то, конечно, приняли бы въ ней другой характеръ, чѣмъ на Западѣ. Тамъ развивались они сочувственно съ общимъ движеніемъ мысли, и потому та же раздробленность духа, которая въ умозрѣніи произвела логическую отвлеченность, въ изящныхъ искусствахъ породила мечтательность и разрозненность сердечныхъ стремленій. Оттуда

языческое поклоненіе отвлеченной красотѣ. Вмѣсто того, чтобы смыслъ красоты и правды хранить въ той неразрывной связи, которая, конечно, можетъ мѣшать быстротѣ ихъ отдѣльнаго развитія, но которая бережетъ общую цѣльность человѣческаго духа и сохраняетъ истину его проявленій, западный міръ, напротивъ того, основалъ красоту свою на обманѣ воображенія, на завѣдомо ложной мечтѣ, или на крайнемъ напряженіи односторонняго чувства, рождающагося изъ умышленнаго раздвоенія ума. Ибо западный міръ не сознавалъ, что мечтательность есть сердечная ложь, и что внутренняя цѣльность бытія необходима не только для истины разума, но и для полноты изящнаго наслажденія.

Это направленіе изящныхъ искусствъ шло не мимо жизни всего западнаго міра. Изнутри всей совокупности человѣческихъ отношеній рождается свободное искусство и, явившись на свѣтъ, снова входитъ въ самую глубину человѣческаго духа, укрѣпляя его или разслабляя, собирая его силы или расточая ихъ. Отъ того, я думаю, ложное направленіе изящныхъ искусствъ еще глубже исказило характеръ просвѣщенія европейскаго, чѣмъ само направленіе философіи, которая тогда только бываетъ пружиною развитія, когда сама результатъ его. Но добровольное, постоянное и, такъ сказать, одушевленное стремленіе къ умышленному раздвоенію внутренняго самознанія расщепляетъ самый корень душевныхъ силъ. Оттого разумъ обращается въ умную хитрость, сердечное чувство — въ слѣпую страсть, красота — въ мечту, истина — въ мнѣніе, наука — въ силлогизмъ, существенность — въ предлогъ къ воображенію, добродѣтель — въ самодовольство, а театральность является неотвязною спутницею жизни, внѣшнею прикрышкою лжи, какъ мечтательность служитъ ей внутреннею маскою.

Но назвавъ «самодовольство», я коснулся еще одного, довольно общаго отличія западнаго человѣка отъ русскаго. Западный, говоря вообще, почти всегда доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ; почти каждый изъ европейцевъ всегда готовъ, съ гордостію ударяя себя по сердцу, говорить себѣ и другимъ, что совѣсть его вполнѣ спокойна, что онъ совершенно чистъ передъ Богомъ и людьми, что онъ одного только про-

ситъ у Бога, чтобы другіе люди всѣ были на него похожи. Если же случится, что самыя наружныя дѣйствія его придутъ въ противорѣчіе съ общепринятыми понятіями о нравственности, онъ выдумываетъ себѣ особую, оригинальную систему нравственности, вслѣдствіе которой его совѣсть опять успокоивается. Русскій человѣкъ, напротивъ того, всегда живо чувствуетъ свои недостатки, и чѣмъ выше восходитъ по лѣстницѣ нравственнаго развитія, тѣмъ болѣе требуетъ отъ себя, и потому тѣмъ менѣе бываетъ доволенъ собою. При уклоненіяхъ отъ истиннаго пути онъ не ищетъ обмануть себя какимъ-нибудь хитрымъ разсужденіемъ, придавая наружный видъ правильности своему внутреннему заблужденію, но даже въ самыя страстныя минуты увлеченія, всегда готовъ сознать его нравственную незаконность.

Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго, ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, сведя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской Церкви, — въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности, — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, — здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій, — здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ Церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство смѣшаннаго характера, — въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты, — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредотачивавшіе въ себѣ высшее значеніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, —

здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской, — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, — въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, — здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній, — здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая, — здѣсь — выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, — здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, — здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами, — здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, — здѣсь незыблемость основного убѣжденія; тамъ прихоть моды, — здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, — здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни, — здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, — у русскаго — глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей,

раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго, — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность* будутъ послѣднимъ выраженіемъ западно-европейской и древне-русской образованности.

Но здѣсь естественно приходитъ вопросъ: отчего же образованность русская не развилась полнѣе образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отчего не опередила Россія Европу? Отчего не стала она во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества, имѣя столько залоговъ для правильнаго и всеобъемлющаго развитія духа?

Въ объясненіе этого сказать: что если развитіе русскаго ума отдалилось на нѣсколько вѣковъ отъ того времени, когда оно, по вѣроятности, должно было совершиться, то это произошло по высшей волѣ Провидѣнія, — значило бы сказать мысль справедливую, но не отвѣтную. Святое Провидѣніе не безъ нравственной причины человѣка продолжаетъ или сокращаетъ назначенный ему путь. Отъ Египта до Обѣтованной земли, израильскій народъ могъ совершить въ 40 дней то путешествіе черезъ пустыни Аравійскія, которое онъ совершалъ 40 лѣтъ только потому, что душа его удалялась отъ чистаго стремленія къ Богу, его ведущему.

Но мы говорили уже, что каждый патріархатъ во вселенской Церкви, каждый народъ, каждый человѣкъ, принося на служеніе ей свою личную особенность, въ самомъ развитіи этой особенности встрѣчаетъ опасность для своего внутренняго равновѣсія и для своего согласнаго пребыванія въ общемъ духѣ православія.

Въ чемъ же заключалась особенность Россіи сравнительно съ другими народами міра православнаго, и гдѣ таилась для нея опасность? И не развилась ли эта особенность въ нѣкоторое излишество, могущее уклонить ея умственное направленіе отъ прямого пути къ назначенной ей цѣли?

Здѣсь, конечно, могутъ быть только гадательныя предположенія. Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я думаю, что особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней, — во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ. Отъ этого смѣшенія, конечно, ограждалъ его самый характеръ православнаго ученія, преимущественно заботящагося о цѣльности духа. Однакоже разумъ ученія, принимаемаго человѣкомъ, не совершенно уничтожаетъ въ немъ общечеловѣческую слабость. Въ человѣкѣ и въ народѣ нравственная свобода воли не уничтожается никакимъ воспитаніемъ и никакими постановленіями. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, видимъ мы, что уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа. Можетъ-быть, начало этого неравновѣсія должно искать еще и прежде, но въ XVI вѣкѣ оно уже становится видимымъ. Нѣкоторыя поврежденія, вкравшіяся въ богослужебныя книги, и нѣкоторыя особенности въ наружныхъ обрядахъ Церкви упорно удерживались въ народѣ, несмотря на то, что безпрестанныя сношенія съ Востокомъ должны бы были вразумить его о несходствахъ съ другими Церквами. Въ то же время видимъ мы, что частныя юридическія постановленія Византіи не только изучались, но и уважались наравнѣ почти съ постановленіями обще-церковными, и уже выражается требованіе примѣнять ихъ къ Россіи, какъ бы они имѣли всеобщую обязательность. Въ то же время въ монастыряхъ, сохранявшихъ свое наружное благолѣпіе, замѣчался нѣкоторый упадокъ въ строгости жизни. Въ то же время, правильное въ началѣ, образованіе взаимныхъ отношеній бояръ и помѣщиковъ начинаетъ принимать характеръ уродливой формальности запутаннаго мѣстничества. Въ то же время близость уніи, страхомъ чуждыхъ нововведеній, еще болѣе усиливаетъ общее стремленіе къ боязливому сохраненію всей, даже на-

ружной и буквальной цѣлости въ коренной русской православной образованности.

Такимъ образомъ уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ и, потомъ, своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: вырабатывать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ, полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни. Тогда, вырвавшись изъ-подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія, русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцовъ Церкви найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности.

Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ расцвѣтающее. Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность западная.

Однакоже, говоря «направленіе», я неизлишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда-нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая-либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу, то это видѣніе не обрадовало бы меня. Напротивъ, оно испугало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другого устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я, чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи святой православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей православной Россіи...

И. В. Кирѣевскій.

Московскій Сборникъ 1852.

II. Избранныя мѣста изъ сочиненій А. С. Хомякова.

I.

О началѣ личномъ и общинномъ въ древней Руси, о Петрѣ Великомъ, объ отчужденности Русскаго образованнаго класса отъ старины и Русской народности.

Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, несмотря на треволненія его и на внутренній трудъ общинъ, силившихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человѣческое было доступно человѣку (разумѣется, по мѣрѣ его знаній и умственныхъ силъ). Быть-можетъ, перевѣсъ перваго, т.-е. общественнаго начала, былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скрѣпленію государства, и вслѣдствіе внѣшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но область личной мысли была еще довольно обширна. Стихія народная не враждовала съ обще-человѣческимъ даже тогда, когда обще-человѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служитъ знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на Новгородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ Нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новогородскаго лѣтописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримѣръ, съ крестовыми походами), и многое другое.

Кажется, подозрительность и вражда къ западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентинскаго собора и латинскаго насилія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развились онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціею и купечествомъ и баронствомъ прибалтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало-по-малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною ко всему иноземному. Область духа человѣческаго была стѣснена; но такое стѣсненіе, противное какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно-низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни. Правда, люди, желавшіе измѣнить старину, были въ то же время измѣнниками отечеству, но это только была историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направленіе, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народнаго начала, стѣснявшаго свободу мысли человѣческой, было не совсѣмъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглецъ и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что «русской людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя»; но лучшая сторона того же требованія находила сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно должно было получить со временемъ свои законныя права; быть-можетъ, оно должно было впасть въ крайность, потому что было вызвано проти-

воположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себѣ представителя, давшаго ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись народовъ, былъ Петръ. Какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падаетъ на его память), она признаетъ, что направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ; оно сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно. Нѣчего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплясаться въ русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.

По поводу Гумбольта. Соч. т. I, 153.

———*———

Трудно сказать, чего именно хотѣлъ Петръ и сознавалъ ли онъ послѣдствія своего дѣла. По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ искалъ пробужденія русскаго ума. Многіе изъ его современниковъ, можетъ-быть, самые достойные его понимать, не поняли его. Петръ вводилъ къ намъ европейскую науку; черезъ это онъ вводилъ къ намъ всю жизнь Европы. Таково было необходимое послѣдствіе его дѣла, но въ этомъ отношеніи онъ былъ небезсознателенъ. Его борьба была съ цѣлою, нѣсколько закоснѣвшею жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя; онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться; онъ искажалъ прекрасный языкъ русскій, онъ искажалъ самое свое благородное имя, коверкая его въ голландскую форму Питеръ; но ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія. — Этотъ судъ не строгъ. Человѣкъ боролся, и въ борьбѣ раз-

горѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считаетъ добрымъ.

Медленно и лѣниво развились сѣмена мысли, перенесенной съ Запада; еще бы медленнѣе развились они, если бы изъ самыхъ нѣдръ Россіи не выросъ геніальный простолюдинъ Ломоносовъ. Но быстро и почти мгновенно разрослись другіе плоды дѣлъ Петровыхъ,— плоды той несчастной формы, въ которую облекалъ онъ или въ которую, можетъ-быть, облеклась мысль, которою онъ хотѣлъ обогатить насъ. Наука, т.-е. анализъ, по сущности своей вездѣ одинъ и тотъ же; его законы одни для всѣхъ земель, для всѣхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаетъ, измѣняется съ мѣстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіи эта ошибка достигла громадныхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человѣкомъ всѣ формы Запада, всѣ внѣшніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы, вслѣдствіе ли тщеславія, или подражательности, или личныхъ выгодъ, или слабости, естественной всѣмъ людямъ, принимать охотно все, что̀ можетъ ихъ отличить отъ другихъ людей, получившихъ въ жизни менѣе счастливый удѣлъ, и поставить ихъ, повидимому, выше ихъ братій. Формы, облекающія просвѣщеніе, приняты были нами за самое просвѣщеніе.

Аристотель и всемірная выставка. Соч. т. I, 180.

———*———

Это духовное рабство передъ западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ русской земли, разсмотрѣнные въ продолженіе цѣлаго столѣтія, представляютъ весьма любопытное и поучительное явленіе. Отрицаніе всего русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни, доходило до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то

страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежатъ болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣднему; но послѣдній, при бо́льшемъ безстрастіи, заключаетъ въ себѣ бо́льшее презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе всего народнаго.

Соч. т. I, 156.

———*———

Обычай весь состоитъ изъ бытовыхъ мелочей; но кто же изъ насъ не признаётся, что обычай не существуетъ для насъ, и что нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже неспособенъ обратиться въ обычай? Прошедшаго для насъ нѣтъ, вчерашній день — старина, а недавнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ — едва ли уже не египетская древность. Рѣдкая семья знаетъ что-нибудь про своего пра-прадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правнуковъ. Знали ли бы что-нибудь Шереметевы про уваженіе народа къ Шереметеву, современнику Грознаго, или Карамышевы—про подвиги своего предка, если бы не потрудилась народная пѣснь сохранить память объ нихъ, прибавивъ, разумѣется, и небывалыя дѣла? У насъ есть юноши, недавно вышедшіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болѣе или менѣе, по своему школьному направленію или по напитію современныхъ мыслей, потомъ есть юноши сѣдые, потомъ юноши дряхлые, а старцевъ у насъ нѣтъ. Старчество предполагаетъ преданіе, не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда новенькіе съ иголочки; старина у народа. Это должно бы намъ внушить уваженіе; но у насъ не только нѣтъ обычая, не только нѣтъ быта, могущаго переійти въ обычай, но нѣтъ и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болѣе всякая полудѣтская мечта о какомъ-нибудь улучшеніи, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отстранить или нарушить всякій обычай народный, какой бы онъ ни былъ общій, какой бы онъ ни былъ древній.

Сочин. т. I, 164.

II.

О возвратѣ къ началамъ Русской народной жизни.

Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полузнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т.-е. Великой, Малой и Бѣлой), несмотря на наши долгія заблужденія и на наши, къ счастію, безполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу. То, что̀ было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно, мы бы ея никогда не отыскали и не возсоздали; ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ, противнымъ всѣмъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-стариковъ во Франціи, да могутъ въ иномъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей-соціалистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ своей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный залогъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себѣ: сто́итъ только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія, но я не считаю его слишкомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ ни для всѣхъ. Гордыя привычки нашей разсыпной, единичной жизни держатъ каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе— нелегкое дѣло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить тѣ свѣтлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душою. Можетъ-быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ, какъ любовь къ неграмъ, къ готтентотамъ и индѣй-

цамъ существуетъ въ добромъ англичанинѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою на роль если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна,—скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землѣ, но высшее должны отъ нея принять.

О возможности русской художественной школы. Соч. т. I, 91.

———*———

Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе — чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его Латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало исконно въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора Германскаго или формальнаго права Римскаго (т.-е. правды внѣшней), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды.

Для того, чтобы оживились наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнію русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго, и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ.

———*———

Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ-быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше итальянскоï баркароллы или тарантеллы, но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно такъ же для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора. Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живого органа въ великомъ организмѣ; только при немъ могутъ всякая здоровая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стремится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ, вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалѣть не должно, когда предположенная цѣль есть возрожденіе жизненныхъ началъ въ насъ и развитіе истиннаго просвѣщенія въ Святой Руси.

Т. I, 98—100.

III.

Изъ Посланія къ Сербамъ.

Посланіе было составлено Хомяковымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины (1860), было напечатано въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1860 г. съ сербскимъ переводомъ. Подписанное всѣми выдающимися славянофилами, оно является какъ бы завѣщаніемъ Хомякова и его друзей всему славянству. Мы даемъ два отрывка...

I.

...Не насиліемъ посѣяно христіанство въ мірѣ; не насиліемъ, а побѣждая всякое насиліе, возросло оно. Поэтому не насиліемъ должно быть охраняемо оно, и горе тѣмъ, которые хотятъ силу Христову защищать безсиліемъ человѣческаго орудія! Вѣра есть дѣло духовной свободы и не терпитъ принужденія; вѣра же истин-

ная побѣждаетъ міръ, а не проситъ меча мірского для торжества своего. Поэтому уважайте всякую свободу совѣсти и вѣры, дабы никто не могъ оскорблять истину и говорить, что она боится лжи и не смѣетъ состязаться съ ложью оружіемъ мысли и слова. Ревнуйте къ чести Божіей не робостью и сомнѣніемъ въ ея могуществѣ, но смѣлою и спокойною увѣренностью въ ея побѣдѣ.

Но, съ другой стороны, имѣйте всегда въ виду значеніе и достоинство вѣры. Весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что она ограничивается простымъ исповѣданіемъ, или обрядами, или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Нѣтъ: вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало, или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому вѣра есть также высшее общественное начало; ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Здоровое общество гражданское основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи; а эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣрахъ. Евреи и магометанинъ исповѣдуютъ единаго Бога, какъ и христіане, но одинаковы ли ихъ понятія о правдѣ и милости съ нашими? Конечно, скажутъ, что они не знаютъ ни таинства Святой и Приснопоклоняемой Троицы, ни любви Божіей, спасшей насъ черезъ Христа, и что, слѣдовательно, различіе между ими и нами слишкомъ велико; но мы знаемъ, что и у христіанъ, кромѣ истинной православной Церкви, нѣтъ ни вполнѣ яснаго понятія ни вполнѣ искренняго чувства братства. Это понятіе, это чувство воспитывается и крѣпнетъ только въ православіи. Не даромъ община, и святость мірского приговора, и безпрекословная покорность каждаго передъ единогласнымъ рѣшеніемъ братьевъ — сохранились только въ земляхъ православныхъ. Ученіе вѣры воспитываетъ душу даже безъ общественнаго быта. Папистъ ищетъ власти посторон-

ней и личной, какъ онъ привыкъ ей покоряться въ дѣлахъ вѣры; реформатъ доводитъ личную свободу до слѣпой самоувѣренности, такъ же какъ и въ своемъ мнимомъ богопознаніи. Таковъ духъ ихъ ученія. Одинъ только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряетъ ее единогласному рѣшенію соборной совѣсти. Оттого-то и не могла земская община сохранить свои права внѣ земель православныхъ; оттого и славянинъ вполнѣ славяниномъ внѣ православія быть не можетъ. Сами наши братья, совращенные въ западную ложь, будь они паписты или реформаты, съ горемъ сознаются въ этомъ. То же окажется и во всѣхъ дѣлахъ суда и правды и во всѣхъ понятіяхъ объ обществѣ; ибо въ основѣ его лежитъ братство.

Да будетъ же всѣмъ полная свобода въ вѣрѣ и въ исповѣданіи ея! Да не терпитъ никто угнетенія или преслѣдованія въ дѣлѣ богопознанія или богопоклоненія! Никто, хотя бы онъ былъ (чего Боже избави!) совратившійся съ пути истиннаго Сербъ! Да будетъ онъ вамъ все еще братомъ, хотя несчастнымъ и ослѣпленнымъ! Но да не будетъ уже онъ ни законодателемъ, ни правителемъ, ни судьею, ни членомъ общиннаго схода: ибо иная совѣсть у него, иная у васъ.Великій апостолъ языковъ говоритъ: «Не стыдно ли вамъ, христіанамъ, судиться передъ язычниками? Пусть судятъ между васъ братья». Поэтому иновѣрецъ долженъ быть для васъ, какъ гость, охраняемый вами отъ всякой неправды и пользующійся всѣми вашими правами въ дѣлахъ жизни частной, но не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ или сыномъ великаго Сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ. Богъ избавилъ васъ отъ внутренняго разъединенія: не допускайте такого разъединенія въ самыхъ нѣдрахъ совѣсти народной и общественнаго духа. Горько намъ подумать, что не всѣ Славяне православные. Вѣримъ, что и они со временемъ всѣ просвѣтятся истиною; любимъ ихъ душою и всегда готовы протянуть имъ руку братства и помощи противъ всѣхъ; но думаемъ, что они такимъ исключеніемъ оскорбиться не могутъ, и сами, по любви къ вамъ, не захотѣли бы внести сѣмена раздора и разномыслія въ ваше общество.

Есть между вами богатые и бѣдные, точно такъ же, какъ сильные и слабые, здоровые и немощные, умные и глупые; но что бы вы сказали о законѣ, по которому велѣно бы было такому-то быть богатымъ, а такому-то быть бѣднымъ, или такому-то умнымъ, а такому-то глупымъ? Разуменъ ли былъ бы такой законъ и согласенъ ли съ Христіанствомъ? Не всѣ ли вы люди? Не всѣ ли вы Славяне? Не всѣ ли Сербы? Счастливы вы предъ всѣми народами въ томъ, что всякій Сербъ смотритъ на Серба, какъ на брата, равнаго ему, и нѣтъ между вами высшаго или низшаго, кромѣ службы обществу, которая опредѣляетъ людямъ разные чины, по разнымъ заслугамъ или потребностямъ государства. Сохраняйте это равенство, дорожите такимъ великимъ сокровищемъ! Не допускайте никакихъ законовъ, никакихъ мѣръ правительственныхъ, никакихъ обычаевъ, которые могли бы разрывать братство. Во всѣхъ другихъ земляхъ ввелось такое злое начало, что иной считается благороднымъ, иной низкимъ по крови: «такой-то мнѣ не равенъ», или «такой-то не можетъ быть въ нашемъ кругѣ, потому что онъ низкаго происхожденія», или «такой-то не смѣетъ свататься за мою дочь, потому что онъ неблагороднаго дома», и такъ далѣе. Изъ великой неправды возникаетъ великое общественное зло: гордость мнимо-высшихъ, злоба и зависть мнимо-низшихъ, и, слѣдовательно, раздоры и слабость общественная. Пусть это зло остается при тѣхъ, у которыхъ оно уже существуетъ и пронстекло изъ исторіи. Не прививайте примѣра Польши, вамъ единокровной. Тамъ немногія тысячи считали себя народомъ, а народъ считали стадомъ, едва достойнымъ имени человѣческаго; и вотъ, несмотря на всѣ свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывайте такого урока! Пусть судія судитъ, и правитель управляетъ, и князь княжитъ, какъ нужно обществу; но внѣ своей должности будетъ всякій Сербъ, нынѣ и всегда, равенъ своимъ братьямъ.

Многому еще должны вы учиться, братья, у тѣхъ народовъ, которымъ Богъ далъ издавна свободу отъ внѣшняго угнетенія и возможность посвятить мысль и дни свои усовершенствованію наукъ и художествъ. Сами вы видите, и не нужно вамъ доказывать, какія

силы наука даетъ человѣку, и какъ покоряетъ она ему самую природу. Но наука даетъ еще болѣе: она расширяетъ предѣлы Богомъ даннаго намъ разума, уясняетъ наши понятія, просвѣтляетъ наши умственные взоры, раскрываетъ тайны міра Божьяго и чудеса Его творческой премудрости. Пріобрѣтать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно, для исполненія воли Божіей, давшей намъ разумъ, какъ поле многоплодное, которое не должно лежать въ залежи и порастать терніями невѣжества и ложныхъ мнѣній, но украшаться жатвою знанія и истины. Итакъ, мы говоримъ, что много добрыхъ и полезныхъ знаній еще должны вы пріобрѣсти отъ другихъ народовъ (будь они Нѣмцы или иные) для достиженія той степени умственнаго развитія, къ которой вы призваны. Но знаніе не есть еще истинное просвѣщеніе. Знаніе есть расширеніе умственнаго богатства, просвѣщеніе же истинное, сверхъ знанія, заключаетъ въ себѣ развитіе высшихъ началъ нравственныхъ и духовныхъ. Пріобрѣтеніе знанія не многотрудно, пріобрѣтеніе же высшаго нравственнаго развитія есть высшая задача для человѣка, и многіе люди, лишенные по обстоятельствамъ жизни знанія научнаго, но глубоко проникнутые нравственнымъ свѣтомъ, ближе къ полному просвѣщенію, чѣмъ многознающіе, но лишенные силы жизни духовной.

II.

...По свѣту ходитъ объ васъ великая похвала, которую, какъ думаемъ, вы заслуживаете: это похвала чистотѣ вашихъ нравовъ. Съ нею связаны святость и крѣпость узъ семейныхъ, счастіе и истинныя радости жизни, здоровье народное и, прямо или косвенно, всѣ начала общественнаго преуспѣянія. Не умаляйте своей славы! Пусть будетъ безъ чести въ обществѣ, кто не честенъ въ своей жизни домашней. Тотъ, кто не имѣетъ чистой совѣсти, или совѣсти не слушается въ своемъ дѣлѣ личномъ, не послушается ея въ дѣлѣ общественномъ, и, слѣдовательно, ему довѣрить нельзя; а показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается участникомъ ихъ пороковъ. Есть у многихъ народовъ

нелѣпое и богопротивное мнѣніе, что чистота нравовъ болѣе прилична женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ. Смотрите на такое мнѣніе съ презрѣніемъ! Отъ нравовъ мужескихъ зависитъ нравственность женщины; а мужчинѣ, сосуду крѣпкому и главѣ созданія Божьяго, требовать отъ сосуда слабаго — женщины, — такихъ добродѣтелей, которыхъ въ немъ самомъ нѣтъ, есть дѣло не только не разумное, но и не честное.

Будьте строги въ судѣ общественнаго мнѣнія: безъ этого не убережетесь отъ постепенной порчи нравовъ. Но не давайте воли неразумнымъ подозрѣніямъ и недовѣрію, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте. Въ судѣ же законномъ и уголовномъ будьте милосердны: помните, что въ каждомъ преступленіи частномъ есть бо́льшая или меньшая вина общества, мало оберегающаго своихъ членовъ отъ первоначальнаго соблазна или не заботящагося о христіанскомъ образованіи ихъ съ раннихъ лѣтъ. Не казните преступника смертью. Онъ уже не можетъ защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитнаго, христіанину же грѣшно лишать человѣка возможности покаяться. Издавна у насъ на землѣ русской смертная казнь была отмѣнена, и теперь она намъ всѣмъ противна, и въ общемъ ходѣ уголовнаго суда не допускается. Такое милосердіе есть слава православнаго племени Славянскаго. Отъ Татаръ да ученыхъ Нѣмцевъ появилась у насъ жестокость въ наказаніяхъ, но скоро исчезнутъ и послѣдніе слѣды ея. Будьте, говоримъ мы, милосердны въ наказаніяхъ, но милосердіе ваше да будетъ разумно. Лучше казнь повидимому строгая, но поражающая истиннаго преступника, чѣмъ мнимо легкая, но падающая на его семью. Въ такомъ наказаніи болѣе неправды, чѣмъ милосердія. Многіе ищутъ того, чтобы наказаніе было не унизительно для преступника, и думаютъ, что въ этомъ они слѣдуютъ духу человѣколюбія. Это—великая ошибка. Всякое наказаніе (кромѣ духовнаго назиданія) унизительно по тому самому, что оно есть насиліе надъ человѣкомъ; но честь его уже нарушена преступленіемъ, и наказаніе, будучи послѣдствіемъ преступленія, имѣетъ своею цѣлію исправленіе и не прибавляетъ ничего къ безчестію: ибо человѣкъ безчестится не тѣмъ, что̀ терпитъ поневолѣ, а тѣмъ, что̀ дѣлаетъ по волѣ своей. Всякое другое понятіе при-

лично только людямъ, не вѣрующимъ въ достоинство духа человѣческаго, и годно развѣ для Нѣмцевъ, отъ которыхъ оно и пошло, а не для Славянъ. Правда и милосердіе въ наказаніяхъ заключаются въ томъ, чтобы невинный нисколько не страдалъ за виновнаго. Напримѣръ, не болѣе ли правды въ судѣ Китайскомъ (хотя, разумѣется, мы его не хвалимъ), по которому отцы отчасти наказываются за дѣтей, которыхъ они воспитали, чѣмъ въ судѣ Европейскомъ, гдѣ дѣти отчасти наказываются за отцовъ, на которыхъ они никогда не могли имѣть вліянія? Наказаніе, говоримъ мы, не можетъ быть унизительнымъ для преступника: оно можетъ только быть унизительнымъ для самого наказывающаго; но и въ этомъ должно сохранять здравое понятіе. Человѣкъ не унижается, исполняя горькую обязанность, налагаемую на него обществомъ и охраненіемъ спокойствія и жизни братьевъ. Часовой, стоящій у темницы и, такъ сказать, связывающій преступника, дѣлается уже орудіемъ казни; но онъ этимъ не унижается. То же скажемъ и обо всѣхъ временныхъ исполнителяхъ суда военнаго или общиннаго. Унизительно ремесло постояннаго казнителя, посвящающаго жизнь свою совершенію казней надъ братьями, ремесло палача; вездѣ онъ въ презрѣніи, какъ лицо безнравственное и унижающее человѣческую природу; но достойны ли уваженія тѣ общества, которыя сами созидаютъ ремесло, унижающее человѣка, и потомъ презираютъ его за то, чему сами виноваты? Это или лицемѣріе, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы такъ, чтобы у васъ не было палача. Именемъ этого ремесла безчестятся законъ и общество, которымъ этотъ законъ управляетъ. Наконецъ, дайте въ судѣ болѣе мѣста совѣсти, чѣмъ формѣ, и тогда судъ Сербскій будетъ уважаться всѣми народами. Такъ было изстари въ племенахъ Славянскихъ: такъ теперь въ Англіи, и она этимъ славится.

Еще скажемъ: да не будетъ у васъ никакой торжественности въ наказаніяхъ; ибо всякое частное преступленіе и его наказаніе есть уже общее горе.

Дайте совѣсти мѣсто и въ судѣ гражданскомъ. Стыдно, когда законный обрядъ въ обществѣ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ правда и добрая совѣсть; а это

часто случается у другихъ народовъ. Не развивайте у себя сутяжничества: оно противно миру и братолюбію. Мы думаемъ, что хорошо бы было, если бы всякій споръ шелъ сперва на третейскій судъ; затѣмъ, если третьи несогласны между собою, пусть споръ рѣшается общиною; а если онъ происходитъ между членами разныхъ общинъ, пусть онъ идетъ на судъ людей посторонніхъ, чтобы не было раздора между общинами.

Болѣе всего держитесь всякаго учрежденія и всякаго суда общиннаго. Въ немъ болѣе правды, чѣмъ во всякомъ другомъ; да черезъ него и люди привыкаютъ искать добраго мнѣнія у братій своихъ. Гдѣ сходъ сельскій или городской рѣшаетъ дѣла, тамъ уже съ раннихъ лѣтъ воспитывается въ человѣкѣ здравое понятіе о законности и справедливости, развивается разумное сужденіе, и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное у многихъ народовъ равнодушіе къ общему дѣлу. Сходъ мірской есть для народа училище, которое выше всякаго книжнаго воспитанія и никакою книжною мудростію не замѣняется. Мірскими сходами были спасены духъ и разумъ Русскихъ крестьянъ, несмотря на рабство, въ которое заковалъ ихъ неправедный законъ.

Желательно, чтобы сходъ рѣшалъ дѣла приговоромъ единогласнымъ. Таковъ былъ издревле обычай Славянскій. Отъ Нѣмцевъ перешелъ къ Славянамъ обычай считать голоса, какъ будто бы мудрость и правда всегда принадлежали большему числу голосовъ, тогда какъ дѣйствительно большинство зависитъ весьма часто отъ случая. Разсудите еще и о томъ, что гдѣ дѣла идутъ на рѣшеніе большинствомъ, въ людяхъ пропадаетъ или, по крайней мѣрѣ, слабѣетъ желаніе убѣдить своихъ братьевъ, а слѣдовательно, слабѣетъ и самое стремленіе къ согласію въ совѣсти и разумѣ. Если уже нельзя получить рѣшеніе единогласное, лучше передать дѣло посреднику, излюбленному отъ всего схода. Совѣсть и разумъ человѣка, почтеннаго общимъ довѣріемъ, надежнѣе, чѣмъ игра въ счетъ голосовъ. У англичанъ въ судѣ уголовномъ требуется единогласіе присяжныхъ для осужденія, и ихъ судъ уважается всѣмъ міромъ.

Вы Христіане, вы Православные: да будетъ же у васъ правда выше всего! Не вѣрьте, чтобы какому-ни-

будь народу могла служить неправда основою долговѣчнаго успѣха и счастія; она возстановляетъ противъ него чувство злобы въ другихъ народахъ и окружаетъ его врагами. Много на свѣтѣ людей, которые думаютъ, что доброй цѣли позволительно достигать и злыми путями. Таково, какъ извѣстно, ученіе іезуитовъ; но оно строго осуждается святымъ апостоломъ. Всякая неправда отъ лжи и отъ темнаго духа, а его не заставишь служить свѣту Божію, развѣ побѣждая его правдою. И перехитрить его нельзя, ибо весь умъ его въ хитрости. Если когда и кажется, что добрая цѣль бываетъ достигнута злымъ путемъ, это только обманъ, которому не должно поддаваться. Отъ злыхъ средствъ остается въ самомъ добрѣ закваска, чрезъ которую видимое добро обращается въ неожиданное зло, и люди неразумные удивляются потомъ такой перемѣнѣ, не разсуждая путей Божіей правды, которая всегда неизмѣнна. Мы смѣемъ васъ предостерегать въ этомъ дѣлѣ, братья наши Сербы; потому что нѣкоторые изъ васъ, какъ извѣстно, привыкая къ жизни другихъ народовъ, привыкаютъ и къ хитрости ихъ, особенно въ сношеніяхъ дипломатическихъ, и думаютъ чрезъ нее послужить своему отечеству. Обманчива такая надежда. Въ хитрости нельзя побѣдить ни іезуита ни австрійца, но хитрость его легко побѣдить прямодушіемъ и простотою: въ нихъ сила, и сила истинная.

Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрѣпляйте ее, дабы не впасть въ безначаліе и безсиліе; но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнѣнія, какъ словеснаго, такъ и письменнаго. Она созидаетъ силу духа, царство правды и жизнь разума въ народѣ. Безъ нея глохнутъ и умираютъ всѣ добрыя начала, какъ видно изъ опыта многихъ народовъ, и отчасти изъ нашего собственнаго. Она нужна гражданамъ и, можетъ-быть, еще болѣе нужна самой власти, которая безъ нея впадаетъ въ неисцѣльную слѣпоту и готовитъ гибель самой себѣ.

Мы говоримъ: охраняйте свободу мнѣній, и охраняйте ее не только отъ власти, но и отъ самихъ себя. Пусть высказывается всякое сужденіе, какъ бы оно ни было противно вамъ самимъ! Если оно справедливо, оно распространится къ благу общему; если оно ложно,

оно обличится также ко благу общему: ибо правда всегда разумнѣе лжи. Что же бываетъ тамъ, гдѣ мнѣнія не высказываются изъ страха? Справедливыя пропадаютъ, потому что они любятъ свѣтъ, а ложныя, которыя любятъ тьму, не будучи обличены, разрастаются, какъ скрытая язва, и заражаютъ собою самые источники жизни. Выслушивайте все, обличайте неправду, и вы побѣдите ее своею вѣрою въ силу истины, которая есть отъ Бога.

Не говорите много о правѣ и правахъ и не очень слушайте тѣхъ, которые говорятъ о нихъ, но слушайте охотно тѣхъ, которые говорятъ объ обязанности, потому что обязанность есть единственный живой источникъ права. Знаніе собственнаго права въ сильномъ ничего не значитъ, освящая только его волю, а въ безсильномъ оно ничтожно, по самому его безсилію. Знаніе же обязанности связываетъ сильнаго, созидая и освящая права слабыхъ. Себялюбіе говоритъ о правѣ, братолюбіе говоритъ объ обязанности.

Уважайте своихъ пастырей духовныхъ! На нихъ лежитъ великая отвѣтственность передъ Богомъ, и справедливо, чтобы они имѣли великій почетъ у людей; но не дозволяйте, чтобы они величали себя Церковью отдѣльно отъ народа. Будьте въ этомъ ревнивы къ своей чести, ибо вы всѣ члены Церкви Божіей.

Наконецъ, всячески пекитесь объ образованіи и распространеніи знанія во всемъ Сербскомъ народѣ. Старайтесь, чтобы оно могло быть доступно всѣмъ. Распространеніе всякаго знанія въ народѣ требуется не только пользою общественною, но и самою справедливостью; ибо существованіе богатыхъ и безъ того уже много имѣетъ преимуществъ передъ жизнію бѣдныхъ: справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище — знаніе? Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приноситъ обществу и частнымъ людямъ въ жизни общественной, но гораздо болѣе ради того, что ею расширяется и укрѣпляется разумъ, великій Божій даръ. Знайте и то, что тамъ, гдѣ наука пользуется свободою и почетомъ ради самой себя, тамъ она доброплодна и сильно содѣйствуетъ общественному благу; тамъ же, гдѣ ее принимаютъ какъ наемную работницу, тамъ она безсильна и не приноситъ никакихъ плодовъ самому

обществу. Это мы отчасти сами испытали и испытываемъ даже и теперь.

Сохраняйте же и развивайте у себя всѣ добрыя начала! Будьте вѣрны Православію и едины въ просвѣщеніи духовномъ! Не измѣняйте никогда братскому равенству и будьте едины въ цѣльности народной! Стремитесь къ образованности и правдѣ и будьте едины въ достиженіи всякаго общественнаго блага и разумнаго совершенства!

Томъ I. Сочиненія А. С. Хомякова.

III. Записка К. С. Аксакова „о внутреннемъ состояніи Россіи", представленная Государю Императору Александру II въ 1855 г.

Для того, чтобы говорить о внутреннемъ состояніи страны, отъ котораго зависитъ и внѣшнее, надо прежде всего узнать и опредѣлить ея общія народныя основанія, которыя отражаются въ каждой частности, дробятся и отзываются въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, считающемъ эту страну отечествомъ. Отсюда уже легче будетъ опредѣлить общественные недостатки и пороки, которые происходятъ большею частію отъ непониманія общихъ народныхъ основаній, или отъ ложнаго ихъ примѣненія, или отъ неправильнаго проявленія.

I.

Русскій народъ есть народъ не государственный, т.-е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія. Самымъ первымъ доказательствомъ тому служитъ начало нашей исторіи: добровольное призваніе чужой государственной власти въ лицѣ варяговъ, Рюрика съ братьями. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ служитъ тому Россія 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокругъ разбитое вдребезги, и когда побѣдоносный народъ стоялъ, еще вооруженный, въ умиленіи торжества надъ врагами, освободивъ свою Москву: что сдѣлалъ этотъ могучій народъ, побѣжденный при царѣ и боярахъ, побѣдившій безъ царя и бояръ, съ стольникомъ княземъ Пожарскимъ, да мясникомъ Козьмою Мининымъ во главѣ, выбранными имъ же? Что сдѣлалъ онъ? Какъ нѣкогда въ 862 году, такъ въ 1612 году народъ при-

звалъ государственную власть, избралъ царя и поручилъ ему неограниченно судьбу свою, мирно сложивъ оружіе и разошедшись по домамъ. Эти два доказательства такъ ярки, что прибавлять къ нимъ, кажется, ничего не нужно. Но если мы посмотримъ на всю русскую исторію, то убѣдимся еще болѣе въ истинѣ сказаннаго. Въ русской исторіи нѣтъ ни одного возстанія противъ власти въ пользу народныхъ политическихъ правъ. Самъ Новгородъ, разъ признавъ надъ собою власть царя Московскаго, уже не возставалъ противъ него въ пользу своего прежняго устройства. Въ Русской исторіи встрѣчаются возстанія за законную власть противъ беззаконной; законность иногда понимается ошибочно, но, тѣмъ не менѣе, такія возстанія свидѣтельствуютъ о духѣ законности въ Русскомъ народѣ. Нѣтъ ни одной попытки народной принять какое-нибудь участіе въ правленіи. Были жалкія аристократическія попытки въ этомъ родѣ еще при Іоаннѣ IV и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но слабыя и незамѣтныя. Потомъ была явная попытка при Аннѣ. Но ни одна такая попытка не нашла сочувствія въ народѣ и исчезла быстро и безъ слѣда.

Таковы показанія, почерпаемыя въ исторіи. Отъ исторіи перейдемъ къ современному состоянію. Кто слышалъ, чтобы простой народъ въ Россіи бунтовалъ или замышлялъ противъ царя? Никто, конечно, ибо этого не было и не бываетъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ можетъ здѣсь служить расколъ; извѣстно, что онъ гнѣздится въ простомъ народѣ, между крестьянами, мѣщанами, купцами. Расколъ составляетъ въ Россіи огромную силу, многочисленъ, богатъ и распространенъ по всему краю. И между тѣмъ расколъ никогда не принималъ и не принимаетъ политическаго значенія, а, казалось бы, это очень легко могло быть. Въ Англіи, напримѣръ, это бы такъ и было. Было бы и въ Россіи, если бъ былъ въ ней хотя малѣйшій элементъ политическій. Но политическаго элемента въ русскомъ народѣ нѣтъ, и расколъ русскій только страдательно противится, хотя въ энергіи у раскольниковъ нѣтъ недостатка. Русскіе раскольники скрываются, бѣгутъ, готовы итти на мученичество, но никогда не принимаютъ политическаго значенія. Не правительственныя мѣры удерживали и

удерживаютъ порядокъ въ Россіи, а духъ народный не хочетъ нарушать его; безъ этого обстоятельства не помогли бы никакія стѣснительныя мѣры, а скорѣе послужили бы поводомъ къ нарушенію порядка. Залогъ тишины въ Россіи и безопасности для правительственной власти — въ духѣ народномъ. Будь это хоть немного иначе, давно бы въ Россіи была конституція: случаевъ и возможностей исторія русская и внутреннее состояніе Россіи давали къ тому довольно; но Русскій народъ государствовать не хочетъ.

Эта особенность духа Русскаго народа несомнѣнна. Одни могутъ огорчаться и называть это духомъ рабства, другіе — радоваться и называть это духомъ законнаго порядка, но и тѣ и другіе ошибаются, ибо судятъ такъ о Россіи по западнымъ взглядамъ либерализма и консерватизма. Трудно понять Россію, не отрѣшившись отъ западныхъ понятій, на основаніи которыхъ всѣ мы хотимъ видѣть въ каждой странѣ—и поэтому въ Россіи — или революціонный или консервативный элементы; но и тотъ и другой суть точки зрѣнія намъ чуждыя; и тотъ и другой суть противоположныя стороны политическаго духа; ни того ни другого нѣтъ въ Русскомъ народѣ, ибо въ немъ нѣтъ самаго духа политическаго. Какъ бы ни объясняли отсутствіе политическаго духа и проистекающую отсюда неограниченность правительственной власти въ Россіи, — мы оставляемъ пока всѣ такіе толки въ сторонѣ. Довольно для насъ уже того, что *такъ* понимаетъ дѣло, того требуетъ Россія.

Для того, чтобы Россія исполнила свое назначеніе, нужно, чтобъ она поступала не по чуждымъ ей теоріямъ, заемнымъ или доморощеннымъ теоріямъ, часто обращаемымъ исторіею въ смѣхъ, а по своимъ собственнымъ понятіямъ и требованіямъ. Быть-можетъ, Россія пристыдитъ теоретиковъ и явитъ такую сторону величія, какой никто и не ожидалъ.

Мудрость правительства состоитъ въ томъ, чтобы способствовать всѣми мѣрами странѣ, имъ управляемой, достигнуть своего назначенія и совершить свое благое дѣло на землѣ; состоитъ въ томъ, чтобы понять духъ народный, который долженъ быть постояннымъ путеводителемъ правительства. Отъ непониманія потребностей духа народнаго и отъ препятствія этимъ

потребностямъ, происходятъ или внутреннія волненія, или медленное изнуреніе и разстройство силъ народныхъ и государственныхъ.

Итакъ, первый явственный до очевидности выводъ изъ исторіи и свойства русскаго народа есть тотъ, что это народъ *негосударственный*, не ищущій участія въ правленіи, не желающій условіями ограничивать правительственную власть, не имѣющій, однимъ словомъ, въ себѣ никакого политическаго элемента, слѣдовательно, не содержащій въ себѣ даже зерна революціи или устройства конституціоннаго.

Не странно ли послѣ этого, что правительство въ Россіи беретъ постоянно какія-то мѣры противъ возможности революціи, опасается какого-то политическаго возстанія, которое прежде всего противно существу Русскаго народа! Всѣ такія опасенія какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, происходятъ отъ того, что не знаютъ Россіи и короче знакомы съ исторіей Западно-Европейской, чѣмъ съ русской; а потому видятъ въ Россіи Западные призраки, которыхъ въ ней и быть не можетъ. Такія мѣры предосторожности со стороны нашего правительства,— мѣры не нужныя, не имѣющія никакого основанія, — непремѣнно вредны, какъ лѣкарство, даваемое здоровому, не нуждающемуся въ немъ человѣку. Если онѣ и не произведутъ того, противъ чего безъ нужды принимаются, то онѣ разрушаютъ довѣренность между правительствомъ и народомъ; а это одно — вредъ великій, и вредъ напрасный, ибо Русскій народъ, по существу своему, никогда не посягнетъ на власть правительственную.

II.

Но чего же хочетъ Русскій народъ для себя? Какая же основа, цѣль, забота его народной жизни, если нѣтъ въ немъ вовсе политическаго элемента, столь дѣятельнаго у другихъ народовъ? Чего хотѣлъ нашъ народъ, когда добровольно призывалъ Варяжскихъ князей «княжить и володѣть имъ»? Что хотѣлъ онъ оставить для себя?

Онъ хотѣлъ оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой бытъ, — жизнь мирную духа.

Еще до христіанства, готовый къ его принятію, предчувствуя его великія истины, народъ нашъ образовалъ въ себѣ жизнь общины, освященную потомъ принятіемъ христіанства. Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ Русскій оставилъ себѣ общественную жизнь и поручилъ государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнію. Не желая *править*, народъ нашъ желаетъ *жить*, разумѣется, не въ одномъ животномъ смыслѣ, а въ смыслѣ человѣческомъ. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя. Какъ единый, можетъ-быть, на землѣ народъ христіанскій (въ истинномъ смыслѣ слова), онъ помнитъ слова Христа: *воздайте кесарева кесареви, а Божія Богови;* и другія слова Христа: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего;* и потому, предоставивъ государству царство отъ міра сего, онъ, какъ народъ христіанскій, избираетъ для себя иной путь,— путь къ внутренней свободѣ и духу, къ царству Христову: *Царство Божіе внутрь васъ есть*. Вотъ причина его безпримѣрнаго повиновенія власти, вотъ причина совершенной безопасности Русскаго правительства, вотъ причина невозможности никакой революціи въ Русскомъ народѣ, вотъ причина тишины внутри Россіи.

Это не значитъ, что русскій народъ состоитъ изъ праведниковъ. Люди Русскаго народа грѣшны, ибо человѣкъ грѣшенъ. Но основанія Русскаго народа истинны, но вѣрованія его святы, но путь его правъ. Всякій христіанинъ грѣшенъ, какъ человѣкъ, но путь его, какъ христіанина, правъ.

Это не значитъ также, что правительство, власть отъ міра сего, заграждаетъ, по свойству своему, путь христіанскій тѣмъ лицамъ, на которыхъ возлежитъ правительственная власть. Подвигъ человѣка и христіанина возможенъ для каждаго лица правительственнаго, какъ для человѣка и христіанина. Подвигъ общественный для правительства заключается въ томъ, что оно обезпечиваетъ для народа нравственную жизнь и блюдетъ его духовную свободу отъ всякихъ нарушеній. Высокій подвигъ совершаетъ тотъ, кто бодрственно стоитъ на стражѣ храма въ то время, какъ въ немъ совершается богослуженіе и возсылается об-

щественная молитва, — стоитъ на стражѣ и отстраняетъ всякое враждебное нарушеніе отъ этого молитвеннаго подвига. Но сравненіе это еще недостаточно полно, ибо правительство отдѣляется отъ общественной, не правительственной, жизни, — какъ *устройство:* всякое же отдѣльное правительственное лицо можетъ, какъ *человѣкъ*, принимать участіе въ народной, не государственной жизни.

Итакъ, Русскій народъ, отдѣливъ отъ себя государственный элементъ, предоставивъ полную государственную власть правительству, предоставилъ себѣ *жизнь*, свободу нравственно-общественную, высокая цѣль которой есть: общество христіанское.

Хотя слова эти не требуютъ доказательствъ, — ибо здѣсь достаточно одного пристальнаго взгляда на Русскую исторію и на современный Русскій народъ,—однако можно указать на нѣкоторыя, особенно ярко выдающіяся черты. — Такою чертою можетъ служить древнее раздѣленіе всей Россіи, въ пониманіи Русскаго человѣка, на *государство* и *землю* (правительство и народъ), — и оттуда явившееся выраженіе: *государево* и *земское дѣло*. Подъ *государевымъ дѣломъ* разумѣлось все дѣло *управленія* государственнаго, и внѣшняго и внутренняго, — и по преимуществу дѣло военное, какъ самое яркое выраженіе государственной силы. Государева служба доселѣ значитъ въ народѣ: служба военная. Подъ *государевымъ дѣломъ* разумѣлось, однимъ словомъ, все правительство, все государство. Подъ *земскимъ дѣломъ* разумѣлся весь бытъ народный, вся *жизнь* народа, куда относится, кромѣ духовной, общественной его жизни и матеріальное его благосостояніе: земледѣліе, промышленность, торговля. Поэтому людьми *государевыми* или *служилыми* назывались всѣ тѣ, которые служатъ въ государственной службѣ, а людьми *земскими* — всѣ тѣ, которые въ государственной службѣ не служатъ и составляютъ ядро государства: крестьяне, мѣщане (посадскіе), купцы. Замѣчательно, что и служилые и земскіе люди имѣли свои оффиціальныя наименованія: служилые люди, въ просьбахъ государю, напр., назывались его *холопами*, отъ перваго боярина до послѣдняго стрѣльца. Земскіе люди назывались его *сиротами*; такъ писались они въ своихъ просьбахъ государю. Именованія эти вполнѣ вы-

ражали значеніе и того и другого отдѣла или класса. Слово *холопъ* получило у насъ теперь унизительное и почти бранное значеніе, но первоначально оно значило не болѣе, какъ слуга; холопъ государевъ значило: слуга государевъ. Итакъ, весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, къ кругу дѣятельности котораго они принадлежали. Что же значило слово *сирота?* Сирота, на русскомъ языкѣ, не значитъ orphelin, ибо часто о родителяхъ, лишившихся дѣтей, говорятъ, что они осиротѣли. Слѣдовательно, сиротствомъ выражается безпомощное состояніе; сирота есть безпомощный, нуждающійся въ опорѣ, въ защитѣ. Понятно отсюда, почему земскіе люди называются сиротами. Земля нуждается въ защитѣ государства, и, называя его своимъ защитникомъ, называетъ себя нуждающеюся въ защитѣ или его сиротою. Такъ, въ 1612 году, когда еще не вступалъ на престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда государство еще не было возстановлено, земля называла себя *сирою*, *безгосударною* и скорбѣла о томъ.

Также, какъ доказательство тѣхъ же основъ Русскаго народа, можно привести мнѣніе поляковъ, современниковъ 1612 года. Они съ удивленіемъ говорятъ, что Русскій народъ только и толкуетъ, что̀ о вѣрѣ, а не о политическихъ условіяхъ.

III.

Итакъ, земля Русская поручила свою защиту государству, въ лицѣ государя, да подъ сѣнію его поживетъ она тихое и благоденственное житіе. Отдѣливъ себя отъ государства, какъ защищаемое отъ защищающаго, народъ, или земля, не хочетъ переходить рубежа, имъ же положеннаго, и желаетъ, для себя, не правленія, но жизни, разумѣется, человѣческой, разумной: что̀ можетъ быть истиннѣе, мудрѣе такихъ отношеній! Какъ высоко призваніе государства, стремящагося обезпечить народу жизнь человѣческую, мирное и безмятежное житіе, вытекающее изъ нравственной свободы, преуспѣяніе въ христіанскомъ совершенствованіи и разработку всѣхъ талантовъ, данныхъ отъ Бога! Какъ высоко стоитъ откинувшій отъ себя вся-

кое честолюбіе, всякое стремленіе къ власти міра сего, и желающій не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирнаго благосостоянія! Такой взглядъ есть залогъ мира и тишины, и таковъ взглядъ Россіи, и только Россіи. Всѣ иные народы стремятся къ народовластію.

IV.

Кромѣ того, что такое устройство согласно съ духомъ Россіи, — слѣдовательно, уже по одному этому для нея необходимо, — утвердительно можно сказать, что такое устройство само по себѣ есть единое истинное устройство на землѣ. Великій вопросъ государственно-народный лучше рѣшенъ быть не можетъ, какъ рѣшилъ Русскій народъ. Призваніе человѣка есть нравственное приближеніе къ Богу, къ Спасителю своему; законъ человѣка — внутри его самого; этотъ законъ — полная любовь къ Богу и ближнему. Если бъ таковы были люди, если бъ они были святы, то тогда не нужно было бы государства, тогда было бы уже Царствіе Божіе на землѣ. Но люди не таковы, и, сверхъ того, не таковы въ разной степени; законъ внутренній для нихъ недостаточенъ и недостаточенъ опять въ разной степени. Разбойникъ, не имѣющій въ душѣ внутренняго закона и не сдерживаемый закономъ внѣшнимъ, можетъ убить честнаго, добродѣтельнаго человѣка и творить всякое зло. Итакъ, ради слабости и грѣховности людской необходимъ законъ внѣшній, необходимо государство, — власть отъ міра сего. Но призваніе человѣка остается все то же, нравственное, внутреннее: государство служитъ къ тому только пособіемъ. Чѣмъ же должно быть государство въ понятіи народа, который нравственное стремленіе ставитъ выше всего, который стремится къ свободѣ духа, свободѣ Христовой,— однимъ словомъ, чѣмъ должно быть государство въ понятіи народа, въ истинномъ смыслѣ христіанскаго? *Защитою*, а отнюдь не цѣлью властолюбивыхъ желаній.

Всякое стремленіе народа къ государственной власти отвлекаетъ его отъ внутренняго нравственнаго пути и подрываетъ свободою политической, внѣшней, свободу духа, внутреннюю. Государствованіе становится тогда цѣлью для народа, и исчезаетъ высшая цѣль:

внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвигъ жизни. Правительствомъ народъ быть не долженъ. Если народъ — государь, народъ — правительство, тогда нѣтъ народа.

Съ другой стороны, если государство въ понятіи народа — защита, а не цѣль желаній, то и государство само должно быть этою защитою для народа, оберегать свободу его жизни, да на просторѣ развиваются въ немъ всѣ духовныя его силы подъ хранительною сѣнію государства.

V.

Государственная власть при такихъ началахъ, при невмѣшательствѣ въ нее народа, должна быть неограниченная. Какую же именно форму должно имѣть такое неограниченное правительство? Отвѣтъ не труденъ: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая, допускаетъ участіе народа, одна болѣе, другая менѣе, и непремѣнное ограниченіе государственной власти, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ ни требованію невмѣшательства народа въ правительственную власть ни требованію неограниченности правительства. Очевидно, что смѣшанная конституція, въ родѣ англійской, точно такъ же не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ. Если бъ даже выбраны были, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, десять архонтовъ, и имъ предоставлена была бы полная власть, то и здѣсь, составляя совѣтъ, они не могли бы представить вполнѣ неограниченной власти, они образовали бы правительственное общество, слѣдовательно, форму *народной* жизни, и вышло бы, что огромное народное общество управляется обществомъ же, только въ маломъ видѣ. Но общество подлежитъ своимъ законамъ жизни, и лишь жизнь можетъ вносить въ него свободное единство; общество же правительственное такого единства имѣть не можетъ: единство это сейчасъ измѣняется отъ правительственнаго значенія, становится или невозможнымъ или принудительнымъ. Очевидно, что общество правительствомъ быть не можетъ.

Внѣ народа, внѣ общественной жизни, можетъ быть только *лицо* (individu). Одно только лицо мо-

жетъ быть неограниченнымъ правительствомъ, только лицо освобождаетъ народъ отъ всякаго вмѣшательства въ правительство. Поэтому здѣсь необходимъ государь, монархъ. Только власть монарха есть власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархической народъ можетъ отдѣлить отъ себя государство и избавить себя отъ всякаго участія въ правительствѣ, отъ всякаго политическаго значенія, предоставивъ себѣ жизнь нравственно-общественную и стремленіе къ духовной свободѣ. Такое монархическое правительство и поставилъ себѣ народъ русскій.

Сей взглядъ Русскаго человѣка есть взглядъ человѣка *свободнаго*. Признавая государственную неограниченную власть, онъ удерживаетъ за собою свою совершенную независимость духа, совѣсти, мысли. Слыша въ себѣ эту независимость нравственную, Русскій человѣкъ, по справедливости, не есть рабъ, а человѣкъ свободный. Монархическое неограниченное правительство, въ русскомъ пониманіи, является не врагомъ, не противникомъ, а другомъ и защитникомъ свободы, свободы духовной, истинной, выражающейся въ открыто возвѣщаемомъ мнѣніи. Только при такой полной свободѣ можетъ быть народъ полезенъ правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенномъ отрѣшеніи народа отъ государственной власти, только при неограниченной монархіи, вполнѣ предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, можетъ на землѣ существовать свобода истинная народа, та, наконецъ, свобода, которую даровалъ намъ Искупитель нашъ: *идѣже духъ Господень, ту свобода*.

VI.

Считая правительство благодѣтельною, нужною для себя властію, неограниченною никакими условіями, признавая его не насильственно, а добровольно и сознательно, Русскій народъ считаетъ правительство, по словамъ Спасителя, властью отъ міра сего: только царство Христово не отъ міра сего. Воздаетъ Русскій народъ кесарева кесареви, а Божія — Богови. Правительство, какъ человѣческое устройство міра сего, не признаетъ онъ за совершенство. Поэтому Русскій народъ

не воздаетъ царю божеской почести, изъ царя не творитъ себѣ идола и неповиненъ въ идолопоклонствѣ власти, въ которомъ теперь хочетъ сдѣлать его повинным непомѣрная лесть, явившаяся въ Россіи вмѣстѣ съ Западнымъ вліяніемъ. Эта лесть употребляетъ самыя священныя титла — достояніе Божіе — на прославленіе и возвеличеніе царской власти, для народа, понимающаго святыню въ настоящемъ значеніи! Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ въ одной своей одѣ говоритъ о Петрѣ: *онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ Россія; онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе, сошелъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;* а у раскольниковъ эти самыя слова Ломоносова приводятся противъ православія, какъ обвиненіе. Несмотря на эту лесть, сильно умножающуюся, Русскій народъ (въ массѣ) не измѣняетъ своего истиннаго воззрѣнія на правительство. Это воззрѣніе, обезпечивая, съ одной стороны, вѣрную, непремѣнную покорность народа правительству, съ другой стороны, обнажаетъ правительство отъ того чрезмѣрнаго, иногда нечестиваго блеска, которымъ позволяетъ оно льстецамъ окружать себя, отъ того священнаго сіянія, которое присвоивается ему даже въ христіанскомъ мірѣ, такъ что названіе государя: *земной Богъ*, хотя не вошло въ титулъ, однако допускается, какъ толкованіе власти царской. Христіанство повелѣваетъ повиноваться властямъ предержащимъ и тѣмъ утверждаетъ ихъ; но оно не даетъ власти того чрезмѣрнаго священнаго значенія, которое возникло впослѣдствіи. Это понимаетъ Русскій народъ и согласно съ тѣмъ смотритъ и на власть правительственную, какъ бы ни старалась лесть увѣрять и поддашныхъ и государя, что Русскіе видятъ въ царѣ земного Бога. Русскій народъ знаетъ, что *нѣсть власть аще не отъ Бога.* Какъ христіанинъ молится за нее, повинуется ей, чтитъ царя, но не боготворитъ. Только поэтому и повиновеніе и почитаніе власти въ немъ прочно, и революція въ немъ невозможна.

VII.

Таковъ трезвый взглядъ Русскаго народа на правительство. Но посмотрите на Западъ. Народы, оставивъ тамъ внутренній путь вѣры и духа, увлеклись тще-

славными побужденіями народнаго властолюбія, повѣрили въ возможность правительственнаго совершенства, надѣлали республикъ, настроили конституцій всѣхъ родовъ, развили въ себѣ и тщеславіе власти міра сего, и обѣднѣли душою, утратили вѣру и, несмотря на мнимое совершенство своего политическаго устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному паденію, то страшнымъ потрясеніямъ каждую минуту.

VIII.

Намъ ясно теперь, какое значеніе имѣетъ въ Россіи правительство и какое народъ. Другими словами, намъ ясно, что Россія представляетъ въ себѣ двѣ стороны: государство и землю. Правительство и народъ, или государство и земля, хотя ясно разграничены въ Россіи, тѣмъ не менѣе, если не смѣшиваются, то соприкасаются. Какое же взаимное ихъ отношеніе? Прежде всего, народъ не вмѣшивается въ правительство, въ порядокъ управленія; государство не вмѣшивается въ жизнь и въ бытъ народа, не заставляетъ народъ жить насильственно, по сдѣланнымъ отъ государства правиламъ: странно было бы, если бъ государство требовало отъ народа, чтобъ онъ вставалъ въ 7 часовъ, обѣдалъ въ 2 и тому подобное: не менѣе странно, если бъ оно требовало, чтобъ народъ такъ причесывалъ свои волосы, или носилъ бы такую одежду. Итакъ, первое отношеніе между правительствомъ и народомъ есть отношеніе *взаимнаго невмѣшательства*. Но такое отношеніе (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношеніемъ положительнымъ между государствомъ и землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охраненіе жизни народа, есть внѣшнее его обезпеченіе, доставленіе ему всѣхъ способовъ и средствъ, да процвѣтаетъ его благосостояніе, да выразитъ онъ все свое значеніе и исполнитъ свое нравственное призваніе на землѣ. Администрація, судопроизводство, законодательство,— все это, понятое въ предѣлахъ *чисто-государственныхъ*, принадлежитъ неотъемлемо къ области правительства. Не подлежитъ спору, что правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства. Понявъ это

добросовѣстно, правительство никогда не посягнетъ на самостоятельность народной жизни и народнаго духа. Положительная обязанность народа относительно государства есть исполненіе государственныхъ требованій, доставленіе ему силъ для приведенія въ дѣйствіе государственныхъ намѣреній, снабженіе государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношеніе народа къ государству есть только прямое необходимое слѣдствіе признанія государства: это отношеніе подчиненное, а не самостоятельное; при такомъ отношеніи *народъ самъ* государству еще *не виденъ*. Какое же *самостоятельное* отношеніе не политическаго народа къ государству? Гдѣ государство, такъ сказать, *видитъ народъ самый?* Самостоятельное отношеніе безвластнаго народа къ полновластному государству есть только одно: *общественное мнѣніе*. Въ общественномъ или народномъ мнѣніи нѣтъ политическаго элемента, нѣтъ другой силы, кромѣ нравственной, слѣдовательно, нѣтъ и принудительнаго свойства, противоположнаго нравственной силѣ. Въ общественномъ мнѣніи (разумѣется, выражающемъ себя гласно) видитъ государство, чего желаетъ страна, какъ понимаетъ она свое значеніе, какія ея нравственныя требованія, и чѣмъ, слѣдовательно, должно руководиться государство, ибо цѣль его — способствовать странѣ исполнить свое призваніе. Охраненіе свободы общественнаго мнѣнія, какъ нравственной дѣятельности страны, есть такимъ образомъ одна изъ обязанностей государства. Въ важныхъ случаяхъ государственной и земской жизни для правительства бываетъ нужно самому вызывать мнѣніе страны, но только *мнѣніе*, которое (разумѣется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнѣніе* — вотъ чѣмъ самостоятельно можетъ и долженъ служить народъ своему правительству, и вотъ та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая можетъ и должна быть между народомъ и правительствомъ.

Мудрые цари наши это понимали: да будетъ имъ вѣчная за то благодарность! Они знали, что при искреннемъ и разумномъ желаніи счастія и блага странѣ, нужно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ вызывать ея мнѣніе. И потому цари наши часто созывали Земскіе Соборы, состоявшіе изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій

Россіи, гдѣ предлагали на обсужденіе тотъ или другой вопросъ, касающійся государства и земли. Цари наши, хорошо понимая Россію, нимало не затруднялись созывать такіе соборы. Правительство знало, что оно чрезъ то не теряетъ и не стѣсняетъ никакихъ правъ своихъ, а народъ зналъ, что онъ черезъ то никакихъ правъ ни пріобрѣтаетъ ни распространяетъ. Связь между правительствомъ и народомъ не только отъ того не колебалась, но еще тѣснѣе скрѣплялась. Это были дружественныя, полныя довѣренности отношенія правительства и народа.

На Земскіе Соборы созывались не одни земскіе люди, но и служилые или государевы: бояре, окольничіе, стольники, дворяне и пр.; но созывались они здѣсь въ своемъ земскомъ значеніи, въ качествѣ народа, на совѣтъ. На Земскомъ Соборѣ присутствовало и духовенство, необходимое для общей полноты земли русской. Такимъ образомъ на этотъ соборъ собиралась какъ бы вся Россія, и собранная вся, получала она въ этотъ часъ основное свое значеніе, *земли*, отъ чего и соборъ назывался *Земскимъ*.

Стóитъ только обратить вниманіе на эти достопамятные соборы, на отвѣты выборныхъ, на нихъ присутствовавшихъ: тогда смыслъ этихъ соборовъ, смыслъ *только мнѣнія*, очевиденъ. Всѣ отвѣты начинаются въ такомъ родѣ: «Какъ поступить въ этомъ случаѣ, это зависитъ отъ тебя, государь. *Дѣлай*, какъ тебѣ угодно, а наша *мысль* такова». Итакъ, дѣйствіе — право государево, мнѣніе — право страны. Для возможно полнаго благоденствія нужно, чтобъ и та и другая сторона пользовалась своимъ правомъ: чтобъ земля не стѣсняла *дѣйствій* государя, чтобы государь не стѣснялъ *мнѣнія* земли.

Такъ какъ Россія по призыву своего государя сходилась на эти соборы не изъ тщеславнаго желанія говорить рѣчи въ родѣ парламентскихъ, не изъ властолюбія народнаго, однимъ словомъ, не по охотѣ своей, то она нерѣдко считала такіе соборы тяжелымъ долгомъ и собиралась на нихъ не всегда скоро; по крайней мѣрѣ, въ грамотахъ встрѣчаются понужденія въ отдаленные города — Пермь или Вятку — о скорѣйшей присылкѣ выборныхъ для того, что «изъ-за нихъ стоитъ государево и земское дѣло». Но, кромѣ этихъ со-

боровъ, основатели русскаго могущества, незабвенные цари наши, вездѣ, гдѣ только можно, спрашивали народнаго мнѣнія. Въ Москвѣ поднялся хлѣбъ въ цѣнѣ, и царь Алексѣй Михаиловичъ созываетъ на Красную площадь купцовъ посовѣтоваться съ ними о томъ, какъ помочь дѣлу. Общественное мнѣніе вызывается правительствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ: нужно написать уставъ о *станичной* или *полевой* воинской службѣ, и повелѣвается боярину посовѣтоваться о томъ со всѣмъ станичнымъ войскомъ; выходитъ постановленіе правительства, и поручается боярину узнать, какъ говоритъ о томъ народъ. Наши цари давали ходъ общественному голосу и между крестьянами, поручая имъ выбирать судей, дѣлая повальный обыскъ, имѣвшій при царяхъ огромное значеніе, дозволяя, кромѣ выбранныхъ судей, выборнымъ отъ народа *присутствовать* на судахъ, и, наконецъ, давая просторъ крестьянской сходкѣ во всѣхъ внутреннихъ распорядкахъ крестьянъ.

Такъ поступая, цари наши передали императорамъ Россію, освобожденную отъ ига татаръ, присоединившую къ себѣ три царства, перенесшую со славою годину 1612 года, возвратившую къ себѣ Малороссію, написавшую Уложеніе, уничтожившую мѣстничество, которое мѣшало правительственнымъ распоряженіямъ, возродившуюся къ новой силѣ и свободную отъ всякихъ элементовъ внутренняго разрушенія, крѣпкую, сильную. Безъ сомнѣнія, никто не усомнится въ неограниченности власти царей нашихъ, ни въ совершенномъ отсутствіи революціонности въ древней Россіи. Многаго еще не могли успѣть сдѣлать наши цари: надо было долго укрѣплять Россію послѣ страшныхъ бѣдствій. Неторопливо, постепенно и прочно совершали мудрые государи свой подвигъ, не сходя съ Русскихъ началъ, не измѣняя Русскаго пути. Они не чуждались иностранцевъ, которыхъ никогда не чуждался и народъ Русскій, и старались догнать Европу на пути того просвѣщенія, отъ котораго отстала Россія въ двѣсти лѣтъ монгольскаго ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться отъ своихъ обычаевъ, отъ языка, отъ одежды, а еще менѣе отъ началъ своихъ. Они знали, что просвѣщеніе тогда только истинно полезно, когда

человѣкъ принимаетъ его не подражательно, а самостоятельно. Царь Алексѣй Михайловичъ усилилъ дипломатическія сношенія съ Европейскими державами, выписалъ иностранные журналы; при немъ построенъ былъ первый русскій корабль «Орелъ»; его бояре были уже люди образованные; просвѣщеніе тихо и мирно начинало распространяться. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ положилъ въ Москвѣ начало высшему училищу или университету, хотя подъ другимъ названіемъ, а именно: онъ завелъ Славяно-Греко-Латинскую академію, уставъ которой былъ написанъ знаменитымъ Симеономъ Полоцкимъ.

IX.

Теперь должно сказать о той эпохѣ, когда со стороны правительства, а не народа, были нарушены начала гражданскаго устройства Россіи, когда былъ оставленъ русскій путь. Послѣдній царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ созывалъ въ короткое царствованіе свое два собора: соборъ однихъ служилыхъ людей, объ мѣстничествѣ, какъ дѣлѣ, касавшемся только людей служилыхъ, а не земли, и Соборъ Земскій для уравненія податей и службъ по всей Россіи. Во время этого второго собора царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ. Извѣстно, что, по желанію царя, меньшой братъ его, Петръ, былъ выбранъ на царство. Вѣроятно, этотъ же Земскій Соборъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, утвердилъ Петра царемъ, согласно желанію Ѳеодора Алексѣевича. Какъ бы то ни было, только этотъ Земскій Соборъ распускается отъ имени Петра, тогда еще малолѣтняго, но черезъ нѣсколько лѣтъ Петръ началъ и самъ дѣйствовать.

У меня нѣтъ намѣренія входить въ исторію Петровскаго переворота; нѣтъ намѣренія возставать на величіе Петра, величайшаго изъ великихъ людей. Но переворотъ Петра, несмотря на весь внѣшній блескъ свой, свидѣтельствуетъ, какое глубокое внутреннее зло производитъ величайшій геній, какъ скоро онъ дѣйствуетъ одиноко, отдаляется отъ народа и смотритъ на него, какъ архитекторъ на кирпичи. При Петрѣ началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Какъ вся-

кое неизлѣченное зло, оно усилилось съ теченіемъ времени и составляетъ опасную коренную язву нашей Россіи. Я долженъ опредѣлить это зло.

Если народъ не посягаетъ на государство, то и государство не должно посягать на народъ. Только тогда союзъ ихъ проченъ и благодатенъ. На Западѣ идетъ эта постоянная вражда и тяжба между государствомъ и народомъ, не понимающими своихъ отношеній. Въ Россіи этой вражды и тяжбы не было. Народъ и правительство, не смѣшиваясь, жили въ благоденственномъ союзѣ; бѣдствія были или внѣшнія, или происходили отъ несовершенства природы человѣческой, а не отъ ложнаго пути, не отъ смѣшенія понятій. Русскій народъ такъ и остался вѣренъ своему взгляду и не посягнулъ на государство; но государство, въ лицѣ Петра, посягнуло на народъ, вторгнулось въ его жизнь, въ его бытъ, измѣняло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло, черезъ полицію, на ассамблеи; ссылало въ Сибирь даже портныхъ, шившихъ русское платье. Служилые люди, соединенные прежде въ своемъ частномъ, не государственномъ значеніи, съ землею единствомъ понятій, образа жизни, обычаевъ и одежды, всего болѣе подверглись насильственнымъ требованіямъ Петра, именно, со стороны жизненной, нравственной, и переворотъ осуществился въ нихъ во всей силѣ. Хотя тѣ же требованія отъ правительства простирались и на всѣ сословія, даже на крестьянъ, но не столь настойчиво, и впослѣдствіи оставлено было намѣреніе, уже высказанное, чтобъ ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ въѣзжать въ городъ съ бородою: за бороду стали, вмѣсто того, брать пошлину. Наконецъ, земскимъ людямъ оставлена была возможность ходить и жить попрежнему; но положеніе ихъ въ Россіи совершенно измѣнилось. Произошелъ общественный разрывъ. Служилые люди, или верхніе классы, оторвались отъ русскихъ началъ, понятій, обычаевъ, и вмѣстѣ отъ русскаго народа, — зажили, одѣлись, заговорили по-иностранному. Москва стала не угодна государю, и онъ перенесъ столицу на край Россіи, въ новый, построенный имъ городъ, Санктъ-Петербургъ, которому онъ далъ и названіе нѣмецкое. Въ Петербургѣ около государя образовалось цѣлое пришлое населеніе новопреобразованныхъ русскихъ, — чиновниковъ, ли-

шенныхъ даже почвы народной, ибо туземное населеніе Петербурга — иностранное.

Такъ совершился разрывъ царя съ народомъ, такъ разрушился этотъ древній союзъ земли и государства; такъ вмѣсто прежняго союза образовалось *иго* государства надъ землею, и Русская земля стала какъ бы завоеванною, а государство—завоевательнымъ. Такъ Русскій монархъ получилъ значеніе деспота, а свободноподданный народъ — значеніе раба-невольника въ своей землѣ!

Новопреобразованные Русскіе, увлеченные частью насиліемъ, частью соблазномъ на иностранный путь, скоро сжились съ своимъ положеніемъ, ибо вольность заемныхъ нравовъ, тщеславіе, блескъ свѣта, наконецъ, новыя права дворянскія сильно льстили страстямъ и слабости человѣческой. Презрѣніе къ Россіи и къ Русскому народу скоро стало какъ бы принадлежностью образованнаго русскаго человѣка, цѣлью котораго было подражаніе Западной Европѣ. Въ то же время новопреобразованные Русскіе, подпавъ государственному гнету даже съ своей жизненной, съ нравственной стороны и ставъ въ новое, въ рабское отношеніе къ власти, ощутили въ себѣ политическое властолюбіе. Въ классахъ, оторванныхъ отъ народнаго быта, преимущественно въ дворянствѣ, сейчасъ обнаружилось стремленіе къ государственной власти; пошли революціонныя попытки и, чего не бывало прежде, престолъ россійскій сталъ беззаконнымъ игралищемъ партій. Беззаконно вошла на престолъ Екатерина I, беззаконно призвана была Анна, при чемъ аристократія задумала было и конституцію, но конституція, къ счастью, не состоялась. Съ помощью солдатъ вошла на престолъ Елизавета. Нужно ли говорить о низложеніи Петра III? Наконецъ, какъ плодъ нерусскихъ началъ, внесенныхъ Петромъ, явилось возстаніе 14 декабря, — возстаніе верхняго, оторваннаго отъ народа класса, ибо солдаты, какъ извѣстно, были обмануты.

Такъ дѣйствовало верхнее сословіе, отказавшееся отъ русскихъ началъ. Какъ же дѣйствовалъ народъ, не измѣнившій русскимъ началамъ: купцы, мѣщане и въ особенности крестьяне, которые болѣе всѣхъ остались вѣрны русскому быту и духу?

Народъ все это время, какъ и слѣдовало ожидать, былъ спокоенъ. Это спокойствіе не лучшее ли доказательство, какъ противна всякая революція русскому духу? Возставали дворяне, но когда возставалъ крестьянинъ противъ государя? Возставала бритая борода и нѣмецкій костюмъ, но когда же возставала русская борода и кафтанъ?

Стрѣлецкіе бунты при Петрѣ составляютъ явленіе особое; это было, скорѣе, буйство, чѣмъ бунтъ; къ тому же стрѣльцы не нашли себѣ опоры въ народѣ; напротивъ, войско, набранное изъ народа (изъ даточныхъ), ревностно стало противъ стрѣльцовъ и разбило ихъ. Чтобъ привлечь на свою сторону холопей, стрѣльцы изорвали кабальныя записи и разбросали по улицамъ, но и холопи объявили, что они не хотятъ такой свободы, и пошли на стрѣльцовъ. Итакъ, самовольное стрѣлецкое буйство оскорбляло прежде всего народъ, и онъ не только стрѣльцовъ не поддерживалъ, но даже былъ противъ нихъ. Въ позднѣйшее время можно, правда, указать на одно страшное возстаніе, но чье имя было обманчивымъ знаменемъ этого возстанія? Имя государя Петра III, имя законнаго государя. Ужели и это не убѣдитъ въ совершенной антиреволюціонности Русскаго народа, — истинной опоры престола?

Да! Пока Русскій народъ остается русскимъ, до тѣхъ поръ тишина внутренняя и безопасность правительства обезпечены. Но петровская система и вмѣстѣ иностранный духъ, съ нею нераздѣльный, продолжаютъ дѣйствовать, и мы видѣли, какое дѣйствіе производятъ они въ той массѣ русскихъ людей, которую увлекли. Мы видѣли, какъ съ чувствомъ рабскимъ, которое порождаетъ власть правительственная, входящая въ самую жизнь человѣка, какъ съ этимъ рабскимъ чувствомъ соединяется чувство бунтовщика, ибо рабъ не видитъ рубежа между собою и правительствомъ, который видитъ человѣкъ свободный, живущій внутреннею самостоятельною жизнію; рабъ видитъ только одну разницу между собою и правительствомъ: онъ угнетенъ, а правительство угнетаетъ; низкая подлость всякую минуту готова перейти въ наглую дерзость: рабы сегодня — бунтовщики завтра; изъ цѣпей рабства куются безпощадные ножи бунта. Русскій народъ, простой народъ собственно, держится своихъ древнихъ

началъ и противится доселѣ и рабскому чувству и иностранному вліянію верхняго класса. Но Петровская система продолжается уже полтораста лѣтъ; она начинаетъ, наконецъ, проникать и въ народъ своею, повидимому, пустою, но вредною стороною. Уже и въ нѣкоторыхъ селахъ бросаютъ русскую одежду, уже и крестьяне начинаютъ говорить о модѣ, а вмѣстѣ съ этими пустыми, повидимому, дѣлами входитъ чуждый образъ жизни, чуждыя понятія, и шатаются исподволь русскія начала.

Какъ скоро правительство отнимаетъ постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставитъ, наконецъ, искать свободы внѣшней, политической. Чѣмъ долѣе будетъ продолжаться Петровская правительственная система, — хотя по наружности и не столь рѣзкая, какъ при немъ, — система столь противоположная Русскому народу, вторгающаяся въ общественную свободу жизни, стѣсняющая свободу духа, мысли, мнѣнія и дѣлающая изъ подданнаго раба: тѣмъ болѣе будутъ входить въ Россію чуждыя начала; тѣмъ болѣе людей будетъ отставать отъ народной русской почвы, тѣмъ болѣе будутъ колебаться основы Русской земли, тѣмъ грознѣе будутъ революціонныя попытки, которыя сокрушатъ, наконецъ, Россію, когда она перестанетъ быть Россіей. Да, опасность для Россіи одна: *если она перестанетъ быть Россіею*,— къ чему ведетъ ее постоянно теперешняя Петровская правительственная система. Дай же Богъ, чтобъ этого не было.

Петръ, скажутъ, возвеличилъ Россію. Точно, онъ много придалъ ей внѣшняго величія, но внутреннюю ея цѣлость онъ поразилъ растлѣніемъ; онъ внесъ въ ея жизнь сѣмена разрушенія, вражды. Да и всѣ внѣшнія славныя дѣла совершилъ онъ и преемники его — силами той Россіи, которая возрастала и окрѣпла на древней почвѣ, на другихъ началахъ. Доселѣ солдаты наши берутся изъ народа, доселѣ еще не вовсе исчезли русскія начала и въ преобразованныхъ русскихъ людяхъ, подверженныхъ иностранному вліянію. Итакъ, Петровское государство побѣждаетъ съ силами еще до-Петровской Россіи; но силы эти слабѣютъ, ибо Петровское вліяніе растетъ въ народѣ, несмотря на то, что правительство стало говорить о русской національно-

сти и даже требовать ея. Но для того, чтобы благое слово обратилось въ благое дѣло, нужно понять духъ Россіи и стать на русскія начала, отвергнутыя со времени Петра. Внѣшнее величіе Россіи, при императорахъ, точно блестяще, но внѣшнее величіе тогда прочно, когда истекаетъ изъ внутренняго. Нужно, чтобъ источникъ былъ не засоренъ и не оскудѣвалъ. — Да и какой внѣшній блескъ можетъ вознаградить за внутреннее благо, за внутреннюю стройность? Какое внѣшнее непрочное величіе и внѣшняя ненадежная сила могутъ сравниться съ внутреннимъ прочнымъ величіемъ, съ внутреннею надежною силою? Внѣшняя сила можетъ существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлѣла, то наружная кора, какъ бы ни была крѣпка и толста, не устоитъ, и при первомъ вѣтрѣ дерево рухнетъ ко всеобщему изумленію. Россія держится долго потому, что еще не исчезла ея внутренняя долговѣчная сила, постоянно ослабляемая и уничтожаемая; потому, что еще не исчезла въ ней до-Петровская Россія. Итакъ, внутреннее величіе—вотъ что̀ должно быть первою главною цѣлью народа и, конечно, правительства.

X.

Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ, прикрываемый безсовѣстною ложью. Правительство, а съ нимъ и верхніе классы, отдалилось отъ народа и стало ему чужимъ. И народъ и правительство стоятъ теперь на разныхъ путяхъ, на разныхъ началахъ. Не только не спрашивается мнѣнія народа, но всякій частный человѣкъ опасается говорить свое мнѣніе. Народъ не имѣетъ довѣренности къ правительству; правительство не имѣетъ довѣренности къ народу. Народъ въ каждомъ дѣйствіи правительства готовъ видѣть новое угнетеніе; правительство постоянно опасается революціи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженіи мнѣнія готово видѣть бунтъ; просьбы, подписанныя многими или нѣсколькими лицами, у насъ теперь не допускаются, тогда какъ въ древней Россіи онѣ-то бы и были уважены. Правительство и народъ не понимаютъ другъ друга, и отношенія ихъ не дружественны. И на этомъ-то внутреннемъ разладѣ, какъ

дурная трава, выросла непомѣрная, безсовѣстная лесть, увѣряющая во всеобщемъ благоденствіи, обращающая почтеніе къ царю въ идолопоклонство, воздающая ему, какъ идолу, божескую честь. Одинъ писатель выразился въ «Вѣдомостяхъ» подобными словами: «Дѣтская больница была освящена по обряду православной Церкви; въ другой разъ была освящена посѣщеніемъ государя императора». Принято выраженіе, что «государь *изволилъ* пріобщаться Святыхъ Таинъ», тогда какъ христіанинъ иначе сказать не можетъ, что онъ *сподобился* или *удостоился*. — Скажутъ, это нѣкоторые случаи; нѣтъ, таковъ у насъ всеобщій духъ отношеній къ правительству. Это только легкіе примѣры поклоненія земной власти; этихъ примѣровъ имѣется слишкомъ довольно и въ словахъ и въ дѣлахъ; ихъ исчисленіе составило бы цѣлую книгу. При потерѣ взаимной искренности и довѣренности все обняла ложь, вездѣ обманъ. Правительство не можетъ, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; безъ свободы общественнаго мнѣнія это и невозможно. Всѣ лгутъ другъ другу, видятъ это, продолжаютъ лгать, и неизвѣстно, до чего дойдутъ. Всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до огромныхъ размѣровъ. Взяточничество и чиновный организованный грабежъ — страшны. Это до того вошло, такъ сказать, въ воздухъ, что у насъ не только тѣ воры, кто безчестные люди: нѣтъ, очень часто прекрасные, добрые, даже въ своемъ родѣ честные люди — тоже воры: исключеній немного. Это сдѣлалось уже не личнымъ грѣхомъ, а общественнымъ; здѣсь является безнравственность самаго положенія общественнаго, цѣлаго внутренняго устройства.

XI.

Все зло происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнѣнія, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаній въ Россіи нѣтъ. Гнетъ всякаго мнѣнія, всякаго проявленія мысли дошелъ до того, что иные представители власти государственной запрещаютъ изъявлять мнѣніе, даже благопріятное правительству, ибо запрещаютъ вся-

кое мнѣніе. Они не позволяютъ даже хвалить распоряженія начальства, утверждая, что до одобренія подчиненныхъ начальству дѣла нѣтъ, что подчиненные не должны смѣть разсуждать и даже находить хорошимъ то или другое въ своемъ правительствѣ или начальствѣ. Къ чему же ведетъ такая система? Къ полному безучастію, къ полному уничтоженію всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ; отъ человѣка не требуютъ даже того, чтобъ онъ имѣлъ хорошія мысли, а чтобъ онъ не имѣлъ никакихъ мыслей. Эта система, если бъ могла успѣть, то обратила бы человѣка въ животное, которое повинуется не разсуждая и не по убѣжденію! Но если бъ люди могли быть доведены до такого состоянія, то неужели найдется правительство, которое предположитъ себѣ такую цѣль? — Тогда въ человѣкѣ погибъ бы человѣкъ: изъ чего же живетъ человѣкъ на землѣ, какъ не изъ того, чтобы быть человѣкомъ, въ возможно полномъ, возможно высшемъ смыслѣ? Да и къ тому же люди, у которыхъ отнято человѣческое достоинство, не спасутъ правительства. Въ минуты великихъ испытаній понадобятся люди, въ настоящемъ смыслѣ; а гдѣ оно тогда возьметъ людей, гдѣ возьметъ оно сочувствія, отъ котораго отучило, дарованій, одушевленія, духа, наконецъ?..

Но доведеніе людей до животнаго состоянія не можетъ быть сознательною цѣлью правительства. Да и дойти до состоянія животныхъ люди не могутъ; но въ нихъ можетъ быть уничтожено человѣческое достоинство, можетъ отупѣть умъ, огрубѣть чувство,— и, слѣдовательно человѣкъ приблизится къ скоту. Къ тому ведетъ, по крайней мѣрѣ, система угнетенія въ человѣкѣ самобытности жизни общественной, мысли, слова. Такая система, пагубно дѣйствуя на умъ, на дарованія, на всѣ нравственныя силы, на нравственное достоинство человѣка, порождаетъ внутреннее неудовольствіе и уныніе. Та же угнетательная правительственная система изъ государя дѣлаетъ идола, которому приносятся въ жертву всѣ нравственныя убѣжденія и силы. «Моя совѣсть», скажетъ человѣкъ. «Нѣтъ у тебя совѣсти,—возражаютъ ему,—какъ смѣешь ты имѣть свою совѣсть? Твоя совѣсть — государь, о которомъ ты и разсуждать не долженъ». — «Мое отечество», скажетъ человѣкъ. «Это не твое дѣло,—говорятъ ему:—что ка-

сается Россіи — до тебя, безъ дозволенія, не касается, твое отечество — государь, котораго ты и любить свободно не смѣешь, а которому ты долженъ быть рабски преданъ». — «Моя вѣра», скажетъ человѣкъ. «Государь есть глава Церкви,—отвѣтятъ ему (вопреки православному ученію, по которому глава Церкви — Христосъ).—Твоя вѣра—государь».— «Мой Богъ», скажетъ, наконецъ, человѣкъ. «Богъ твой — государь; онъ есть земной Богъ!»

И государь является какою-то невѣдомою силою, ибо объ ней и говорить и разсуждать нельзя и которая между тѣмъ вытѣсняетъ всѣ нравственныя силы. Лишенный нравственныхъ силъ, человѣкъ становится бездушенъ и, съ инстинктивною хитростью, гдѣ можетъ, грабитъ, воруетъ, плутуетъ.

Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренній смыслъ ея, но духъ ея таковъ и нисколько не преувеличенъ.

Велика внутренняя порча Россіи, порча, которую лесть старается скрыть отъ взоровъ государя; сильно отчужденіе правительства и народа другъ отъ друга, которое также скрываютъ громкія слова рабской лести. Вторженіе правительственной власти въ общественную жизнь продолжается; народъ заражается болѣе и болѣе, и общественное развращеніе усиливается въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, изъ которыхъ взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщимъ и какъ бы дѣломъ признаннымъ. Тайное неудовольствіе всѣхъ сословій растетъ...

XII.

И отчего все это? — Все это даромъ! Все это отъ непониманія народа, отъ нарушенія правительствомъ того необходимаго разграниченія между имъ и народомъ, при которомъ только и возможенъ крѣпкій, благодатный союзъ съ обѣихъ сторонъ. Все это можетъ поправиться легко, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ отношеніяхъ.

Прямое цѣленіе на современное зло, возникшее въ Россіи, — это *понять Россію* и возвратиться къ русскимъ основамъ, согласнымъ съ ея духомъ. Прямое цѣленіе противъ болѣзни, порождаемой противуесте-

ственнымъ для Россіи образомъ дѣйствіи, — это оставить противуестественный образъ дѣйствіи и возвратиться къ образу дѣйствіи, согласному съ понятіями, съ существомъ Россіи.

Какъ скоро правительство поймetъ Россію, такъ оно поймetъ, что всякое побужденіе къ государственной власти противно духу Русскаго народа; что страхъ какой-нибудь революціи въ Россіи есть страхъ, не имѣющій ни малѣйшаго основанія и что множество шпіоновъ распространяютъ около себя только безнравственность; что правительство неограниченно и безопасно именно по убѣжденію Русскаго народа. Народъ желаетъ для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмѣшиваясь въ государственную власть, онъ желаетъ, чтобъ государство не вмѣшивалось въ самостоятельную жизнь быта его и духа, въ которую вмѣшивалось и которую гнело правительство полтораста лѣтъ, доходя до мелочей, даже до одежды. Нужно, чтобъ правительство поняло вновь свои коренныя отношенія къ народу, древнія отношенія государства и земли, и возстановило ихъ. Ничего болѣе не нужно. Такъ какъ эти отношенія нарушены только со стороны правительства, вторгнувшагося въ народъ, то оно можетъ это нарушеніе отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни съ какимъ насильственнымъ дѣйствіемъ. Стóитъ лишь уничтожить гнетъ, наложенный государствомъ на землю, и тогда легко можно стать въ истинныя русскія отношенія къ народу. Тогда возобновится самъ собою полный довѣренности и искренній союзъ между государемъ и народомъ. Наконецъ, въ довершеніе этого союза надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тѣмъ, что мнѣніе народное существуетъ, само захотѣло знать это народное мнѣніе и въ извѣстныхъ случаяхъ само бы вызывало и требовало отъ страны мнѣнія, какъ это было нѣкогда при царяхъ.

Я сказалъ, что правительству слѣдуетъ иногда самому вызывать мнѣніе страны. Значитъ ли это, что нужно созвать Земскій Соборъ?

Нѣтъ. Созвать въ настоящее время Земскій Соборъ было бы дѣломъ безполезнымъ. Изъ кого состоялъ бы онъ? Изъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Но стóитъ написать имена этихъ сословій, чтобы почувствовать, какъ далеки они въ настоящее время другъ

отъ друга, какъ мало единства между ними. Дворяне полтораста лѣтъ уже какъ отдалились отъ основъ народныхъ и смотрятъ на крестьянъ, большею частію, или съ гордымъ презрѣніемъ, или какъ на источникъ своихъ доходовъ. Купцы, съ одной стороны, подражаютъ дворянамъ и, подобно имъ, увлекаются Западомъ, — съ другой стороны, держатся какой-то своей, ими самими установленной старины, которая носитъ жилетъ сверхъ русской рубахи, и при русскихъ сапогахъ — галстукъ и длиннополый сюртукъ; такая одежда служитъ символомъ ихъ понятій, представляющихъ подобную же смѣсь. Мѣщане составляютъ блѣдное подобіе купцовъ; это самый жалкій классъ во всей Россіи и притомъ самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные отъ всякаго соприкосновенія съ исторіею, участвуютъ въ ней лишь податями и рекрутами: они одни преимущественно сохранили основы русскаго быта въ его чистотѣ; но что могли бы сказать они, такъ долго молчавшіе? На Земскомъ Соборѣ долженъ быть голосъ всей Русской земли, а сословія дать теперь такого голоса не могутъ.

Итакъ, въ настоящую минуту Земскій Соборъ безполезенъ и созывать его теперь не нужно. Въ настоящее время возможно и было бы истинно полезно, если бъ правительство созывало отдѣльныя собранія сословій въ извѣстныхъ случаяхъ, по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдѣльно того или другого сословія; напримѣръ, собраніе выборныхъ отъ купечества по вопросу о торговлѣ. Надобно, чтобъ правительство созывало такія собранія нарочно съ этою цѣлью, предлагая тотъ или другой вопросъ на обсужденіе. Существующія собранія дворянства, купечества и мѣщанства получили уже особенный свой смыслъ въ полуторасталѣтній періодъ, — и мнѣніе не привыкло быть на нихъ правдивымъ и откровеннымъ; оно не будетъ, можетъ-быть, такимъ даже и тогда, если бъ правительство вздумало на нихъ предложить какой-нибудь вопросъ на разсужденіе. Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочныя собранія того или другого сословія, когда представится вопросъ, на который правительство сочтетъ нужнымъ спросить мнѣнія сословія. Такія собранія, какъ и Земскіе Соборы (когда Земскіе Соборы станутъ возможны), не должны быть обязанностью для правительства и не

должны быть періодичны. Правительство созываетъ соборы и требуетъ мнѣнія, когда вздумаетъ.

Въ настоящее время Земскій Соборъ можетъ быть для правительства замѣненъ до нѣкоторой степени общественнымъ мнѣніемъ. Въ настоящее время, въ общественномъ мнѣніи можетъ правительство почерпать тѣ нужныя для него указанія и свѣдѣнія, которыя яснѣе способенъ изложить Земскій Соборъ, когда онъ будетъ возможенъ.

Давая свободу жизни и свободу духа странѣ, правительство даетъ свободу общественному мнѣнію. Какъ же можетъ выразиться общественная мысль? Словомъ устнымъ и письменнымъ. Слѣдовательно, необходимо снять гнетъ съ устнаго и письменнаго слова. Пусть государство возвратитъ землѣ ей принадлежащее: мысль и слово, и тогда земля возвратитъ правительству то, что ему принадлежитъ: свою довѣренность и силу.

Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка. Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому — свобода слова, вотъ неотъемлемое право человѣка.

Въ настоящее время слово, этотъ единственный органъ земли, находится подъ тяжкимъ гнетомъ. Наибольшій гнетъ тяготѣетъ надъ словомъ письменнымъ (я разумѣю и печатное слово). Понятно, что при такой системѣ цензура должна была дойти до невѣроятныхъ несообразностей. И точно, многочисленные примѣры такихъ несообразностей извѣстны всѣмъ. Надобно, чтобъ этотъ тяжкій гнетъ, лежащій на словѣ, былъ снятъ.

Разумѣется ли подъ этимъ уничтоженіе цензуры? Нѣтъ. Цензура должна остаться, чтобъ охранять личность человѣка. Но цензура должна быть какъ можно болѣе свободна относительно мысли и всякаго мнѣнія, какъ скоро оно не касается личности. Я не вхожу въ обозначеніе предѣловъ этой свободы, но скажу только, что чѣмъ шире будутъ они, тѣмъ лучше. Если найдутся злонамѣренные люди, которые захотятъ распространить вредныя мысли, то найдутся люди благонамѣренные, которые обличатъ ихъ, уничтожатъ вредъ и тѣмъ достабятъ новое торжество и новую силу правдѣ. Истина,

дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобъ защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не можетъ. Но не вѣрить въ побѣдоносную силу истины, значило бы не вѣритъ въ истину. Это безбожіе своего рода, ибо Богъ есть истина.

Со временемъ должна быть полная свобода слова и устнаго и письменнаго, когда будетъ понято, что свобода слова неразрывно соединена съ неограниченною монархіею, есть ея вѣрная опора, ручательство за порядокъ и тишину, и необходимая принадлежность нравственнаго улучшенія людей и человѣческаго достоинства.

Есть въ Россіи отдѣльныя внутреннія язвы, требующія особыхъ усилій для исцѣленія. Таковы расколъ, крѣпостное состояніе, взяточничество. Я не предлагаю здѣсь о томъ своихъ мыслей, ибо это не было моею цѣлію при сочиненіи этой записки. Я указываю здѣсь на самыя основы внутренняго состоянія Россіи, на то, что составляетъ главный вопросъ и имѣетъ важнѣйшее общее дѣйствіе на всю Россію. Скажу только, что истинныя отношенія, въ которыя станетъ государство къ землѣ, что общественное мнѣніе, которому дается ходъ, оживя весь организмъ Россіи, подѣйствуетъ цѣлительно и на эти язвы; въ особенности же на взяточничество, для котораго такъ страшна гласность общественнаго мнѣнія. Сверхъ того, общественное мнѣніе можетъ указать на средства противъ золъ народныхъ и государственныхъ, какъ и противъ всякихъ золъ.

Да возстановится древній союзъ правительства съ народомъ, государства съ землею, на прочномъ основаніи истинныхъ коренныхъ русскихъ началъ.

Правительству — неограниченная свобода *правленія*, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода *жизни* и внѣшней и внутренней, которую охраняетъ правительство. *Правительству — право дѣйствія* и, слѣдовательно, закона; *народу — право мнѣнія* и, слѣдовательно, слова.

Вотъ русское гражданское устройство! Вотъ единое истинное гражданское устройство!

1855 года. *Константинъ Аксаковъ.*

„Русь" 1881. №№ 26. 27.

IV. Дополненіе къ „Запискѣ“.

Въ небольшомъ предисловіи К. Аксаковъ указываетъ, что въ „Дополненіи“ онъ даетъ „сосредоточенный выводъ“, вытекающій изъ „Записки“, который поможетъ въ дѣлѣ примѣненія въ жизни изложенныхъ тамъ общихъ началъ.

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя, и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Въ замѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа, — можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что̀ самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, — это *мнѣніе* (слѣдовательно сила чисто-нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно при вмѣшательствѣ народа въ правительство, не можетъ быть нравственной свободы народной. Вмѣшиваясь въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней

духовной свободы и силы и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа, неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала); но были нарушены со стороны правительства. То-есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова), и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа, и наконецъ обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо и тотъ и другой гибельны: одинъ въ матеріальномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. Итакъ, нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ, — вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства; оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству — неограниченная власть государственная; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству — право дѣйствія

и слѣдовательно закона; *народу — право мнѣнія и слѣдовательно слова*.

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ же его привести въ исполненіе?

Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть *свобода слова*.

XIV. Итакъ, *свобода слова*: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть и начало (принципъ), и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а поэтому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе Соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій, и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой Земскій Соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, *которое* государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ моей «Запискѣ» и объясненнаго въ этомъ «Дополненіи» вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ, *практическое* указаніе: что̀ нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе.

Именно:

Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго всегда и постоянно; и *Земскій Соборъ*, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

Внутренній общій союзъ жизни, — сказалъ я въ своей «Запискѣ», — до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что Земскій Соборъ, въ настоящую минуту, не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: въ *настоящую минуту*, то-есть, немедленно. Земскій Соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно

пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать Земскій Соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе, вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства Земскій Соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ, съ полною пользою для себя и народа, Земскій Соборъ.

Въ «Запискѣ» своей призналъ я нужнымъ нѣкоторый переходъ къ полной свободѣ слова, переходъ черезъ наибольшее смягченіе цензуры относительно всякой мысли и всякаго мнѣнія, и чрезъ удержаніе цензуры покуда, какъ огражденія личности. Переходъ этотъ долженъ быть непродолжителенъ и привести къ полной свободѣ слова.

Въ «Запискѣ» своей я показываю неосновательность страха тѣхъ, которые боятся свободы слова. Этотъ страхъ есть невѣріе въ истину, въ ея побѣдоносную силу, есть безбожіе своего рода, ибо Богъ есть истина. Христіанская проповѣдь имѣла противъ себя всю свободу языческаго слова, и побѣдила. Ужели мы, невѣрною, малодушною душою, смутимся за Божію истину (ибо нѣтъ другой)? Не знаемъ ли мы, что Господь нашъ съ нами до скончанія вѣка?

При нравственной свободѣ и нераздѣльной съ нею свободѣ слова, только и возможна неограниченная благодѣтельная монархія; безъ нея, она губительный, душевредный и недолговѣчный деспотизмъ, конецъ котораго или паденіе государства, или революція. Свобода слова есть вѣрная опора неограниченной монархіи: безъ нея, она (монархія) непрочна.

Времена и событія мчатся съ необычайною быстротою. Настала строгая минута для Россіи. Россіи нужна правда. Медлить некогда. Не обинуясь скажу я, что, по моему мнѣнію, свобода слова необходима безъ отлагательствъ. Вслѣдъ за нею правительство съ пользою можетъ созвать Земскій Соборъ.

Итакъ, еще разъ:

Свобода слова необходима.

Земскій Соборъ нуженъ и полезенъ.

Вотъ практическій выводъ моей «Записки о внутреннемъ состояніи Россіи» и «Дополненія» къ ней.

Считаю должнымъ еще прибавить два примѣчанія.

1. Какую же пользу принесетъ свобода слова, спросятъ, быть-можетъ, нѣкоторые. Это объяснить, кажется, не трудно.

Откуда происходятъ внутреннiй развратъ, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившія Россію? Отъ общаго униженія нравственнаго. Слѣдовательно, надобно нравственно возвысить Россію. Какъ же возвысить нравственно? Признать и уважать въ человѣкѣ человѣка; а это иначе быть не можетъ, какъ тогда, когда признаютъ за человѣкомъ право слова, свободнаго слова, неразлучнаго съ нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокаго духовнаго существа человѣческаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе избавиться отъ взяточничества и другихъ неправдъ? Вы устраните однихъ взяточниковъ: на мѣсто ихъ явятся другіе, еще хуже, порождаемые безпрерывно испорченною нравственною почвою, образующіеся изъ униженія человѣческаго достоинства. Одно средство противъ этого зла: возвысить нравственно человѣка; а безъ свободы слова это невозможно. Итакъ, свобода слова, уже сама по себѣ, непремѣнно возвыситъ нравственно человѣка. Конечно, воры всегда будутъ встрѣчаться; но это уже будетъ частный, личный грѣхъ; тогда какъ теперь взяточничество и другія подобныя гнусныя дѣла — грѣхъ общественный. Кромѣ того, когда по всей Россіи грянетъ одинъ общій открытый голосъ на взятки и грабежъ, когда вся Россія укажетъ всенародно на піявицъ, сосущихъ ея лучшую кровь, тогда поневолѣ придутъ въ ужасъ самые отчаянные воры и взяточники. Правда любитъ день и свѣтъ, а неправда—ночь и темноту. Стѣсненіе общественнаго слова распространяло въ Россіи столь благопріятную для неправды ночь. Съ свободою слова взойдетъ день, котораго такъ боится неправда: свѣтъ вдругъ озаритъ безбожныя дѣла въ обществѣ на показъ всему міру; имъ негдѣ будетъ укрыться, и они должны будутъ бѣжать изъ общества. Къ тому же все станетъ видно и для правительства, праведный громъ котораго грянетъ вѣрно. Наконецъ, при свободѣ слова, общественное мнѣніе укажетъ на многія полезныя мѣры, на многихъ достойныхъ

людей, равно какъ на многія ошибки и на многихъ людей недостойныхъ.

2. Нравственная свобода человѣка, признанная правительствомъ въ свободѣ слова, будетъ, само собою разумѣется, признана имъ и въ другихъ, хотя бы мелкихъ, ея проявленіяхъ въ жизни. Одно изъ такихъ проявленій, напримѣръ, есть частная (партикулярная) одежда. Я разумѣю здѣсь не одно платье, но способъ носить волосы, бороду, однимъ словомъ я разумѣю здѣсь *костюмъ* (нарядъ) человѣка. Частная одежда есть прямое проявленіе жизни, быта, вкуса и государственнаго въ себѣ не имѣетъ. Но доселѣ такъ еще стѣснена свобода жизни, что даже одежда частнаго человѣка подлежитъ у насъ запрещенію. Одежда не важна сама по себѣ, но какъ скоро правительство даже вмѣшивается въ одежду народа, то одежда, именно по своей незначительности, становится тогда важнымъ указателемъ, до какой степени стѣснена свобода жизни въ народѣ. Доселѣ русскій дворянинъ, даже внѣ службы, не можетъ носить русской одежды. Съ нѣкоторыхъ дворянъ русскихъ, надѣвшихъ было русскую одежду, взята черезъ полицію подписка: *бороды не носить*, отчего они и принуждены были снять русское платье, ибо борода есть часть русскаго наряда. Итакъ, даже въ этомъ пустомъ проявленіи жизни, въ одеждѣ, правительство наше продолжаетъ стѣснять свободу жизни, свободу вкуса, свободу народнаго чувства, однимъ словомъ нравственную.

Говорю съ совершенной откровенностью свои мысли какъ въ «Запискѣ», такъ и въ «Дополненіи»,— и исполняю тѣмъ долгъ свой къ отечеству и государю.

Константинъ Аксаковъ.

„Русь“, 1881, № 28.

V. Статьи К. Аксакова изъ „Молвы“.

Первый нумеръ *Молвы* [1]) вышелъ 13 апр. 1857 года. Передовыя статьи К. С. Аксакова немедленно обратили вниманіе цензуры. 10 сентября товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь П. А. Вяземскій писалъ Аксакову: «Народная молва вамъ приписываетъ *Молву*, или, по крайней мѣрѣ, передовую батарейную статью ея, которая, подъ заглавіемъ *Москва*, палитъ и жаритъ изо всѣхъ орудій... Нынѣ обращаютъ снова мое вниманіе на №№ 20 и 21, въ которыхъ говорится о вольномъ трудѣ и о трудѣ невольномъ и о вольномъ и невольномъ туалетѣ... Вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи — вопросъ щекотливый и жгучій, и потому самимъ правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному сужденію и журнальной полемикѣ. Вопросъ сей взяло правительство на свое рѣшеніе и, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность. Слѣдовательно, не для чего, вскользь и побочно, поднимать его отвлеченными и риторическими фразами. Упованье на водвореніе *вольнаго труда*—утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся. Трудъ есть почти всегда и вездѣ неволя. Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братію грѣшно и ужъ вовсе неправославно». Далѣе Вяземскій продолжаетъ по вопросу о туалетѣ: «Частными предписаніями высшаго начальства такъ называемая русская одежда не допускается

[1]) Издатель — С. М. Шпилевскій.

равно всѣмъ сословіямъ. Сей вопросъ оффиціально или полицейски рѣшенъ. Здѣсь уже не мѣсто выводить печатно, *чего желаютъ славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ*. Во избѣжаніе соблазна и безпорядка остается покориться распоряженію полиціи. Это обязанность каждаго благоразумнаго человѣка. Иначе дѣлаешь оппозицію, и какую? Совершенно ребяческую, неприличную взрослымъ людямъ... Сдѣлайте одолженіе, заколотите нѣсколько нескромныхъ пушекъ на вашей батареѣ. Воздержитесь, ради Бога, отъ пальбы въ заповѣдныя мѣста. Въ чужихъ дачахъ охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ». Но Аксаковъ не обратилъ никакого вниманія на совѣтъ князя Вяземскаго, и своей статьей въ № 36 — «Опытъ синонимовъ» — озлобилъ еще больше власть имущихъ. 23 дек. министръ нар. просв. писалъ помощнику попечителя Моск. учебн. округа графу А. С. Уварову: «Въ *Молвѣ* напечатана весьма неумѣстная и по духу, и по выраженіямъ статья подъ заглавіемъ *Опытъ синонимовъ — Публика и Народъ*. Подобныя опредѣленія могутъ только служить къ возбужденію враждебныхъ соотношеній между различными сословіями общества. Выставлять низшихъ членовъ общества образцами всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, а высшихъ — примѣрами всѣхъ возможныхъ недостатковъ и нравственныхъ слабостей — вредно и пагубно по послѣдствіямъ, которыя подобные лжеумственные парадоксы могутъ повлечь за собою. Особенно же въ нынѣшнее время»... А. С. Норовъ на этомъ оффиціальномъ письмѣ собственноручно приписалъ: «Прибавляю къ сему, что единственно по уваженію къ лицу, чрезъ ходатайство коего г. Гиляровъ-Платоновъ назначенъ цензоромъ, я ограничиваюсь нынѣ выговоромъ. Вмѣстѣ съ симъ прошу, ваше сіятельство, поручить цензированіе *Молвы* цензору Безсомыкину и увѣдомить меня съ первою почтою, кто авторъ упомянутой статьи». 24 дек. 1857 г. во всеподданнѣйшемъ

докладѣ Норовъ отмѣчалъ, что статьи въ *Молвѣ* «отличаются направленіемъ, которое не согласуется вполнѣ ни съ правилами цензуры, ни съ тѣми благонамѣренными началами, которыя должны служить основаніемъ каждому литературному произведенію». Государь на этомъ докладѣ карандашомъ написалъ слѣдующее: «*Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ смыслѣ. Объявить редакціи Молвы, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнутся строгому взысканію*». 28 дек. *Молва* погибла... Графъ Н. Х. Граббе, прочитавъ статью Аксакова, замѣтилъ: «Статья *Публика и Народъ* — это зажженный пальникъ, брошенный въ пороховой погребъ; это болѣе чѣмъ ошибка въ наше взволнованное время». В. А. Мухановъ по поводу той же статьи К. С. Аксакова говорилъ, что «статья произвела раздраженіе». Въ дневникѣ своемъ, подъ 24 янв., тотъ же Мухановъ сообщаетъ слѣдующее: «У Аксакова, автора статьи *Публика и Народъ*, украли въ церкви часы, и вмѣсто ихъ положили въ карманъ записку, въ которой написано: «Пока публика молилась, народъ укралъ у васъ часы» [1]).

I.

№ 1.

Москва, 12 апрѣля.

Свободная воля, данная Богомъ — вотъ отличіе человѣка отъ бездушной природы, вотъ что образуетъ изъ него существо нравственное. Для природы нѣтъ нравственнаго вопроса, но для человѣка онъ существуетъ вслѣдствіе свободной воли, которая можетъ сдѣлать его и добрымъ и злымъ, и уронить и возвысить. Отсюда безконечная дѣятельность духа человѣ-

[1]) П. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», кн. 15, гл. 35.

ческаго, вѣчное стремленіе впередъ, вѣчное созиданіе себя. Отсюда эта смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ человѣчествѣ и человѣкѣ. Для человѣка, какъ бы низко ни палъ онъ, всегда есть возможность подняться, лишь бы воля въ немъ не переставала дѣйствовать. Всего хуже апатія, усыпленіе, уныніе, отсутствіе воли, тогда теряетъ человѣкъ свое значеніе и достоинство.

Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ, и каждый народъ совершаютъ его непремѣнно *самостоятельно*; въ противномъ случаѣ не совершаютъ вовсе. Самостоятельность каждаго не исключаетъ возможности взаимнаго согласія, но, разумѣется, согласія свободнаго, независимаго. Гдѣ же нѣтъ самостоятельности духа, тамъ рабство духа и подражательность; тамъ нѣтъ дѣятельности, а одна суетливость.

Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней принудительной силы. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ вторженіе грубой силы въ нравственные вопросы. Тамъ, гдѣ грубая сила думаетъ подкрѣпить истину, она подрываетъ ее, ибо вноситъ сомнѣніе въ ея собственной, внутренней силѣ; такъ что лучше для истины имѣть грубую силу себѣ врагомъ, чѣмъ сподвижницей. Одно есть оружіе нравственной истины — это свободное убѣжденіе, это *слово*. Вотъ единственный мечъ духа. Вспомнимъ прекрасные стихи поэта, обращенные къ человѣку:

И ты, когда на битву съ ложью
Идешь за правду думъ твоихъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тяжесть латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула — ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ;
Ея оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божій громъ.

Слово — это знамя человѣка на землѣ. Созданное изъ звука самимъ человѣкомъ, все проникнутое сознаніемъ, оно одухотворяетъ міръ видимый, воплощаетъ міръ невидимый. Здѣсь-то, въ этой области слова, достойно совершается, или совокупное стремленіе человѣчества, или борьба мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда искатели истины спорятъ и разнорѣчатъ между собою.

Споръ и борьба — это неотъемлемая принадлежность самостроящагося человѣчества. Люди ищутъ истины, и ищутъ ее розно. Не всякій взоръ одинаково ясенъ: не всякій взоръ устремленъ въ одну сторону; много есть добросовѣстныхъ заблужденій, ложныхъ толкованій и разныхъ искаженій. Самый свѣтъ божественной истины христіанской иногда смутно и невѣрно отражается въ туманахъ неяснаго пониманія, въ умѣ, возмущенномъ страстями. Отсюда идетъ въ человѣчествѣ борьба, но эта борьба мыслей, повторяемъ, должна совершаться лишь въ области свободнаго убѣжденія, въ области слова.

Въ нашемъ отечествѣ также идетъ умственная борьба, также сталкиваются убѣжденія.

Выходя на поприще общественнаго слова, мы тѣмъ самымъ уже беремъ на себя долгъ высказывать наши убѣжденія откровенно и прямо, и стремиться къ ихъ возможно-полному и ясному проявленію.

У насъ въ литературѣ еще недовольно цѣнятъ достоинство слова, и встрѣчаются примѣры не совсѣмъ приличнаго съ нимъ обращенія. У насъ не всѣ понимаютъ, что добросовѣстное глубокое убѣжденіе уже по однимъ этимъ качествамъ всегда заслуживаетъ уваженія. Какъ скоро оно ошибочно, оно требуетъ добросовѣстнаго опроверженія, требуетъ спора дѣльнаго, а не выходокъ, отличающихся неприличнымъ тономъ, дешевыми грубыми насмѣшками, и сверхъ того часто наполненныхъ разными искаженіями и клеветами, взводимыми на противника. Преслѣдованіе и негодованіе могутъ возбуждать лишь неправда, недобросовѣстность и всякія лживыя притязанія.

Пожелаемъ же, чтобы наша общественная борьба, совершающаяся въ словѣ, приняла вездѣ приличный видъ, достойный нравственнаго значенія человѣческой мысли.

Мы не отвергаемъ шутки, не отвергаемъ даже насмѣшекъ, эпиграммъ, сарказмовъ: но все это можетъ быть въ предѣлахъ приличія, а главное: вездѣ должна быть добросовѣстность; мнѣнія противниковъ не должны быть искажаемы.

Въ нашемъ общественномъ сознаніи есть воззрѣнія, есть направленія, есть слѣдовательно знамена, есть борьба. Странно было бы отвергать это. Странно также

было бы желать какого-то сближенія между противоположными сторонами. Когда сойдутся въ мысляхъ, совершенно свободно, тогда сблизятся; не сойдутся — не сблизятся. Но никакихъ уступокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ради сближенія, быть не должно. Это было бы смѣшеніе и взаимное ослабленіе, въ пользу какого-то нравственнаго комфорта и умственной лѣни. Нѣтъ, пусть каждая сторона, безъ всякой насильственной уступки и безъ всякого насильственнаго упорства, исчерпаетъ всѣ силы свои, всю глубину своей мысли; тогда можетъ явиться полная и окончательная побѣда, тогда борьба можетъ дойти до яснаго и плодотворнаго результата.

Благословимъ же борьбу! Пусть будетъ она крѣпка, безпощадна, честна и добросовѣстна.

II.

№ 2.

Москва, 19 апрѣля.

Народъ есть та великая сила, та живая связь людей, безъ которой и внѣ которой отдѣльный человѣкъ былъ бы безполезнымъ эгоистомъ, а все человѣчество — безплодною отвлеченностью. Разъединяющій эгоистическій элементъ личности умѣряется высшимъ началомъ живого союза народнаго, другими словами: великодушіемъ общиннаго элемента. Въ общинномъ союзѣ не уничтожаются личности, но отрекаются лишь отъ своей исключительности, дабы составить согласное цѣлое, дабы явить желанное сочетаніе всѣхъ. Онѣ звучатъ въ общинѣ, не какъ отдѣльные голоса, но какъ хоръ.

Община, этотъ высшій нравственный образъ человѣчества, является въ несовершенномъ видѣ на землѣ. Христіанство освятило и просвѣтило общину, дотолѣ неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеаломъ недосягаемымъ, къ которому предстоитъ вѣчно стремиться. Уже великая заслуга въ томъ, какъ скоро поставленъ такой идеалъ и къ нему стремятся. Невозможность достигнуть полнаго осуществленія общины на этой землѣ не должна останавливать. Нельзя быть совершеннымъ христіаниномъ, но дѣло человѣка вѣчно стремиться къ этому идеалу.

Начало общины есть, по преимуществу, начало славянскаго племени и въ особенности русскаго народа, давшаго ему кромѣ слова «община» (вполнѣ русскаго, но нѣсколько книжнаго) иное, жизненное наименованіе: *міръ*.

Въ народѣ необходима самодѣятельность. Нравственный подвигъ народа совершается всѣмъ народомъ. Странно было бы, въ этомъ случаѣ, раздѣленіе народа на ведущихъ и ведомыхъ. Точно: инымъ дается сила вразумленія, а другимъ — сила вниманія; но это не люди распредѣляютъ, а Провидѣніе. Къ тому же внимающій не есть бѣлая бумага, которая не знаетъ и не судитъ о томъ, что̀ на ней пишутъ. Внимающій много даетъ вразумляющему; онъ нерѣдко вдохновляетъ его. И говорящій и слушающій дѣлаютъ одно общее дѣло, одинъ разумно передавая, а другой разумно принимая; ихъ связуетъ одна общая идея, переходящая отъ одного къ другому и уравнивающая ихъ. Та же связь въ болѣе частномъ видѣ существуетъ между писателемъ и читателемъ, какъ было это высказано печатно въ одномъ русскомъ журналѣ въ началѣ прошедшаго года. Лишь дары Провидѣнія не передаются, а истина — достояніе общее. Но дары, скрытые нѣкоторое время, могутъ раскрыться. Внимающій, какъ скоро пробуждается въ немъ даръ слова, становится вразумляющимъ. Изъ этого взаимнаго безпрепятственнаго обмѣна мыслей, изъ перемѣннаго даянія и принимания, слагается общій нравственный подвигъ народа.

III.

№ 5.

Москва, 10 мая.

Народность есть личность народа. Точно такъ же, какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, такъ и народъ безъ народности. Если же и можетъ встрѣтиться человѣкъ безъ личности, народъ безъ народности, то это явленіе жалкое, несчастное, безполезное и себѣ и другимъ. Личность не только не мѣшаетъ, но она одна и даетъ возможность понять вполнѣ и свободно другого человѣка, другія личности. Такъ точно и народность одна даетъ возможность народу понять другія народности. Гдѣ исчезаетъ она, тамъ не-

чезаетъ, матеріально или нравственно, самъ народъ. Народность это есть живая, цѣльная сила, имѣющая въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ жизнь. И духъ, и творчество художественное, и природа человѣческая, и даже природа мѣстная, все принимаетъ участіе въ этой силѣ. Народная пѣсня, какъ бы ни была она доступна всему остальному человѣчеству, все-таки отзовется чѣмъ-то особеннымъ въ душѣ того человѣка, для котораго она своя, народная пѣсня.

Иные скажутъ: народность ограниченна, въ ней можетъ быть исключительность. Но исключительность есть уже злоупотребленіе. Для того, чтобъ избавиться отъ народной исключительности, не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую народность.

Да, нужно признать всякую народность, изъ совокупности ихъ слагается обще-человѣческій хоръ. Народъ, теряющій свою народность, умолкаетъ и исчезаетъ изъ этого хора. Поэтому нѣтъ ничего грустнѣе видѣть, когда падаетъ и никнетъ народность, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, подъ давленіемъ другого народа. Но въ то же время какое странное и жалкое зрѣлище, если люди сами не знаютъ и не хотятъ знать своей народности, замѣняя ее подражаніемъ народностямъ чуждымъ, въ которыхъ мечтается имъ только обще-человѣческое значеніе!

Каждый народъ пусть сохраняетъ народный обликъ (физіономію): только тогда будетъ имѣть онъ и человѣческое выраженіе. Неужели же захотятъ сдѣлать изъ человѣчества какое-то отвлеченное явленіе, гдѣ бы не было живыхъ, личныхъ народныхъ чертъ? Но если отнять у человѣчества личныя и народныя краски, то это будетъ безцвѣтное явленіе, до котораго можно дойти только чрезъ искусственное собраніе правилъ, подъ которыя народъ долженъ подводить себя, стирая притомъ свою народность. Это будетъ уже своего рода оффиціальное, форменное, казенное человѣчество. По счастію, оно невозможно, и идея его можетъ явиться только какъ крайняя, и притомъ нелогическая отвлеченность въ умѣ человѣческомъ.

Нѣтъ, пусть свободно и ярко цвѣтутъ всѣ народности въ человѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ.

Да здравствуетъ каждая народность!

IV.

№ 6.

Москва, 17 мая.

Впередъ! Стремитесь, не слабѣя, не останавливаясь, все далѣе и далѣе впередъ!

Съ полнымъ убѣжденіемъ произносимъ слова эти, слова стремленія и дѣятельности. Но одного чувства, убѣжденія мало для человѣка, ему нужно ясное пониманіе, отчетъ мысли.

Что значитъ *впередъ?* Есть ли это только движеніе далѣе и далѣе, не разбирая пути, на которомъ стоитъ человѣкъ? Въ такомъ случаѣ человѣкъ былъ бы какъ бы метальнымъ орудіемъ какой-то имъ владѣющей силы, которая мчитъ его куда-то; человѣкъ не былъ бы свободенъ, не имѣлъ бы суда надъ собою, не владѣлъ бы своимъ направленіемъ. Если путь ложенъ и ведетъ его къ заблужденіямъ, долженъ ли онъ стремиться впередъ? Не долженъ ли онъ стать на иной путь, какъ скоро ясно ему стало, что онъ не туда идетъ?

Итакъ, человѣческое *впередъ!* не значитъ все далѣе и далѣе, куда бы то ни было, по одной чертѣ, разъ (хотя и ошибочно) избранной. *Впередъ къ истинѣ!* прибавимъ мы, и это прибавленіе освобождаетъ насъ отъ тѣснаго, путевого пониманія *впередъ!* Здѣсь уже нѣтъ рабскаго слѣдованія пути, разъ избранному. Здѣсь одна цѣль — истина. Одинъ путь хорошъ, который ведетъ не отъ нея, а къ ней. Если путь ложенъ, то человѣкъ не затруднится его бросить и вступить на иной путь.

Очень часто стремленіе *впередъ къ истинѣ* можетъ не сходиться съ стремленіемъ *впередъ* по одной дорогѣ, ибо дорога можетъ быть ложна.

Не разъ слышалось обвиненіе на славянофиловъ, что они хотятъ возвратиться назадъ, не хотятъ итти впередъ. Но это обвиненіе несправедливо, и оно разрѣшается отчасти тѣмъ, что сейчасъ нами сказано. Если понимать *впередъ* и *назадъ*, безъ отношенія къ истинѣ, тогда и то и другое стремленіе обращается уже въ *силу*, становится *динамическимъ*, невольнымъ и для разумнаго существа недостойнымъ. Но такого пониманія никто, конечно, не приметъ. А если нѣтъ, то и вопросъ становится совершенно иначе.

Развѣ славянофилы думаютъ итти назадъ, желаютъ отступательнаго движенія? Нѣтъ, славянофилы желаютъ итти, но не просто впередъ, а впередъ къ истинѣ и, конечно, никогда назадъ отъ истины. Ихъ антагонисты, думаемъ, желаютъ тоже итти, не просто впередъ, а впередъ къ истинѣ. И та и другая сторона не ставитъ себя въ зависимости отъ избраннаго ею пути. Славянофилы утверждаютъ только то, что самый путь ошибоченъ, и что къ истинѣ должно итти другимъ путемъ. Значитъ ли это возвращеніе назадъ? Вопросъ и споръ можетъ быть о томъ, чей путь истиненъ, но не можетъ быть и рѣчи о желаніи возвратиться назадъ.

Но славянофилы думаютъ, что истиненъ тотъ путь, которымъ Россія *шла* прежде.

Да, они думаютъ, что истиненъ этотъ путь, но не забудьте: *путь*. Развѣ путь есть неподвижное состояніе? Развѣ на пути можно остановиться? Путь непремѣнно идетъ куда-нибудь впередъ, путь есть безконечное движеніе; и воротиться на прежній путь не значитъ отказаться отъ стремленія впередъ, а значитъ итти впередъ, лишь по иному направленію.

Итакъ, славянофилы думаютъ, что должно воротиться не къ *состоянію древней Россіи* (это значило бы окаменѣніе, застой), а къ *пути древней Россіи* (это значитъ движеніе). Гдѣ есть движеніе, гдѣ есть путь, тамъ есть впередъ! Тамъ слово «назадъ» не имѣетъ смысла.

Славянофилы желаютъ не возвратиться назадъ, но вновь итти впередъ прежнимъ путемъ, не потому, что онъ прежній, а потому, что онъ истинный.

Итакъ, опять не можетъ быть рѣчи о возвращеніи назадъ. Этотъ упрекъ самъ собою снимается съ славянофиловъ. Споръ можетъ быть лишь объ истинѣ путей, лишь о томъ, какое *впередъ* есть впередъ къ истинѣ.

V.

№ 9.

Москва, 7 іюня.

Простой народъ есть основаніе всего общественнаго зданія страны. И источникъ вещественнаго благосостоянія, и источникъ внѣшняго могущества, источникъ внутренней силы и жизни, и наконецъ мысль всей страны пребываютъ въ простомъ народѣ. Отдѣльныя личности,

возникая надъ нимъ, могутъ, на поприщѣ личной дѣятельности, личнаго сознанія, служить съ разныхъ сторонъ дѣлу просвѣщенія и человѣческаго преуспѣянія; но тогда только могутъ онѣ что-нибудь сдѣлать, когда коренятся въ простомъ народѣ, когда между личностями и простымъ народомъ есть непрерывная живая связь и взаимное пониманіе.

Находясь на низшей ступени лѣстницы житейской, внѣ всякихъ почестей и наружныхъ отличій, простой народъ имѣетъ за то великія блага человѣческія: братство, цѣльность жизни и (такъ какъ мы, говоря о простомъ народѣ, разумѣемъ русскій) быть общинный.

Напрасно думаютъ, что простой народъ есть безсознательная масса людей. Если бы это было такъ, то онъ былъ бы тоже, что неразумная стихія, которую можно направить и въ ту и въ другую сторону. Нѣтъ, простой народъ имѣетъ глубокія, основныя убѣжденія — условіе существованія для всей страны. Защищая эти убѣжденія, онъ, точно, въ силѣ своей равняется стихіи; но это стихія разумная, имѣющая нравственную волю; это стихія только по дружному, цѣльному своему составу и дѣйствію. Есть прекрасное выраженіе на Руси для такого проявленія народной силы: *стали всѣ, какъ одинъ человѣкъ*. Русская исторія показываетъ намъ, какъ глубока и тверда основа вѣры въ русскомъ народѣ, какъ отстаивалъ онъ святость своихъ православныхъ убѣжденій.

Напрасно также думаютъ, что простой народъ есть какой-то слѣпой поклонникъ обычая, что онъ, передъ чѣмъ бы то ни было, рабствуетъ духомъ. Правда, онъ не представляетъ легкаго подвижнаго явленія, то въ ту, то въ другую сторону направляемаго вѣтромъ; какъ все истинное и дѣйствительное, онъ крѣпокъ на ногахъ и не шатается изъ стороны въ сторону; онъ понимаетъ, что преданіе, что преемство жизни есть необходимое условіе жизни; онъ связуетъ, поддерживаетъ, а не рветъ нить жизни, идущую изъ прошедшаго въ будущее. Простой народъ есть стражъ преданія и блюститель старины; но въ то же время онъ не есть слѣпой рабъ ея. Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народъ принимаетъ новое, но не скоро, не легкомысленно, не изъ презрѣнія къ старинѣ, не изъ благоговѣнія къ новизнѣ. То, что онъ приметъ,

приметъ онъ самобытно, усвоитъ прочно и перенесетъ въ свою жизнь. Легкомысленныя личности, для которыхъ жизнь есть непрерывный маскарадъ, или убѣжденія которыхъ, если и постоянныя, не имѣютъ корня въ странѣ самой и плаваютъ въ какой-то отвлеченной атмосферѣ, какъ ошибаются онѣ, принимая обдуманность народа, его мѣрный и вѣрный шагъ, среди прыгающихъ и бѣгущихъ около него, отдѣльныхъ личностей, за какую-то неподвижность или, по крайней мѣрѣ, за косность. Это показываетъ только, что народа не понимаютъ. У насъ же, въ Россіи, неохота, недовѣрчивость, съ какою народъ принимаетъ новое, имѣетъ свою историческую законную причину, свое законное оправданіе.

Но, начавши говорить: «простой народъ», мы потомъ стали говорить: «народъ». Это не случайно и не безъ причины, ибо простой народъ, точно, есть *просто народъ*, или народъ собственно.

Слово «народъ» употребляется въ двоякомъ смыслѣ; или оно означаетъ всѣхъ, въ союзѣ народномъ живущихъ, безъ различій сословій, и въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ болѣе слову «нація»; или же оно означаетъ простой народъ, низшее сословіе, которое есть народъ собственно. Понятно и законно употребленіе этого слова и во второмъ случаѣ. Простой народъ не имѣетъ никакихъ отличій, никакого другого званія, кромѣ званія человѣка и христіанина, а потому и зовется или *человѣкомъ*, во множествѣ *людьми* (въ лѣтописи *людіе*; впослѣдствіи слово «люди» получило свое особое значеніе), или *крестьяниномъ*, то-есть христіаниномъ, или же, наконецъ, *народомъ*, что̀ также есть имя кровнаго, но еще болѣе духовнаго союза человѣческаго. Вотъ причина, по которой названіе народа остается преимущественно за низшимъ сословіемъ.

Итакъ, у простого народа нѣтъ никакихъ отличій или титуловъ, кромѣ званія человѣческаго или христіанскаго. О, какъ богата эта бѣдность! И, стоя на низшей ступени, какъ высоко стоитъ онъ!

Нося званіе только человѣка, только христіанина, онъ, съ этой стороны, есть идеалъ для всего человѣческаго и христіанскаго общества.

Какъ скоро верхніе классы смотрятъ на свои отличія и преимущества (хотя и не во зло употребляемыя)

не какъ на причину гордости и превосходства надъ другими, но какъ на требуемыя временемъ, порожденныя несовершенствомъ міра сего, явленія, какъ скоро, забывая о нихъ, чувствуютъ въ себѣ только человѣка и христіанина, — тогда становятся и они народомъ.

У насъ значеніе простого народа имѣетъ свою особую сторону, ибо онъ только и сохраняетъ въ себѣ народныя истинныя основы Россіи; онъ только и не разорвалъ связи съ прошедшимъ, съ древнею Русью. Часто гордо смотрятъ на него люди такъ называемаго образованнаго или свѣтскаго, русскаго общества, пренебрегаютъ имъ, называютъ его *мужиками*, обративъ это слово въ брань. Красуясь надъ нимъ и высоко на него посматривая, они забываютъ, что только простой народъ составляетъ условіе и ихъ существованія. Извѣстно прекрасное (сдѣланное русскимъ писателемъ) сравненіе простого народа съ корнями дерева, на которомъ шумятъ и величаются листья, мѣняющіеся каждый годъ, тогда какъ корни — все одни тѣ же.

Красуйтесь въ добрый часъ,

говорятъ корни листьямъ:

Но помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весною листъ новый народится;
А если корень изсушится, —
Не станетъ дерева, ни васъ.

VI.

№ 10.

Москва, 14 іюня.

Наука постигаетъ предметъ въ его внутренней цѣлости; стройность системы непремѣнно присутствуетъ въ наукѣ, ибо эта стройность лежитъ уже въ предметѣ самомъ. Какъ идея, какъ разумное явленіе, предметъ становится собственностью разума человѣческаго.

Наука есть то оружіе, съ которымъ человѣкъ ведетъ благородную войну съ природою, покоряя ее своему знанію. Наука освобождаетъ въ то же время его собственный духъ отъ тѣсноты и темноты: *невѣжда* несвободенъ, сказалъ великій мыслитель Германіи.

Много сдѣлалъ старый сосѣдъ нашъ, Западъ, на поприщѣ науки, изумительныя, титаническія работы

уже свершены имъ. Но жаръ его не остываетъ; съ удвоенною силою напрягаетъ онъ свои мышцы. Взрывая горы, пролагая новые пути водамъ, лучъ солнечный обращая въ кисть живописца, онъ вооружился противъ времени и пространства, и эти древнія силы отступаютъ передъ нимъ. Паръ мчитъ человѣка съ необычайною быстротою по желѣзному пути; въ одно мгновеніе слово, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ тысячеверстное пространство. То волшебство, которое въ сказкахъ тѣшило дѣтское воображеніе, становится теперь дѣйствительностью. Ужъ не выражалось ли въ этихъ сказкахъ предчувствіе будущихъ дѣлъ человѣка? И все это совершается силою науки... Не закопалъ Западъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога! Россія признаетъ это, какъ и всегда признавала. И сохрани насъ Боже отъ умаленія заслугъ другого! Это — худое чувство; въ немъ выражается внутреннее сознаніе собственной несостоятельности. Россія чужда этому чувству и свободно отдаетъ всю справедливость Западу.

Но она не истощится въ одномъ безплодномъ удивленіи, не обоготворитъ никого и ничего, кромѣ Бога. Отдавая справедливость Западу, она не отказывается отъ собственнаго взгляда, отъ собственнаго подвига. Искренно сочувствуя всему хорошему, она не закроетъ подобострастно глазъ своихъ на то, что̀ дурно. Она не отдаетъ никому свободы своего сужденія.

Кто болѣе уважаетъ науку? Тотъ ли, кто принимаетъ ее отъ другого, въ извѣстную эпоху и въ извѣстной формѣ, какъ законъ къ точному исполненію, или тотъ, кто въ мысляхъ о наукѣ вообще подвергаетъ науку (сообщаемую ему въ извѣстную эпоху и въ извѣстной формѣ) испытующему взгляду, ничего въ области разума не хочетъ принять безъ провѣрки разума и надѣется самъ сдѣлать что-нибудь. Собственная дѣятельность должна возбуждаться въ человѣкѣ при видѣ дѣятельности другого человѣка.

Вотъ что сказалъ русскій поэтъ:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ.
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ.

Что скажутъ западнымъ народамъ ихъ покорные подражатели? Западные народы не имѣютъ никакой нужды въ собственномъ блѣдномъ спискѣ. Имъ нуженъ народъ, который скажетъ имъ свое слово — для нихъ новое.

Западъ и самостоятельная Россія могутъ спорить, соглашаться, бесѣдовать другъ съ другомъ. Но о чемъ будетъ Западъ говорить съ Россіею подражательной? Даже удивленіе ея не имѣетъ для него цѣны.

Россія уже полтораста лѣтъ исполняла, относительно Запада, роль переписчика и рабскаго переводчика на свой языкъ. Но это списываніе прописей, надѣюсь, должно было, наконецъ, надоѣсть русскому уму, не лишенному самостоятельности.

Думаемъ, что у Россіи есть что сказать человѣчеству въ свой чередъ, что у нея есть свое слово.

VII.

„О сочиненіяхъ Жуковскаго“.

...Но всего болѣе мы были поражены мнѣніемъ Жуковскаго о смертной казни. Можно ли думать, поэтъ нашъ, столь проникнутый вѣрою, столь благодушный, — защитникъ смертной казни!.. Мы не будемъ входить въ разсужденія, удерживаетъ ли она отъ преступленій; думаемъ, что нѣтъ, а скорѣе умножаетъ ихъ, ожесточая сердца. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ второстепенный: смертная казнь носитъ въ себѣ самой осужденіе. Смертная казнь есть узаконенное убійство, но тѣмъ не менѣе убійство. Въ ней заключается судъ не только надъ человѣкомъ, какъ надъ преступникомъ, но просто надъ человѣкомъ, надъ душою его. Можетъ ли быть справедливо то наказаніе, которое отнимаетъ возможность исправленія? А смертная казнь, лишая жизни, отнимаетъ эту возможность, отнимаетъ возможность раскаянія. Христіанское ли это дѣло? Быть-можетъ, возразятъ, что преступникъ уже не раскается. Но кто рѣшится это сказать? А сказавши, что преступникъ не можетъ раскаяться, вы произносите судъ уже надъ душою человѣка, судъ, принадлежащій Единому Богу.

Смертная казнь, какъ законъ, есть ясное свидѣтельство о той нравственной дикости, которая еще лежитъ въ человѣчествѣ. Скажемъ здѣсь съ чувствомъ глубокой радости, что смертная казнь всегда была противна духу славянскаго, собственно русскаго, племени. Ея не знали древніе русскіе язычники. Когда Владимиръ принялъ христіанство, то, уступая настояніямъ греческаго духовенства, настояніямъ, несогласнымъ съ духомъ христіанскимъ, сталъ было казнить разбойниковъ; но это продолжалось недолго: по совѣту, уже не однихъ епископовъ, но *старцевъ* (слѣдовательно, по мнѣнію народному, — это весьма замѣчательно), Владиміръ снова отмѣнилъ казнь, и *живяшс по устроенію отню и дѣдню*. Вспомнимъ, что пишетъ о смертной казни славный нашъ Владиміръ Мономахъ: *души не убивайте никоея же христіаны*, говоритъ онъ. Въ Новгородѣ смертная казнь являлась убійствомъ, но не была внесена въ законъ; не было, слѣдовательно, признана ея законность. Вліяніе татарское произвело то, что смертная казнь была введена въ Россію; но при Елизаветѣ Петровнѣ она была опять уничтожена.

Смертная казнь, которую доселѣ признаетъ Европа, повторяемъ, осуждена духомъ русской народности. Вотъ наше *русское воззрѣніе!*

К. Аксаковъ.

VIII.

№ 20.

Москва, 23 августа.

Трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ. Только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнію. Каковъ бы ни былъ трудъ: вещественное ли это обработываніе земли, работа ли это напряженной мысли — все равно. *Въ потъ лица снѣсти хлѣбъ свой* — вотъ удѣлъ и долгъ человѣка.

Жизнь не есть удовольствіе, какъ думаютъ нѣкоторые: жизнь есть подвигъ, заданный каждому человѣку, жизнь есть трудъ. Худо, если человѣкъ изъ талантовъ, ему Богомъ дарованныхъ, дѣлаетъ себѣ легкое самоуслажденіе, а не смотритъ на нихъ, какъ на тяжелые долги, которые онъ обязанъ выплатить съ лихвою.

Все человѣчество трудится. Всюду кишитъ трудъ, разнообразно совершаемый народами, отдѣльными лицами. Худо тѣмъ, которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ.

Благословенъ трудъ, и да всякій совершаетъ его всею свободною совокупностью силъ своихъ! Не всѣмъ, однако, людямъ данъ удѣлъ вольнаго труда. Мы видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ негровъ, работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ. Мы видимъ это, и сердце наше скорбитъ... Трудъ святъ и воленъ по существу своему. Вольный трудъ споръ и плодоносенъ; съ нимъ миръ и спокойствіе. Твердо уповаемъ, что Господь благословитъ и всѣхъ людей Своихъ благословеніемъ вольнаго труда.

IX.

№ 21.

Москва, 30 августа.

Одежда есть одно изъ выраженій духа человѣческаго. Самый образъ свой человѣкъ сдѣлалъ измѣнчивымъ и подчинилъ владычеству идеи. Духъ вѣка, духъ народности выражается въ одеждѣ, самомъ естественномъ, простомъ и свободномъ проявленіи смысла человѣческаго.

Одежда есть въ то же время дѣло народнаго и личнаго вкуса, дѣло эстетическаго чувства. Принужденіе не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ одежды; странно было бы насиловать вкусъ народа или человѣка. Очень естественно, что въ одеждѣ своей человѣкъ можетъ быть воленъ, какъ въ своей прическѣ, въ походкѣ, въ манерахъ и т. п. Одежда должна только подлежать общественному мнѣнію, не имѣющему въ себѣ ничего насильственнаго.

Верхніе классы Россіи давно уже носятъ одежду иностранную. Полтораста лѣтъ тому назадъ введена она была въ Россіи; какимъ образомъ — объ этомъ говоритъ исторія.

Славянофиловъ упрекаютъ въ томъ, что они хотѣли бы воротиться къ русской одеждѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мнѣніе ихъ неясно понято. Славянофилы вовсе не желаютъ, чтобъ русская одежда была

введена: въ такомъ случаѣ они предпочли бы лучше иностранное платье, чѣмъ русское, *насильно вводимое.* Славянофилы желаютъ лишь одного: *чтобъ всякій могъ одѣваться, какъ кто хочетъ*, и чтобъ русское платье было дозволено въ Россіи, какъ дозволено въ Россіи платье иностранное. Такимъ образомъ была бы снята съ русской одежды полуторастолѣтняя опала. Тогда для всякаго, кто *пожелаетъ* носить русскую одежду, *можно* будетъ надѣть ее.

Вотъ все, что желаютъ славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ.

X.

№ 22.

Москва, 6 сентября.

Англія есть лучшій плодъ западной гражданственности. Эта страна представляетъ намъ сочетаніе спокойствія съ свободнымъ гражданскимъ устройствомъ; всякое дальнѣйшее усовершенствованіе происходитъ въ ней мирнымъ путемъ, въ умственной области убѣжденія, посредствомъ публичныхъ преній, письменныхъ или изустныхъ. Въ Англіи является намъ полная свобода слова, полная свобода всякаго совѣщанія. Тамъ безпрестанно собираются *митинги* (сходки) для разсужденія о какомъ угодно вопросѣ, митинги, состоящіе изъ всѣхъ, кто только хочетъ и можетъ принять въ нихъ участіе. И нигдѣ не уважается такъ законъ, какъ въ Англіи.

Англія не даромъ представляетъ такое величавое явленіе. Вглядясь въ нее, увидимъ, что въ ней сильно религіозное и нравственное начало. Англійскіе романы даютъ живое понятіе объ англійскомъ обществѣ; между ними мы не встрѣчаемъ безумныхъ, горячечныхъ и безнравственныхъ романовъ французскихъ, въ которыхъ самая душа является какою-то чувственностью, самое добро становится соблазномъ. Семейное, общественное и религіозное начало слышатся во всѣхъ англійскихъ романахъ. Въ то же время эта Англія, такъ быстро идущая впередъ, есть чтительница старины, хранительница преданія.

И понятно! Для того, чтобъ дереву расти, развиваться, подниматься вверхъ, ему не нужно отрываться

отъ корней своихъ; напротивъ, чѣмъ крѣпче его корни, чѣмъ тѣснѣе связаны съ ними вѣтви общимъ жизненнымъ сокомъ, тѣмъ выше растетъ дерево, тѣмъ шире раскидываетъ оно тѣнь свою. Какая простая истина, но какъ многіе у насъ ея не понимаютъ!

Итакъ, съ одной стороны, нравственное начало, семейное, общественное, религіозное; съ другой стороны, уваженіе къ старинѣ и къ преданію: вотъ источникъ спокойной свободы Англіи.

Англія недавно вела съ нами войну. Война прекратилась; тѣмъ не меньше, отношенія Англіи къ Россіи едва ли могутъ быть названы искренно-дружественными. Но ничто не помѣшаетъ намъ отдать ей справедливость. Ужели же нѣтъ въ Англіи недостатковъ? Есть, и недостатки важные. Но намъ полезно сперва узнать, что̀ въ ней есть истиннаго и добраго.

XI.

Опытъ синонимовъ.

Публика—народъ.

Было время, когда у насъ не было публики... Возможно ли это? скажутъ мнѣ. Очень возможно и совершенно вѣрно: у насъ не было *публики*, а былъ *народъ*. Это было еще до построенія Петербурга. Публика — явленіе чисто западное, и была заведена у насъ вмѣстѣ съ разными нововведеніями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась отъ русской жизни, языка и одежды и составила публику, которая и всплыла надъ поверхностью. Она-то, публика, и составляетъ нашу постоянную связь съ Западомъ; выписываетъ оттуда всякіе, и матеріальные и духовные, наряды, преклоняется предъ нимъ, какъ передъ учителемъ, занимаетъ у него мысли и чувства, платя за это огромною цѣною: временемъ, связью съ народомъ и самою истиною мысли. Публика является надъ народомъ, какъ будто его привилегированное выраженіе, въ самомъ же дѣлѣ публика есть искаженіе идеи народа.

Разница между публикою и народомъ у насъ очевидна (мы говоримъ вообще, исключенія сюда нейдутъ).

Публика подражаетъ и не имѣетъ самостоятельности: все, что она принимаетъ чужое, принимаетъ она наружно, становясь всякій разъ сама чужою. Народъ не подражаетъ и совершенно самостоятеленъ; а если что приметъ чужое, то сдѣлаетъ это своимъ, *усвоитъ*. У публики свое обращается въ чужое. У народа чужое обращается въ свое. Часто, когда публика ѣдетъ на балъ, народъ идетъ ко всенощной; когда публика танцуетъ, народъ молится. Средоточіе публики въ Москвѣ—Кузнецкій Мостъ. Средоточіе народа—Кремль.

Публика выписываетъ изъ-за моря мысли и чувства, мазурки и польки: народъ черпаетъ жизнь изъ родного источника. Публика говоритъ по-французски, народъ — по-русски. Публика ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, народъ — въ русскомъ. У публики — парижскія моды. У народа — свои русскіе обычаи. Публика (большею частью, по крайней мѣрѣ) ѣстъ скоромное: народъ ѣстъ постное. Публика спитъ, народъ давно уже всталъ и работаетъ. Публика работаетъ (большею частью ногами по паркету): народъ спитъ или уже встаетъ опять работать. Публика презираетъ народъ: народъ прощаетъ публикѣ. Публикѣ всего полтораста лѣтъ, а народу годовъ не сочтешь. Публика преходяща: народъ вѣченъ. И въ публикѣ есть золото и грязь, и въ народѣ есть золото и грязь; но въ публикѣ грязь въ золотѣ; въ народѣ — золото въ грязи. У публики — свѣтъ (monde, балы и пр.): у народа — міръ (сходка). Публика и народъ имѣютъ эпитеты: публика у насъ — почтеннѣйшая, а народъ — православный.

«Публика, впередъ! Народъ, назадъ!» такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хожалый.

VI. И. С. Аксаковъ и газета „Парусъ“.

Въ августѣ 1858 г. И. Аксаковъ помѣстилъ въ газетахъ объявленіе о томъ, что съ 1 янв. 1859 года въ Москвѣ будетъ выходить еженедѣльно газета подъ названіемъ *Парусъ*. «Наше знамя, — заявлялъ редакторъ, — русская народность. Народность вообще, какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной! Народность русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя». Указывая на характеръ газеты — «по преимуществу гражданскій», Аксаковъ заявлялъ далѣе объ открытіи славянскаго отдѣла, корреспондентами котораго уже приглашены нѣкоторые литераторы польскіе, чешскіе, сербскіе и т. д. («Выставляя нашимъ знаменемъ русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народность всѣхъ племенъ славянскихъ»). Но Мин. Нар. Просв. запретило славянскій отдѣлъ. Аксаковъ рѣшилъ не обращать никакого вниманія на бумагу Мин. Нар. Просв., «зная, что Евграфъ Ковалевскій (министръ нар. просв.) — кисель, допустившій въ свое министерство вмѣшательство жандармовъ, графа Панина, всякаго встрѣчнаго и поперечнаго» (письмо къ М. Ѳ. Раевскому отъ 13 апр. 1859 г.). Объявленіе вообще не понравилось въ правительственныхъ кругахъ. 30 ноября 1858 г. Аксаковъ писалъ Погодину:

«*Парусу* плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше, и сильно разъярены всѣ три вѣдомства: Мин. Нар. Пр., Мин. Иностр. дѣлъ, Третье отдѣленіе». Тѣмъ не менѣе Аксаковъ проситъ Погодина выслать ему для *Паруса*, что у того есть, «мелкаго, съ перцемъ»...

3 янв. 1859 г. въ Москвѣ появился первый нумеръ *Паруса*. Въ передовой статьѣ редакторъ не скрываетъ отъ читателей, что «плаваніе предстоитъ трудное и опасное, да и вѣтры съ сѣвера дуютъ не совсѣмъ попутные». «При всемъ желаніи совершить спокойное плаваніе, при всемъ стараніи изучить свойства мѣстности и погоды, мы не разъ испытывали нѣчто въ родѣ кораблекрушенія, и потому, не довѣряя своему искусству, сознавая несостоятельность въ настоящемъ случаѣ всякихъ логическихъ выводовъ и соображеній, мы обращаемся просто съ заклинаніемъ ко всѣмъ подводнымъ владыкамъ, духамъ и демонамъ, древнимъ и новымъ, чужимъ и доморощеннымъ, отъ Нептуна съ его трезубцемъ, до русскаго синяго водяного, съ тритонами, нереидами, русалками и со всѣмъ ихъ причтомъ: да даруютъ они намъ плаваніе ровное и безмятежное, да покоятся смирно въ своихъ кристальныхъ чертогахъ, не всплывая наверхъ, не пугая пловцовъ, не воздвигая подводныхъ преградъ, а съ ними вмѣстѣ стремнинъ и водоворотовъ, всегда и вездѣ опасныхъ!» Въ наше время возможны самыя странныя явленія. «Доброе на дѣлѣ выходитъ вреднымъ». «Все сдѣлалось щекотливо и обидчиво до крайности. Раздраженныя фантазіи создаютъ чудовищные призраки, которыми пугаютъ и себя и другихъ. Сознается необходимость гласности и общественнаго мнѣнія, сознается даже и отсталыми, но привыкнувъ къ долголѣтнему шопоту, эти несчастные — самою скромною рѣчью, произносимою самымъ обыкновеннымъ голосомъ, поражаются будто раскатами грома. Да и слова у нихъ въ ушахъ отдаются какъ-то иначе. Особенно странный

резонансъ въ Петербургѣ, и къ законамъ петербургской акустики мы никакъ не можемъ приладиться». Нашлись люди, которые въ объявленіи о *Парусѣ* выраженіе: «знамя народности» сочли чуть не преступленіемъ. «Неужели, — восклицаетъ И. С. Аксаковъ, — неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно — изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и веселилась оффиціальная ложь, одна — владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали для насъ даромъ? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованій путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ *Парусѣ* съ полной откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели, что

виною тому не редакція, а распоряженія, стѣсняющія искренность слова, что еще, видно, не созрѣла пора для безоглядочной правды»... Найдутся «очень умные» люди, которые скажутъ, что лучше было бы вмѣсто вступленія, не тратя громкихъ словъ, начать свое дѣло тихо и скромно, заслужить довѣріе постепенно, дѣльностью и серьезностью. «Но намъ нечего стыдиться нашихъ убѣжденій и выгоднѣе вести дѣло на чистоту, вполнѣ открыто. Да и надоѣла донельзя эта постоянная прискорбная необходимость притворства, изворотливости, осторожности; есть что-то крайне оскорбительное и унизительное въ этой обязанности справляться, какъ пойметъ такую-то фразу Бебе, какъ покажутся такія слова Биби и т. п.». «Итакъ, — заканчивалъ Аксаковъ статью, — съ искреннимъ желаніемъ мира и тишины, съ надеждою принести нашимъ изданіемъ посильную долю пользы русскому образованію, пускаемся мы въ наше многотрудное плаваніе... Пожелайте же намъ, читатели, попутнаго вѣтра!» Вслѣдъ за статьей стояло стихотвореніе Хомякова «Парусъ поднятъ», оканчивавшееся словами: «Господи, благослови!»

Далѣе шли стихотворенія Хомякова «Орелъ», два стихотворенія Языкова, статья Д. Мордовцева «Самозванецъ Богомоловъ», «Письма изъ Польши», «Законъ 1848 г. 2 марта», Н. Елагина, «Нѣсколько словъ о мѣщанствѣ», мѣщанина Ѳ. Стратилатова, «Критика и библіографія» (рецензіи Максимовича и К. Аксакова).

10 янв. вышелъ второй нумеръ *Паруса*. Въ первой статьѣ И. Аксаковъ говоритъ, что онъ намѣренъ «уяснить читателямъ точки зрѣнія «Паруса» на существеннѣйшіе вопросы русской жизни», и набрасываетъ такую характеристику современнаго историческаго момента: «Странная, странная эпоха, въ которую мы живемъ! И радуешься и боишься, и сочувствуешь ей, и безпрестанно поражаешься уродствомъ, безобразіемъ,

аномаліей современныхъ явленій! Эпоха попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицанія науки и теоріи во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеска! Все въ движеніи, все въ броженіи, все тронулось съ мѣста, возится, копошится, просится жить! — И слава Богу! Что можетъ быть выше, прекраснѣе, законнѣе этого требованія?.. Но въ то же время, всматриваясь пристальнѣе, вы невольно смущаетесь мыслью, что цвѣтущая зелень, покрывшая ниву,— еще не хлѣбныя зелснія, медленно и туго пробивающіе земную поверхность, что это, можетъ-быть, только сорныя травы, заглушающія ходъ плодотворныхъ зеренъ, что много потребуется тяжкаго труда для очищенія нивы отъ постороннихъ, скороспѣлыхъ произрастеній»... Аксаковъ во всѣхъ разсужденіяхъ о прогрессѣ, раздающихся въ обществѣ, не слышитъ «основныхъ тоновъ жизни». Ему кажется, что въ нихъ слишкомъ много отвлеченныхъ, безплотныхъ системъ. По его же мнѣнію, «только тотъ законъ можетъ быть полезенъ, который является органическимъ продуктомъ народной жизни, вытекаетъ изъ общественнаго сознанія, а не падаетъ, какъ снѣгъ на голову». Затѣмъ Аксаковъ собирается въ слѣдующемъ нумерѣ бесѣдовать о «самомъ крупномъ явленіи современной исторіи, о преобразованіи — самомъ существенномъ, самомъ жизненномъ, громадномъ по своему размѣру, необъятномъ по своимъ послѣдствіямъ — объ уничтоженіи крѣпостного права». Въ заключеніи статьи онъ объявляетъ, что 3 янв. начались въ Москвѣ дворянскіе выборы и «съ видимымъ удовольствіемъ называетъ эти выборы *послѣдними* выборами душевладѣль-

цевъ. Да, уже не долго вамъ ждать, благородные дворяне! еще немного терпѣнія, и вы скинете съ себя такъ ненавистное вамъ званіе душевладѣльцевъ!»

Затѣмъ въ этомъ нумерѣ были помѣщены стихотворенія *Бродяга* И. Аксакова; *Прошедшій годъ въ русской исторіи* М. П. Погодина; *Письмо изъ Вологды* В—к—н—бу; *Критика и библіографія* (К. Аксакова, Кулиша).

Рѣзкій и независимый тонъ статей И. С. Аксакова и его сотрудниковъ (особенно Погодина по поводу нашей иностранной политики) повлекъ за собой быструю «кончину *Паруса*», о чемъ 14 янв. московскій цензоръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и сообщилъ Погодину. По словамъ П. И. Мельникова, погодинская статья «подняла всѣхъ на дыбы» въ Петербургѣ. Въ дневникѣ Никитенко встрѣчаемъ записи: «Говорятъ, *Парусъ* запрещенъ. Говорятъ, Тимашевъ изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель *Паруса*, И. С. Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мнѣ передавалъ Краевскій любопытный разговоръ Аксакова съ Тимашевымъ. Между прочимъ Аксаковъ сказалъ: «Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы. Намъ, дѣйствительно, угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики».—«Какъ,—спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ,—гдѣ они?»—«Въ Третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе, своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ, готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ». Главное управленіе цензуры въ статьяхъ газеты находило «охуждеиіе на настоящее, рѣзкія выходки противъ современныхъ правительственныхъ учрежденій», издѣвательство надъ цензурой и т. п. Прекращеніе *Паруса*, выговоръ Московскому цензурному комитету и другія кары вызвали у Погодина «громовое письмо» къ министру, а И. Аксакова заставили написать 13 апрѣля 1859 г. Раевскому слѣдующія строки: «Вы не можете

себѣ представить, какъ вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва; какое опасеніе и страхъ возбуждаетъ тамъ слово: народность. Ни одинъ западникъ, ни одинъ русскій соціалистъ такъ не страшенъ правительству, какъ московскій славянофилъ, никто не подвергается такому гоненію... Тимашевъ, Долгорукій, Мухановъ, Панинъ и проч. и проч.—всѣ вооружили государя противъ *Паруса* и меня». Запрещеніе газеты не повліяло, однако, на Аксакова въ смыслѣ стремленія приспособиться къ обстановкѣ, не научило его лавировать среди цензурныхъ опасностей. Въ передовой статьѣ новой газеты *День* 19 мая 1862 г. онъ по прежнему смѣло вооружается противъ «умственныхъ плотинъ»: «Прежде всего необходимымъ кажется намъ, — писалъ Аксаковъ, — постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ Св. Зак. разд. I, главу I слѣдующаго содержанія: *Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія*».

И. Л. Бродскій.

II. Эстетика славянофиловъ.

Литературные взгляды славянофиловъ не расходились съ эстетическими принципами западниковъ. Многое ихъ сближало. Роднила ихъ общая любовь къ величайшей гордости и славѣ русской литературы, наиболѣе могучему представителю самобытной, оригинальной русской литературы — Гоголю. Защитники національнаго, народнаго, славянофилы требовали, чтобы всякое художественное произведеніе было *народнымъ*. Гоголь и былъ, по мнѣнію К. Аксакова, Хомякова, И. Кирѣевскаго, величайшимъ русскимъ писателемъ, создававшимъ самобытныя глубоко оригинальныя творенія. Но, отстаивая принципъ народности въ искусствѣ, славянофилы не увлекались и не были восторженными поклонниками «натуральной школы» со всѣми ея особенностями и пріемами письма. «Этнографическое народолюбіе», столь характерное для нашей литературы 40 годовъ, вызвало къ жизни многочисленные разсказы, «физіологическіе» очерки изъ крестьянской жизни. Писатели старались воспроизвести крестьянскій бытъ возможно ближе къ дѣйствительности, влагали въ уста героевъ своеобразныя народныя реченія, поговорки, пословицы, вводили въ описаніе различныя этнографическія подробности. Такой чуткій критикъ, какъ Бѣлинскій, ставилъ, напр., Даля вслѣдъ за Гоголемъ, восхищаясь его удивительнымъ знаніемъ народной жизни, народнаго языка... Въ славянофильскомъ лагерѣ, гдѣ преклоненіе предъ народомъ доходило до ми-

стическаго, носило характеръ культа, всякая фальшь, невѣрность особо подмѣчалась, а тотъ фактъ, что оторванный отъ народа интеллигентъ-писатель избиралъ сюжетомъ событія изъ народной жизни, настраивалъ заранѣе враждебно...

Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 г. подъ псевдонимомъ *Имрекъ* появилась рѣзкая статья К. Аксакова о повѣсти кн. Одоевскаго «Сиротинки». «Всегда съ невольнымъ, горькимъ чувствомъ, — писалъ Аксаковъ, — и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лицо отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа,—когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ заговоритъ снисходительно о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стоитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшимъ до его слуха черезъ передшую и гостиную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго». Далѣе К. Аксаковъ пересказываетъ содержаніе повѣсти: какая-то барыня увозитъ бѣдную крестьянскую дѣвочку, Настю, въ Петербургъ; здѣсь дѣвочка получаетъ въ одномъ изъ пансіоновъ образованіе; возвратившись черезъ нѣкоторое время обратно въ деревню, Настя оказываетъ глубокое и благотворное вліяніе на подъемъ крестьянской нравственности и

религіозности. Возмущенный критикъ писалъ: «Итакъ, все село возвышено и преобразованъ народъ, имѣющій кое-что въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣющій какъ народъ, тяжесть и твердость дѣйствительности въ своихъ движеніяхъ и переходахъ, преобразованъ такъ легко и скоро Настей, воспитанной въ Петербургѣ. Она научила его молиться: онъ не умѣлъ этого, конечно!.. Но никакая въ свѣтѣ Настя и никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать наряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ, — его силою вѣры прогнавшаго столько враговъ иноплеменныхъ. Можно ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица; такъ не знать глубины убѣжденія и многаго, многаго въ народѣ... Можно ли это?..» Всякій неосторожный выпадъ противъ народа, быть-можетъ, неудачно выраженная мысль, все, что носило печать непочтенія, неуваженія къ простому народу, все вызывало рѣзкую отповѣдь со стороны славянофильскаго критика.

Извѣстно, что изображеніе въ русской литературѣ 40 годовъ народной жизни оставляло желать многаго. Дворянская по своему характеру, тону, содержанію, наша литература на первыхъ порахъ неумѣло возсоздавала бытъ и нравы крестьянства. Кудреватые мужички Даля, пересыпающіе рѣчь разными остротами и прибаутками, или глуповатые типы Соллогуба, конечно, не могли служить вѣрнымъ снимкомъ народной жизни. Преобладаніе этнографичности, обиліе мѣстныхъ реченій, областныхъ, картинокъ, характерныхъ для данной мѣстности или губерніи, — одна изъ особенностей тогдашнихъ «физіологическихъ» очерковъ. Манеру эту мы встрѣчаемъ у Григоровича, даже у Тургенева, въ особенности въ его первыхъ разсказахъ, вошедшихъ потомъ въ «Записки Охотника». Постепенно Тургеневъ въ своихъ разсказахъ выбрасывалъ

лишнее, вредившее художественному, и то, что мы теперь знаемъ подъ именемъ «Записокъ Охотника», значительно разнится по манерѣ письма отъ серіи этихъ же разсказовъ, порознь печатавшихся въ тогдашнихъ журналахъ.

Славянофильскій критикъ («Русск. Бес.», 1856 г., № 2) обращаетъ вниманіе на то, что многіе писатели, изображая народную жизнь, увлеклись исключительно этнографичностью; воображаютъ, что, подмѣтивъ какую-нибудь своеобразную черту внѣшней стороны жизни, они изображаютъ подлиннаго мужика, его душу, умственный обликъ... К. Аксаковъ иронизируетъ надъ такими «литераторами-натуралистами» въ одномъ изъ стихотвореній:

Вотъ добрались и до крестьянъ,
До величаваго народа.
Скрипятъ ихъ перья впопыхахъ,
Кипитъ ихъ легкая работа;
Въ бездѣлкахъ, въ жалкихъ пустякахъ
Вся жизнь ихъ, слава и забота...
И всякой съ радости дрожитъ,
Коль что найдетъ, день цѣлый роясь;
Одинъ къ перу стремглавъ бѣжитъ:
Въ народѣ онъ подслушалъ *тоись;*
А этотъ *евто* притащилъ,
А тотъ *болъзная* услышалъ,
А тотъ присловій накопилъ
И съ ними въ свѣтъ надменно вышелъ...

Но если славянофиловъ не удовлетворяли подобныя литературныя упражненія, съ какимъ восторгомъ они встрѣчали дѣйствительно правдивыя, художественныя отображенія народной жизни. К. Аксаковъ сочувственно отнесся къ стихотворенію Некрасова «Въ деревнѣ» и съ восторгомъ писалъ о «Хорѣ и Калинычѣ» Тургенева. «Мы должны указать, — отмѣчалъ Имрекъ въ «Московскомъ Сборникѣ», — на появившійся въ № 1 «Современника» превосходный разсказъ г. Тургенева «Хорь и Калинычъ». Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила. Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ,

да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, — все выходило вяло и безталантно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участьемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ». Особенно понравились въ семьѣ Аксаковыхъ два разсказа: «Муму» и «Постоялый дворъ». Отзывы объ этихъ разсказахъ мы встрѣчаемъ въ перепискѣ Аксаковыхъ съ Тургеневымъ, оживленно шедшей между корреспондентами въ 50 годахъ. «Написать такую повѣсть, — писалъ И. С. Аксаковъ, — создать Акима или все равно умѣть отыскать его между другими, понять, оцѣнить и возлюбить его— не только великая литературная и общественная заслуга, но и личный нравственный подвигъ, дѣло души. Нужно даже нѣкоторое мужество, чтобы не только явить свое собственное сочувствіе, но и отъ общества потребовать сочувствія къ такому смиренному и некрасивому герою, каковъ Акимъ»... По мнѣнію К. Аксакова, двѣ эти повѣсти тѣмъ замѣчательны, что въ нихъ «слышенъ русскій человѣкъ»... Сходясь съ Бѣлинскимъ, Аксаковы указываютъ Тургеневу рядъ художественныхъ промаховъ въ другихъ его разсказахъ изъ крестьянской жизни, въ частности обращаютъ вниманіе автора на пристрастіе къ этнографичности. Было бы весьма любопытнымъ выяснить вліяніе Аксаковыхъ на манеру письма автора «Записокъ Охотника», позднѣе, какъ извѣстно, тщательно выправившаго многіе дефекты и художественные недостатки въ своихъ очеркахъ... Матеріалы для разрѣшенія этого вопроса имѣ-

ются въ перепискѣ Аксаковыхъ, напечатанной въ «Русскомъ Обозрѣніи» за 1894 г.

Славянофилы придавали «Запискамъ Охотника», вышедшимъ въ видѣ сборника въ 1852 г., крупное общественное значеніе. И. Аксаковъ видѣлъ въ нихъ «стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта». Примыкая къ Бѣлинскому въ защитѣ принципа самобытности нашей литературы, славянофилы не расходились съ западническимъ критикомъ и въ отстаиваніи принципа гражданскаго служенія литературы. Искусство, по мнѣнію славянофиловъ, должно быть проводникомъ опредѣленныхъ общественныхъ настроеній. «Общественный интересъ — вотъ что должно быть задачей литературныхъ произведеній!» восклицалъ К. Аксаковъ. «Въ наше время, — писалъ онъ въ 1857 г., — поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны), можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ объ математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: что этимъ доказывается? Какъ ни странень этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи является вопросъ: что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха». Хомяковъ въ 1859 году въ рѣчи, обращенной къ Селиванову, члену Общества любителей россійской словесности, горячо защищалъ обличительную литературу, въ концѣ 50 и 60 годовъ, какъ извѣстно, такъ процвѣтавшую у насъ и смѣло отдававшую «подъ судъ» многія явленія дореформенной дѣйствительности. «Обличительная литература, — говорилъ Хомяковъ, — есть законное явленіе словесной жизни народа; я скажу болѣе, она не только за-

конное явленіе, но явленіе необходимое и отрадное. Она не есть произведеніе прихоти или раздраженія какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ, она есть въ одно время выраженіе скорбящаго и негодующаго самопознанія общественнаго. Я позволю себѣ сказать, что она есть какъ будто публичная исповѣдь общества; ибо, нападая на отдѣльныя злоупотребленія, клеймя иногда частные типы, она есть голосъ общества, обвиняющаго себя въ существованіи, возможности этихъ типовъ и этихъ злоупотребленій. Таково всегда значеніе обличительноі словесности, присущсй всякому свободному и не въ конецъ испорченному обществу. Но есть минуты (и думаю, что такова минута, въ которую мы живемъ), когда это значеніе становится еще выше и святѣе, — минуты, когда, отряхнувъ многолѣтній и тяжелый сонъ мнимаго и обманчиваго самодовольства, общественная жизнь рвется и волнуется всѣми силами, а иногда и всею желчью, накипѣвшими въ продолженіе долгаго молчанія или въ слушаніи хвалебныхъ гимновъ оффиціальнаго самохвальства. Въ эти минуты, — по мнѣнію Хомякова, — обличеніе есть священный долгъ для литературы. Ея голосъ есть признакъ освобождающагося дыханія, и въ то же время есть глубокій стонъ... изъ сердца и подоплеки народной»... Въ томъ же 1859 г. 4 февраля Хомяковъ въ засѣданіи Общества любителей россійскоі словесности отвѣтилъ на вступительное слово Л. Н. Толстого любопытноі рѣчью (см. ниже).

Такова славянофильская эстетика, ихъ литературный символъ вѣры. Сообразно съ этими взглядами, славянофилы и свои собственныя литературныя произведенія насыщали общественнымъ содержаніемъ, стремились выразить въ нихъ тѣ или иные взгляды и убѣжденія. Но славянофильская поэзія мало того, что чужда «чистому художеству»: она не только гражданскн настроена, но по преимуществу отображаетъ завѣтныя мечты и идеалы исключительно своего

славянофильскаго кружка. Въ этомъ смыслѣ славянофильскую поэзію справедливо называютъ *партійной поэзіей*... Въ самомъ дѣлѣ, и драма, и лирика, и эпическіе отрывки, за вычетомъ нѣкоторыхъ произведеній И. Аксакова и Хомякова, представляютъ не что иное, какъ стихотворную или драматизированную перефразу основныхъ и второстепенныхъ тезисовъ славянофильскаго ученія. Это новый родъ пропаганды своихъ убѣжденій, литература по преимуществу памфлетная, тенденціозная... Читая поэтическія произведенія, вышедшія изъ славянофильскаго лагеря, и многочисленныя ученыя статьи, вскрывающія основы самаго ученія, невольно скажешь, что первыя служатъ поэтическими истолкованіями послѣднихъ, что тамъ и здѣсь одно и то же содержаніе, лишь выраженное въ разныхъ формахъ, разными размѣрами.

I.

Молва, № 11.
Москва, 21 іюня.

Изящное искусство есть дѣятельность духа человѣческаго, представляющая истину въ образѣ, или другими словами: дѣятельность художественная. Въ искусствѣ мысль является не какъ мысль, постигаемая лишь умомъ (принимаемъ это слово въ смыслѣ формы), но какъ образъ, видимый очами, доступный слуху, наружно или внутренно; въ поэзіи, напр., мы видимъ описываемые предметы и звуки въ воображеніи. Задача искусства состоитъ въ томъ, чтобъ образъ, въ которомъ выражается мысль, былъ вполнѣ достоинъ этого высокаго содержанія: не на столько вещественъ, что присутствіе заключающееся въ немъ мысли не чувствуется, и не на столько прозраченъ, что мысль сквозитъ сквозь него, какъ мысль, и образъ самый почти исчезаетъ изъ глазъ. А если исчезнетъ образъ, то исчезнетъ и искусство. Только тогда, когда соблюдена середина между тусклою вещественностью и прозрачною тонкостью формы, созданіе искусства можетъ быть художественнымъ.

Итакъ, искусство имѣетъ дѣло съ образами, съ внѣшнимъ міромъ. Обращаясь къ міру внѣшнему, оно встрѣчаетъ въ немъ яркія краски, въ которыхъ отпечатываются и природа и народность. Если и въ наукѣ элементъ народный неизбѣженъ и составляетъ необходимое условіе для того, чтобъ сдѣлать что-нибудь въ области общей истины; то въ искусствѣ, имѣющемъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ, съ наружными красками, элементъ народный есть часть самой задачи, необходимо входитъ въ каждое истинное его созданіе.

Художественная дѣятельность человѣка выражается въ разныхъ видахъ. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и, наконецъ, поэзія: вотъ извѣстные виды искусства. Поэзія есть искусство въ словѣ, и, конечно, самое высшее изъ всѣхъ искусствъ, ибо здѣсь матеріалъ самый есть созданіе духа человѣческаго. Слово, всегда и вездѣ у человѣка подъ рукою, не требуетъ никакихъ тяжелыхъ наружныхъ усилій и, уже по существу своему, всегда готово стать соразмѣрнымъ художественнымъ образомъ для истины, лишь бы художникъ коснулся его. Слово простирается надъ всѣми вѣками и народами, и поэзія, или искусство въ словѣ, не исчезнетъ, пока не исчезнетъ въ человѣчествѣ художественная сила.

Но слово, при всей своей духовной природѣ, есть тоже внѣшній міръ; оно носитъ на себѣ выраженіе времени, мѣста и, наконецъ, всего болѣе — народа. Человѣчество говоритъ не однимъ языкомъ: состоя изъ народовъ, оно говоритъ языками народовъ. Слово есть по преимуществу народное явленіе. Народъ говоритъ однимъ языкомъ. Единство языка есть связь народная; по языку узнается, къ какому народу принадлежитъ человѣкъ. Языкъ и народъ такъ тѣсно связаны между собою, что *языкъ* есть синонимъ *народа* и, собственно въ церковно-славянской рѣчи, *языкъ* употребляется въ смыслѣ народа. Каждому изъ насъ знакомо выраженіе «нашествіе двадесяти языкъ».

Въ словѣ всего болѣе выражается необходимое соединеніе общечеловѣческаго съ народнымъ. Общечеловѣческаго слова нѣтъ, а есть слово народное; но слово народное можетъ быть понятнымъ всякому человѣку, въ силу общечеловѣческаго своего значенія.

Итакъ, слово непремѣнно народно; а слѣдовательно и высшее искусство, искусство въ словѣ, поэзія, для котораго слово не есть средство, но часть самого его творческаго созданія, необходимо соединено съ народностью.

Такъ оно и есть. Всѣ безсмертныя созданія поэзіи, доступныя всему человѣчеству, носятъ на себѣ живую печать народности. Великая, ни съ чѣмъ несравнимая Иліада Гомера, три тысячи лѣтъ дающая наслажденіе всему роду человѣческому, есть вполнѣ *народное* созданіе, носящее на себѣ всѣ живыя краски народности, и эпохи тѣхъ временъ, и природы тѣхъ мѣстъ.

Истинная поэзія (какъ и всякое изящное искусство) народна, но это не значитъ, чтобъ предметомъ поэзіи должно быть только народное. Напротивъ: предметомъ поэзіи можетъ быть весь міръ, все человѣчество. Народность заключается въ самомъ созерцаніи, въ самомъ созданіи поэзіи. Народность поэзіи распредѣляется конечно не по предметамъ. Всѣ произведенія Шекспира вполнѣ народны, хотя предметы его поэзіи разнообразны въ высшей степени; никто не скажетъ, напримѣръ, что трагедія «Отелло» есть произведеніе африканской народности, «Гамлетъ»—датской, и т. д. Всѣ они суть созданія Шекспира и англійской народной поэзіи, созерцающей весь Божій міръ. На все смотритъ и долженъ смотрѣть человѣкъ, но пусть не перестаетъ онъ быть самимъ собою: иначе онъ ничего не увидитъ.

Народна ли наша поэзія? Мы говоримъ здѣсь о поэзіи, явившейся послѣ Петровскаго переворота. Народна ли она? Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать: нѣтъ. Она представляетъ такое же подражательное явленіе, такое же отраженіе чужихъ мыслей и образовъ, также чужда народа своего, какъ и всякая наша дѣятельность. Личныхъ талантовъ встрѣчается у насъ довольно, между ними есть великіе таланты; но созданія ихъ народу чужды и суть большею частію пересозданія иныхъ народныхъ созданій, подогрѣтыя блюда, приготовленныя чужими руками. Народъ не знаетъ ихъ и не признаетъ конечно, развѣ какъ въ наукѣ, въ исторіи литературы. Истинное произведеніе поэзіи, непремѣнно народное, должно быть таково, чтобъ оно могло нравиться не нѣкоторымъ только, а всему народу, который чувствуетъ, что онъ въ немъ выражается.

Теперь же, когда въ духѣ русскомъ проснулось стремленіе къ самостоятельности, такъ удивляющее большинство нашего общества, которое стоитъ еще на подражательномъ пути, когда началась самостоятельная работа мысли (ибо ей, свѣтлой по существу, подобаетъ первой начинать дѣло), работа, преслѣдуемая бранью и всякими насмѣшками со стороны людей, стоящихъ еще на прежней дорогѣ; теперь, почему не думать, что и поэзія наша ступитъ на дорогу народную, на которой вполнѣ будетъ она истинною поэзіею и общечеловѣческимъ достояніемъ?

Повторяемъ: истинное, общечеловѣческое созданіе поэзіи, какъ и всякаго искусства, необходимо народно.

К. Аксаковъ.

II.

Отвѣтъ Предсѣдателя, сказанный дѣйствительному члену графу Л. Н. Толстому, на его вступительное слово, въ засѣданіи 4 февраля 1859 года.

Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостію привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто-художественной литературы. Это чисто-художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всѣми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, если бы Общество вамъ не сочувствовало въ этомъ; но позвольте мнѣ сказать, что правота вашего мнѣнія, вами столь искусно изложеннаго, далеко не устраняетъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова. То, что̀ всегда справедливо; то, что̀ всегда прекрасно; то, что̀ неизмѣнно, какъ самые коренные законы души, то, безъ сомнѣнія, занимаетъ и должно занимать первое мѣсто въ мысляхъ, побужденіяхъ и, слѣдовательно, въ рѣчи человѣка. Оно, и оно одно, передается поколѣніемъ поколѣнію, народомъ народу, какъ дорогое наслѣдіе, всегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны есть, какъ я имѣлъ уже честь сказать, постоянное требованіе самообличенія въ природѣ человѣка и въ

природѣ общества; есть минуты и минуты важныя въ исторіи, когда это самообличеніе получаетъ особенныя, неопровержимыя права и выступаетъ въ общественномъ словѣ съ большею рѣзкостью. Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что всѣ поколѣнія, всѣ народы могутъ понимать и понимаютъ болѣзненные стоны и болѣзненную исповѣдь одного какого-нибудь поколѣнія или народа. Права словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся цѣлительницею общественныхъ язвъ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души; но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству.

Позвольте мнѣ прибавить, что я не могу раздѣлять мнѣнія, какъ мнѣ кажется, односторонняго, германской эстетики. Конечно, художество вполнѣ свободно: въ самомъ себѣ оно находитъ оправданіе и цѣль. Но свобода художества, отвлеченно понятаго, нисколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теорія, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ человѣкъ, всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучшій его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя, и болѣе другихъ людей, всѣ болѣзненныя, также какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истинному и прекрасному, онъ невольно, словомъ, складомъ мысли и воображенія, отражаетъ современное въ его смѣси правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе. Такъ сливаются двѣ области, два отдѣла литературы, объ которыхъ мы говорили; такъ писатель, служитель чистаго художества, дѣлается иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ. Вы идете вѣрно и неуклонно по сознанному и опредѣленному пути; по не-

ужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною словесностію? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повидимому равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да, и вы были, и вы будете невольно обличителемъ.

Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали! Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ бо̀льшимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое.

А. С. Хомяковъ.

III. Поэзія славянофиловъ.

А. С. ХОМЯКОВЪ.

О д а.

(1831).

(На польскій мятежъ).

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей громкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачъ родной...
О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,

И повѣсть мщенья и страданья, —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!
И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ...
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ — сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!..

Орелъ.

(1832).

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ.
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись;
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья —
Когда же зовъ услышатъ твой,

Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?..
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ Орлы, — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Напеч. «Парусъ» 1859, № 1.

Двѣ пѣсни.

(1833).

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта.
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны.
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ.
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.
Другая пѣснь, то пѣснь родного края, —
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна!
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про гулкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ и кровныхъ и друзей!

Мечта.

(1834).

О грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ.
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь. Тамъ будетъ мракъ глубокъ!..
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Ключъ.

(1835).

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь.

Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И Вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ своїй приняла.
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтнїй зной,
И льешь ты сребряныя слезы
Неистощимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.

И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!
Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ, —
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! Мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимца неба, силы полны,
Плодотворители земли!

И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви святыни тишины.

«Московскій Наблюдатель» 1835, ч. 3.

Островъ.

(1836).

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ:
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей,
Но смиренъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой:
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.
Дочь любимая свободы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой!
Какъ высоки пѣсенъ звуки,

Міру брошенныхъ тобоїй!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна,
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Властью суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ!
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ.
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясноїй благодать.
И забывъ твоїй флагъ державныїй,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!
И другоїй странѣ смиренноїй,
Полноїй вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенноїй,
Громъ земли и гласъ небесъ!..

«Моск. Набл.» 1836, ч. 6.

Россіи.

(1839).

«Гордись! — тебѣ льстецы сказали: —
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали,
«Полміра взявшая мечомъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
«И, прихотей твоихъ раба,
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная судьба.
«Красны степей твоихъ уборы,
«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озеры»...
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?

И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Албіонъ.
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты, —
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ слышенъ сердцу гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начала славы и чудесъ!..
О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи мнѣ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!

И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ!

Давидъ.

(1844).

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты — когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ —
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула — ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божій громъ!

«Москвитянинъ» 1844, май.

* * *

(1846 [1]).

Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».
Нѣтъ, этотъ грѣхъ — онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,

[1]) Годъ ошибочно поставленъ въ изданіи стихотвореній Хомякова, такъ какъ помѣщенное ниже стихотвореніе К. Аксакова—*Поэту-укорителю,* служащее отвѣтомъ Хомякову, датировано *1845* годомъ.

За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшноїї тоїї годины,
Когда, враждоїї упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русскоїї стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новгородъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святоїї царицы,
За узаконенныїї развратъ,
За грѣхъ царя-святоубіійцы,
За разоренныїї Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтеїї,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстеїї;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпоїї сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ, —
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земноїї,
Вы отреклись отъ всеїї святыни,
Отъ сердца стороны родноїї!
За все, за всякія страданья,
За всякіїї попранныїї законъ,

За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды родного края, —
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

Навуходоносоръ.

(1849).

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!
Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.
Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово — Божій даръ священный,
Разумъ — лучъ отъ Божества.
Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!
Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ того кумира
Пировалъ безбожный пиръ.
Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!
Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,

Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ...
Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?..
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,
Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ.
Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

* * *

(1851).

«Мы — родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину:
«Намъ Божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.
«Для́я насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.
«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса;
«Для́я насъ законъ, у насъ пророки;
«Въ насъ Божьей силы чудеса!»
Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:

«Мы — соль земли, мы — столбъ святыни,
«Мы — Божій мечъ, мы — Божіи щитъ!»
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живого,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.
Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.
Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!

Моск. Сборникъ 1852.

Звѣзды.

(1853).

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ!

Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.
Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ, —
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Таинныи хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись — другія всходятъ;
Вновь вглядись — и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

«Рус. Бес.» 1856, кн. I.

* * *

(1853).

Рставайте! Оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!
Вставайте, славянскіе братья,
Болгаринъ, и сербъ, и хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!
Скажите: «Намъ въ старые годы
«Въ наслѣдство Господь даровалъ
«И степи, и быстрыя воды,
«И лѣсъ, и ущелія скалъ!»
Скажите: «Мы люди свободны, —
«Да будетъ свободна земля,

«И горы, и глуби подводны,
«И долы, и лѣсъ, и поля!
«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»
Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!
Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!..
Вскипите жъ, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

Россіи.

(1854, мартъ).

Война съ Турціей осложнилась разрывомъ Россіи съ Франціей и Англіей.

Высочайшій манифестъ отъ 9 февр. 1854 г. возвѣщалъ о необходимости борьбы съ новыми врагами. Хомяковъ и написалъ стихотвореніе къ *Россіи*, ставшее извѣстнымъ въ спискахъ чуть ли не всей грамотной Руси. Что́ побудило Хомякова написать это стихотвореніе, узнаемъ изъ его письма къ графинѣ А. Д. Блудовой (на шестой недѣлѣ Великаго поста): „Эти стихи написалъ я, графиня, надняхъ. Какъ стихи, они вамъ понравятся; надѣюсь, что они понравятся, какъ чувство. Во всякомъ случаѣ, они сказались у меня невольно. Какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь тѣмъ яснѣе, чѣмъ самый подвигъ лучше и чище, такъ и обществу... Странна была бы рѣчь о смиреніи, если бы смиреніе не выражалось сознаніемъ слабыхъ сторонъ или пороковъ въ тѣ минуты, которыя призываютъ къ великому и опасному служенію. Отъ печати я удаленъ [1]); но мнѣ кажется, такіе стихи должны быть полезными, призывая къ серьезному пониманію великаго дѣла, къ которому мы идемъ. Разумѣется, если бъ можно было думать о печати, я сказалъ бы, что слова: *И игомъ рабства клеймена* (слишкомъ рѣзко опредѣляющія крѣпостное состояніе) можно замѣнить: *И двоедушьемъ клей-*

[1]) Хомякову было запрещено печатать свои произведенія.

мена. Также поставить другое на мѣсто: *всякой мерзости полна*. Но вообще полагаю, что нельзя и воображать, чтобъ такой канонъ покаянія могъ быть напечатанъ. А все-таки скажу: въ минуту тяжелой войны, конечно, не время ни человѣку ни обществу исправляться, а время искренно сознаваться въ своихъ грѣхахъ обществу, такъ же какъ и человѣку. Согласитесь ли вы со мною? Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистическаго фрондерства. Война предстоитъ не шуточная, и размѣры, которыхъ она можетъ достигнуть, еще неизвѣстны никому. Должно смотрѣть впередъ бодро, но и трезвенно. Право, предполагать во мнѣ фрондерство или что-нибудь подобное, значитъ меня вовсе не знать. Не думаю, чтобъ я когда-нибудь заслужилъ такое подозрѣніе, а теперь просто стыдно было бы его заслуживать". А. Ѳ. Гильфердингу о значеніи этого стихотворенія Хомяковъ такъ писалъ: „Я хоть сколько-нибудь возвратилъ человѣческому слову у насъ слишкомъ забываемое благородство". Во многихъ стихотвореніе Хомякова вызвало неудовольствіе, даже злобу противъ автора. По мнѣнію Вяземскаго, Хомяковъ „черезчуръ понатужилъ ноту и вышелъ изъ надлежащаго діапазона, когда говорилъ Россіи, что она

Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна.

Послѣдній стихъ рѣшительно неумѣстный и лишній. Такимъ укорительнымъ и грознымъ языкомъ могли говорить боговдохновенные пророки. Но въ наше время простому смертному, хотя бы и поэту, подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своей. Добрый сынъ Ноя прикрылъ плащомъ слабость и стыдъ отца". О. М. Бодянскій также находилъ упреки „хотя и справедливыми, но совершенно неумѣстными", и безъ всякаго возмущенія записываетъ въ Дневникѣ (19 іюня 1854 г.), что Хомяковъ получилъ выговоръ отъ правительства черезъ генералъ-губернатора, и что съ него взята подписка ничего не распространять изъ своихъ стихотвореній, прежде чѣмъ одобритъ ихъ петербургская цензура. „Пѣвецъ сплошалъ: *Россія не Ниневія, а Хомяковъ не Еремія*,—какъ-то пришлось мнѣ выразиться въ одномъ домѣ, на вечерѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ,—*хоть и родился въ день Ереміи*, кто-то замѣтилъ мнѣ тутъ изъ слушающихъ. Какъ бы то ни было, только съ нимъ случилось на этотъ разъ по пословицѣ: *На въку — не на боку, достанется и хомяку*". „Ежедневно,— писалъ самъ Хомяковъ Погодину,—получаю пасквили безъ подписи стихами" [1].

---

[1] Барсуковъ. Кн. 13, гл. 8.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная —
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго, —
А на тебя — увы! — какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!
И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ — то Божій мечъ!

*Русск. Бесѣда 1860, кн. 2.

Раскаявшейся Россіи.

(1854).

По поводу стих. *Россіи* Хомяковъ, 4 апрѣля 1854 г., писалъ А. П. Попову: „Я написалъ стихи, изъ которыхъ конечно добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хоть и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ, и если другіе прочли и, любя Россію, въ то же время не слишкомъ разсердились на меня: развѣ ужъ это не покаяніе, или не знакъ постояннаго, хотя и не выражаемаго, покаянія? Я написалъ другую піесу вчера и посылаю ее вамъ передъ говѣніемъ". Въ письмѣ было приложено стихотвореніе „Покаявшейся Россіи". Графиня Растопчина была возмущена и этимъ стихотвореніемъ Хомякова. „Дошли ли до васъ,—писала она Погодину,—вторые стихи Хомякова, написанные подъ вліяніемъ *трусости?* Хорошъ патріотизмъ!.. Долой маски, человѣкъ высказался весь. Прощайте, все это такъ гадко, что и говорить-то тошно!" Стихотворенія Хомякова причинили автору много горечи и непріятностей. Вызванный къ Закревскому для выслушанія правительственнаго приказанія (никому не сообщать своихъ стихотвореній до утвержденія цензуры), Хомяковъ спросилъ генералъ-губернатора, бывшаго товарища по службѣ въ конной гвардіи: „Ну, а матушкѣ можно мнѣ читать свои стихи?"—„Можно, только съ осторожностью", отвѣчалъ, улыбаясь, Закревскій [1]). Своими стихотвореніями Хомяковъ особенно вооружилъ противъ себя Наслѣдника Цесаревича.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,
О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,

[1]) Объ этомъ эпизодѣ П. Бартеневъ лично слышалъ отъ Хомякова. См. „Русскій Архивъ" 1909, № 5.

Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!
Иди! Тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна — ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

По прочтеніи псалма.

(1857).

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край;
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай!
Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!
Хочу — и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ

Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплёскъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огня? Не Я ль свѣтила
Зажегъ надъ нашей головой?
Не Я ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твоей скуденъ даръ. — Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!..»

«Рус. Бес.» 1857, кн. 1.

* * *

(1859).

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.
Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились, —

Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ, —
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

«Рус. Бес.» 1859, кн. 2.

———*———

II. К. С. АКСАКОВЪ.

Сонъ [1]).

На юношу вѣщій спускается сонъ,
Мечта его сердце лелѣетъ;
И видитъ онъ: утро, уже небосклонъ
Зарею съ востока алѣетъ.
Угрюмыя тучи пылаютъ въ огнѣ
И медленно въ немъ исчезаютъ,
Бѣлѣютъ, ложась полосами, онѣ,
И неба лазурь открываютъ.
Но нѣтъ еще солнца. Вдругъ искра и лучъ
Далеко промчался мгновенный...
Вотъ солнце, вотъ красное солнце безъ тучъ!..
И день наступилъ вожделѣнный!
И слышитъ онъ: пѣсни родныя поютъ,
Родные несутся напѣвы,
И вотъ въ сарафанахъ блестящихъ идутъ,
Въ повязкахъ, прекрасныя дѣвы.
И слышитъ онъ: воздухъ потрясся кругомъ
Подъ звуками мѣди гудящей;

---

[1]) Стихотвореніе относится къ періоду увлеченія К. С. А. занятіями древнерусской исторіей, въ первой половинѣ 40-хъ годовъ.

И видитъ онъ: мужъ покидаетъ свой домъ,
На звуки призывны спѣшащій.
И сходится много на площадь людей,
Которой гордится столица:
Одежды родныя, и разумъ очей,
И древнія сильныя лица!
На площади много народу стоитъ,
На вольномъ широкомъ просторѣ;
Волнуясь, какъ море, народъ говоритъ:
Шумятъ его рѣчи, какъ море.
Онъ видитъ, онъ слышитъ — восторженный взоръ,
Восторженный слухъ, весь — вниманье!
Онъ видитъ Великій Народный Соборъ,
Онъ слышитъ его совѣщанье!
И солнце приходитъ стезею своей,
Лучи разсыпая густые
На бѣлыя стѣны, на пышныхъ церквей
Кресты и главы золотыя.
И сила, и доблесть, добро и любовь
Въ великой воскресли державѣ,
И старыя пѣсни хвалебныя вновь
Поются и Миру и Славѣ!

«Русь» 1881, № 59.

Петру [1]).

(1845).

Великій геній, мужъ кровавый,
Вдали, на рубежѣ родномъ
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы,
Съ окровавленнымъ топоромъ.
Съ великой мыслью просвѣщенья

---

[1]) Что стихотвореніе это не можетъ служить «сводомъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра» (какъ думаетъ Венгеровъ), насъ убѣждаетъ въ этомъ, помимо примѣчанія въ *Руси* къ этому стихотворенію Ивана Аксакова, цѣлый рядъ разсужденій Хомякова Ю. Самарина.

Въ своей отчизнѣ ты возникъ,
И страшныя подъялъ мученья
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной.
Ты думалъ, — быстротою взора
Предупреждая времена, —
Что, кровью политыя, скоро
Взойдутъ науки сѣмена!
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: «иди!»
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать, но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ.
Но въ часъ невзгоды удаляся,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ, таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ завѣтнаго онъ часа,
И вожделѣнный часъ придетъ,
И снова звукъ родного гласа
Народа волны соберетъ;
И снова вспыхнетъ взоръ отважный,
И вновь подвигнется рука,
Порывъ младой и помыслъ важный
Взволнуютъ духъ нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу

Борьба достигнетъ, и конецъ
Положитъ начатому дѣлу,
Достойный, истинныій вѣнецъ!
Могучій мужъ! желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила и отвага,
И духъ великій обиталъ.
Но истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русскоій жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На самобытныій трудъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты своій,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собоій.
Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Отринулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій —
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли!
Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно
И — добровольное сознанье —
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпоій
Твоій градъ, пирующіій у моря,
Сталъ Руси тяжкою грозоій.
Онъ соки жизни истощаетъ,
Названныій именемъ твоимъ
Объ Русскоій онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду,

И Русь ты смялъ. Но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда.
Такъ, будетъ время, Русь воспрянетъ,
Разсѣетъ долголѣтній сонъ
И на неправду дружно грянетъ —
Въ неправдѣ подвигъ твой свершонъ!
Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданье лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою
Возстанетъ къ жизни твой народъ
Съ своею древнею Москвою —
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо —
И твой народъ тебя проститъ.

«Русь» 1880, № 8.

Т ѣ н и.

Надъ всею Русскою землею,
Надъ миромъ и трудомъ полей
Кружится тучею густою
Толпа нестройная тѣней.
Судьбы непостижимымъ ходомъ
Воздушнымъ, блѣднымъ симъ тѣнямъ
Дано господство надъ народомъ,
Просторъ ихъ волѣ и мечтамъ.
Вампира жадными устами
Жизнь изъ народа тѣни пьютъ
И просвѣщенія лучами
Свой грѣютъ хладъ... Напрасный трудъ!
Имъ не согрѣть свой хладъ мертвящій!

Ни просвѣщенье ни народъ
Имъ жизни полной, настоящей
Не можетъ дать и не даетъ.
Народа силы истощая,
Народу заслоняя свѣтъ,
Отколь взялась тѣней сихъ стая?
Отколь сей странный Руси бредъ?
Когда Петра жестокой силой
Была вся Русь потрясена,
Когда измѣна въ ней входила,
Ея грѣхомъ возбуждена,
Когда насиліе съ соблазномъ
Пошли на Русь рука съ рукой,
Когда, смущаясь въ духѣ разномъ,
Сдавался русскихъ верхній строй,
И половина Руси пала,
Отдавшись въ плѣнъ чужихъ цѣпей, —
Тогда толпа тѣней возстала
На мѣсто попранныхъ людей.
Соблазнъ, насиліе, коварство
До цѣли избранной дошли,
И призраковъ настало царство
Надъ тяжкимъ сномъ родной земли.
Вампира жадными устами
Жизнь изъ народа пьютъ они
И, грѣясь чуждыми лучами,
Ведутъ свои безпечно дни.
Но срокъ плѣненья близъ исхода;
Судьба неслышно подошла,
Сказалось слово... Ликъ народа,
Рѣдѣя, открываетъ мгла.
И вотъ свились, смутившись, тѣни
И жалкій поднимаютъ кликъ:
Проклятья, стоны, брань и пени,
И шумъ, и гамъ кругомъ возникъ.
Мятутся, будто галокъ стая,

Завидѣвъ сокола вдали;
Шумятъ, кричатъ — не понимая
Другъ друга и своей земли.
Да, столько лѣтъ проживъ безпечно,
Безъ цѣли, мысли и труда,
Въ забавахъ жизни тѣшась вѣчно,
Народу чуждыя всегда, —
Что будутъ тѣни въ часъ, какъ новый
Ихъ жизни озаряетъ свѣтъ,
И на вопросъ судьбы суровой
Какой дадутъ онѣ отвѣтъ?..
А ты молчишь, народъ великій,
Тогда какъ надъ главой твоей
Нестройны раздаются крики
Тобой владѣющихъ тѣней:
Предметъ ихъ страха, укоризны,
Молчишь, — не помнящій обидъ:
Языческой свирѣпой тризны
Духъ христіанскій не свершитъ.
Въ тебѣ ключъ жизни вѣчно новой,
Въ тебѣ загадки смыслъ сокрытъ...
Что скажешь ты?.. Твое лишь слово
Намъ тайну жизни разрѣшитъ!

«Русь» 1880, № 6.

Гуманисту.

Ты эгоистъ, хотя бы наслажденья
Высокія испытывалъ твой духъ;
Ты эгоистъ, хотя бъ другихъ мученья
Болѣзненно тревожили твой слухъ;
Хотя бъ тебѣ высокое искусство
Открыло свѣтъ таинственный во мглѣ;
Хотя бъ въ тебѣ горѣло свято чувство
Къ прекрасному, благому на землѣ;
Хотя бъ своей любовію широкой
Ты всѣхъ людей и цѣлый міръ объялъ;

Хотя бъ ты плакалъ и страдалъ жестоко
И радостью прекрасною сіялъ...
Но ты сидишь съ простертыми руками,
Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ,
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно —
Ты полонъ къ ней участья и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...
О нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытуешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ;
Могущества ихъ общаго стремленья
Не понялъ ты, *своей* тоскою полнъ!
Оставь же *свой* отдѣльный міръ страданья,
Гдѣ ты живешь — вдали людей любя!
Участія не нужно подаянье,
Изъ цѣлаго не исключай себя.
Лишь откажись отъ личныхъ притязаній,
Живую связь поймешь ты вмигъ, и вотъ
Съ своей судьбою и моремъ колебаній
Величественъ является народъ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебѣ твои страданья замѣнятъ,—
Сильнѣй всего великій гласъ народа,
Предъ нимъ твои всѣ вопли замолчатъ!
Поймн себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того ты эгоистъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,

Страданья вялы, и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ, и ложна мечта.
Къ народу лишь свобода низлетѣла,
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

«День» 1861, № 8.

Возвратъ.

(1843).

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствія исполненъ долгій срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны, — и взятъ благой урокъ!
Оторваны могучею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, плѣнясь чужой землею,
Земли родной презрѣвши бытіе!
Преступно мы о ней позабывали,
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Насъ жизни ходъ насильственный давилъ!
Измѣнниковъ, предателей не мало
Межъ нами, въ долгомъ странствіи, нашлось:
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!
Слетѣлъ туманъ! Предъ нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ.
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ,
Отсутствію насталъ желанный срокъ!
Знакомые тѣснятся въ душу звуки,
И взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.
Пора домой! И, пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.

Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣнье
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятенья,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся.
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родноїї — все, что намъ небо дало,
Мы посвятимъ! Пускаї заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкоїї вѣруйте словамъ,
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Порукою за будущее намъ!..
Смотрите — мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На Западѣ земли лишь онъ растетъ;
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаетъ,
И скоро солнце красное взойдетъ!

«Русь» 1881, № 24.

Союзникамъ [1]).

(1844).

Не наша вѣра къ вамъ слетѣла,
Не то даетъ огонь словамъ;
Не за одно стоимъ мы дѣло:

---

[1]) Отвѣтъ Языкову, автору стихотвореній: «Посланіе къ Чаадаеву», «Къ не-нашимъ» (см. Богучарскій. «Изъ прошлаго русскаго общества», стр. 194), вмѣшавшемуся въ борьбу западниковъ и славянофиловъ «поэтическими доносами» на Герцена, Грановскаго и Чаадаева.

Вы чужды и противны намъ.
Ты, съ виду кающійся мытникъ,
Россіи самозванный сынъ,
Ея непрошенный защитникъ,
На все озлобленный Мордвинъ [1])!
Ты — нарицательное имя,
Мѣстоименье подлеца,
Зовущій къ Господу: «смири мя»
И днесь смиренный до льстеца!
И ты, писатель запоздалый,
Классическихъ носитель узъ,
Великій злостью, тѣломъ малый,
Упрямый почитатель Музъ!
И много мелочи ничтожной —
Ея и глазъ не разберетъ, —
Но разъяренный, но тревожный,
Но злой и мстительный народъ!
Не съединитъ насъ буква мнѣнья;
Во всемъ мы розно межъ собой,
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ смѣлый и прямой.
Нѣтъ, васъ не примемъ мы къ совѣту;
Не вамъ внимать родному зву:
Мы отказали Маржерету,
Какъ шли освобождать Москву!
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, — на бой!

«Русск. Архивъ» 1879, № 1.

---

[1]) Вигель.

Поэту-укорителю.

(1845).

Напрасно подвигъ покаянья
Ты проповѣдуешь землѣ
И кажешь темныя дѣянья
Съ упрекомъ гордымъ на челѣ...
Ихъ знаетъ Русь. Она омыла
Не разъ нечистыя дѣла;
Съ смиреньемъ Господа молила
И слезы горькія лила.
Быть-можетъ, и теперь рыдаютъ
Въ тиши, отъ насъ удалены,
И милость Бога призываютъ
Неизмѣнившіе сыны.
Знакомо Руси покаянье, —
О немъ не нужно говорить, —
Съ покорностью свои страданья
Она умѣетъ выносить!..
Но есть плѣнительный для взора,
Несознанный, тяжелый грѣхъ, —
И онъ лежитъ клеймомъ позора
И на тебѣ, на насъ на всѣхъ!
Тотъ грѣхъ: постыдная измѣна,
Блестящей куплена цѣной,
Оковы нравственнаго плѣна,
Надменность цѣпью золотой!
То — злая гордость просвѣщенья,
То — жалкій лепетъ словъ чужихъ,
То — равнодушіе, презрѣнье
Родной земли и дѣлъ родныхъ!..
Легко мы все свое забыли
И, обратясь къ чужимъ странамъ,
Названье «Руси» уступили
Неизмѣнившимъ ей сынамъ,

И древней Руси достоянье —
Съ чѣмъ было слито бытіе —
Намъ стало чуждо покаянье,
Когда мы бросили ее!
Не тамъ тотъ грѣхъ, гдѣ *Русь* и нужда!..
Ты видишь блескъ чужихъ одеждъ,
Ты слышишь звуки рѣчи чуждой
Сихъ образованныхъ невѣждъ;
Ты видишь гордость снисхожденья
И лоскъ заемный чуждыхъ странъ,
И пышный блескъ благотворенья,
И спесь ученыхъ обезьянъ;
И ты ли, пользуясь плодами,
Что́ всѣмъ измѣна намъ дастъ,
Гремишь укорными словами
На тяжко стонущій народъ?!
Нѣтъ, къ намъ направь свои укоры,
Насъ къ покаянію зови,
Да увлажатся наши взоры,
Сердца исполнятся любви!
Пусть покаянье намъ поможетъ
Прогнать преступный шумъ утѣхъ,
Пусть отчужденье уничтожитъ,
Пусть смоетъ нашъ тяжелый грѣхъ!
Я вѣрю: дѣло совершится,
Преобразимъ мы жизнь свою,
И весь народъ соединится
Въ одну великую семью;
И духъ одинъ, и мысль, и слово
Насъ вмѣстѣ мощно обойметъ, —
И сила покаянья снова
Во всемъ народѣ оживетъ!

«Рус. Архивъ» 1879. I.

Свободное слово.

(1853).

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!
Лишь духу власть духа дана, —
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью — равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ — опасно одно
Свободное слово!
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство — тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!
О слово, даръ Бога святой!..
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной, —
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

«Русь» 1880, № 1.

Весна.

I.

1856 г.

(По поводу нѣкоторыхъ признаковъ реакціи).

Краснѣетъ лѣсъ, темнѣютъ степи,
Весенній вѣтеръ потянулъ...
И таютъ ледяныя цѣпи,
Вездѣ движеніе и гулъ.
Отрадно мягокъ воздухъ; птица
Напѣвъ тревожный свой ведетъ;
Надеждою сіяютъ лица:
Зима прошла, весна идетъ.
Весна идетъ! Но власть не скоро
Зима свою уступитъ ей
И силой грознаго отпора
Не разъ смутитъ сердца людей.
Вдругъ вѣтеръ съ сѣвера завоетъ,
Мятель съ морозомъ налетитъ,
И снова землю снѣгъ покроетъ...
Опять зимы суровый видъ!
Но этотъ снѣгъ не страшенъ, — даромъ
Что видъ зимы съ собой несетъ.
«То новый снѣгъ пришелъ за старымъ»,
Премудро говоритъ народъ.
Не устрашатъ насъ ни морозы
Ни снѣгъ весеннею порой:
Простимъ безсильныя угрозы
Зимѣ, идущей на покой.

«Молва». № 55.

II.

Я не зналъ, что солнце скинетъ
Нынче облачный покровъ,
Волны свѣта съ неба сдвинетъ

И свой лучъ привѣтно кинетъ
На меня изъ облаковъ.
Я не зналъ... и лучъ желанный
Тѣмъ отраднѣй для меня,
Что негаданный, нежданный
Онъ блеснулъ съ высотъ, посланный
Солнца даръ на радость дня.
Свѣтъ! все ясно, все доступно,
Все вокругъ озарено,
Все что мелко, все что крупно...
Солнце, лучъ твой неподкупный
Смотритъ строго и ровно!
Видѣть мнѣ въ душѣ отрадно,
Какъ твой лучъ, вредъ злу и мглѣ,
Все что ладно, что не ладно —
Безпристрастно, безпощадно
Обличаетъ на землѣ.
Истинѣ щита не нужно:
Пусть лишь солнца свѣтъ горитъ,
Озаряя землю дружно —
Все исчезнетъ, что недужно,
И здоровье побѣдитъ.

«Молва» 1857, № 35.

Князь Луповицкій

или

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ.

(1851).

Вышла въ свѣтъ въ 1856 году. Князь Луповицкій въ кругу пріятелей, въ Парижѣ, развиваетъ свои планы; онъ ѣдетъ въ свою деревню „цивилизовать“ народъ, „привить просвѣщеніе Европейское“ къ этому „дикому, необразованному“ народу (прологъ). Въ деревнѣ онъ созываетъ сходъ мужиковъ, въ которомъ держитъ рѣчь: „Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искусствъ. *(Горячась).* Ничего не пожалѣю, никакихъ трудовъ... ни безсонныхъ ночей, ни утомительныхъ дней, ни... препятствія природы, ни человѣческія препятствія не остановятъ меня.— Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ по́томъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ пила? Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если то нужно. Я передамъ вамъ тѣ нравственныя сокровища, добытыя мной, которыя я долженъ разсѣять здѣсь.—Повѣрьте мнѣ, я васъ уважаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. *(Пауза).* Господа! я въ вашихъ распоряженіяхъ. *(Въ сторону).* Какъ хорошо бы это было по-французски!“ — Народъ расходится, недоумѣвая... Князь Луповицкій, мечтавшій преобразовать своихъ крестьянъ „въ отношеніи религіозномъ, нравственномъ, общественномъ и художественномъ“, былъ посрамленъ въ бесѣдѣ со старостой (см. ниже); когда узналъ, что на сходкѣ мужики, не желая отдавать въ рекруты безроднаго парня Андрюху („грѣхъ міру спроту обидѣть“) и въ то же время не желая обидѣть многосемейнаго старосту, всѣми любимаго, умнаго Антона, рѣшили купить рекрутскую квитанцію стоимостью въ 800 рублей серебромъ, онъ пришелъ въ совершенное изумленіе... „Я сегодня доволенъ. Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ бо́льшимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple!“

Комедія К. Аксакова подчеркиваетъ пропасть между „цивилизаторомъ“—интеллигентомъ и народомъ, каждой страницей пытается доказать, какая сила, умственная, нравственная и религіозная, скрывается въ нѣдрахъ крестьянской жизни.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луповицкій одинъ завтракаетъ.

Луповицкій.

Хорошо, немедленно примусь за дѣло. Какъ я доволенъ; у меня есть дѣятельность, — право. Сегодня я долженъ говорить обо всемъ со старостой, ему первому сообщить мои мысли. Я нарочно написалъ всѣ пункты на бумагѣ. *(Беретъ со стола бумагу и просматриваетъ.)* А, вотъ моій министръ. Здравствуій, моій любезныій Антонъ. *(Антонъ кланяется. Послѣ молчанья.)* Мнѣ надо поговорить съ тобой, Антонъ. Я тебѣ говорилъ, что я хочу сдѣлать перемѣны.

Антонъ.

Говорили, ваше сіятельство. *(Въ сторону.)* Вотъ тѣ на, какъ на пашню онъ насъ посодитъ.

Луповицкій.

Ну скажи, не находишь ты самъ, что нужны перемѣны? А? *(Улыбается.)* Ну какія, ты полагаешь, перемѣны я придумалъ?

Староста.

Можетъ, оброкъ прибавите, батюшка.

Луповицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! О матеріалистъ Антонъ! Не безпокойтесь, друзья мои; перемѣны будутъ другаго рода.

Антонъ.

Не знаю, что за перемѣны, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Я хочу, чтобы пониманіе ваше... какъ сказать... интеллектуальное образованіе, ну... нравственное, нравственное ваше достоинство возвысилось. *(Антонъ молчитъ.)* Я говорю не ясно, можетъ-быть; но лучше къ дѣлу. Скажи мнѣ, религіозны ли вы? А? То-есть, ходите ли вы въ церковь?

Староста.

Ходимъ, ваше сіятельство.

Луповицкій.

И прекрасно, друзья мои, прекрасно. О будьте религіозны, вѣрующіе. Я принадлежу къ такимъ людямъ, которые уважаютъ вѣру, считаютъ ее даже главнымъ дѣломъ. Я вамъ совѣтую именно быть религіозными; исполняйте, что велитъ вамъ религія или вѣра.

Староста.

Мы исполняемъ, сколько силы нашей.

Луповицкій.

Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви; конечно я пришелъ не къ началу, однако служили еще, и я видѣлъ, что народу не много.

Староста.

Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли; а это служили молебны; такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разошлись.

Луповицкій *(сконфузившись).*

Да точно, да, молебны. Позволь, однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать.

Староста.

Да какъ же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ.

Луповицкій *(совсѣмъ сконфузившись).*

Бываетъ, да, бываетъ, точно. *(Принимается за завтракъ.)* Не хочешь ли ты позавтракать? Я тебѣ велю тамъ подать. *(Указываетъ ему на свой завтракъ.)*

Староста.

Нѣтъ, батюшка, не стану.

Луповицкій.

Отъ чего?

Староста.

У насъ постъ, батюшка; это скоромное.

Луповицкій.

Постъ, — какой постъ?

Староста.

Петровки, батюшка.

Луповицкій.

Петровки! *(Кладетъ вилку и ножикъ.)* Признаюсь, не зналъ.

Староста.

Ваше дѣло господское, батюшка.

Луповицкій.

Ну, я вижу, что на счетъ религіи или вѣры говорить нечего; вы близки къ ней. — Теперь о другомъ. *(Смотритъ въ бумажку.)* Что, дѣлаете ли вы добро?

Староста.

Случается, батюшка, подаемъ.

Луповицкій.

Подаете нищимъ, это хорошо; но вѣдь не всякой подаетъ?

Староста.

Какъ, батюшка, нищему не подать? Ну, а если кто не захочетъ, тотъ ужъ самъ себѣ худо дѣлаетъ.

Луповицкій.

Да вѣдь можетъ случиться, что кто-нибудь не подаетъ? Скажи, можетъ случиться?

Староста.

Можетъ статься.

Луповицкій.

Ну, такъ я вотъ что придумалъ. Вы устройте у себя благотворительный хороводъ.

Староста.

Какъ, ваше сіятельство?

Луповицкій.

Благотворительный хороводъ.

Староста.

Что жъ это будетъ такое?

Луповицкій.

А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода,—каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйкѣ, или по полушкѣ, въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу.—А? Хорошо?

Староста.

Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то, веселье-то зачѣмъ?

Луповицкій.

А веселье для того, чтобъ охотнѣе дали; иной бы можетъ быть безъ этой причины и не подалъ, а для веселья подастъ.

Староста.

Стало, батюшка, человѣкъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подастъ. Гдѣ жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что?

Луповицкій.

Положимъ, добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все же польза.

Староста.

Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, такъ ужъ тутъ какая польза, тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ нищаго увидишь, и вздохнешь, и подумаешь, что вотъ де нищая братья, да и подашь; такъ оно для души много. А тутъ, что это будетъ? Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ.

Луповицкій.

Но польза, моій любезный Антонъ, польза!

Староста.

Такъ, батюшка, да польза-то эта со вредомъ душѣ нашей; такъ что въ ней толку-то, въ пользѣ? Доброе дѣло будетъ безъ добра. Да позволь тебѣ сказать, батюшка: ты видалъ ли, какъ мы милостыню подаемъ? Кто принялъ — перекрестится, кто подалъ — перекрестится. Да вотъ, взгляни, батюшка, въ окошко. *(Подходитъ, и съ нимъ Луповицкій къ окну.)* Видишь, нищій подошелъ къ избѣ; видишь, нищій крестится; видишь, и въ избѣ крестятся, благодарятъ, что сподобилъ Господь нищему подать.

Луповицкій.

Il n'est pas bête, cet homme.

Староста.

Да позволь тебѣ доложить: вѣдь Богу бы можно было и всѣхъ нищихъ обогатить; пользу-то Онъ можетъ послать имъ не по нашему; такъ что жъ они все ходятъ, да просятъ? Не денегъ вѣдь только, батюшка, они просятъ, а чтобъ мы душою воздохнули, да подали нищей братіи, для Бога; вотъ оно, батюшка, что.

Луповицкій.

Ты умно говоришь.

Староста.

По мужицки, батюшка. Еще, батюшка, сказано: кто нищему подаетъ, Богу подаетъ; какъ же я, батюшка,

въ хороводѣ-то, горло распустивъ, Богу подамъ? И милостыня у насъ святая зовется; а тутъ какая будетъ святая милостыня, — для своей потѣхи гамъ да плясъ? Нѣтъ, батюшка, послушай моихъ неразумныхъ рѣчей; не дѣлай этого, ты народъ соблазнять будешь; оно, батюшка, дѣло худое. Пусть добро добромъ и будетъ, а съ потѣхой его не мѣшай.

Луповицкій.

Je suis battu, tout à fait. Ну, мой Антонъ, ты разсуждаешь такъ умно... къ тому же я принуждать васъ не намѣренъ, — стало быть, дѣлайте, какъ хотите. *(Антонъ кланяется; молчанье; Луповицкій смотритъ въ бумажку.)* Ну, постой. Скажи мнѣ, много у васъ грамотныхъ?

Староста.

Мало, батюшка.

Луповицкій.

Ну, а грамоту, ты не отвергаешь?

Староста.

Грамота хорошее дѣло: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

Луповицкій.

Ну, я радъ, что въ этомъ мы сходимся. Я бы хотѣлъ школу завести.

Староста.

Грамотѣ учить?

Луповицкій.

Да.

Староста.

Такъ чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубля четыре или хоть три; онъ тебѣ учить и станетъ и выучитъ; а мы отъ грамоты не прочь.

Луповицкій.

Пожалуй, я и на это согласенъ. Мнѣ надо будетъ для васъ книгъ накупить, книгъ для народа, приноровленныхъ къ понятію народа. Понимаешь?

Староста.

Какія же это книги, батюшка?

Луповицкій.

Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простого ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ, нужныхъ для крестьянина; напримѣръ о томъ, что такое быкъ.

Староста.

Быкъ?

Луповицкій.

Ну да, быкъ. Я думаю, быкъ много значитъ въ вашемъ быту.

Староста.

Не ужъ-то же, батюшка, мы быка не знаемъ. Неужели и того не знать, около чего цѣлый вѣкъ ходишь.

Луповицкій.

Тамъ не только о быкѣ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ; тамъ говорится, что не надо лгать, пьянствовать, ну... и такъ далѣе. Вѣдь эти книги для васъ нужны.

Староста.

И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь кто жъ этого не знаетъ? Не дѣлаютъ только.

Луповицкій.

Ну, да все же не худо объ этомъ еще почитать.

Староста.

Не худо, кто говоритъ; только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано; врядъ ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги.

Луповицкій.

Гдѣ? Какія?

Староста.

Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ-то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость. *(Кланяется.)* Онѣ намъ нужны, а денегъ не у всякаго хватитъ.

Луповицкій.

Хорошо, хорошо. *(Смотритъ въ бумажку.)* Вотъ что еще. Отчего такъ вы грязны, неопрятны? Крестьянки ходятъ босикомъ. Это нездорово даже.

Староста.

Да дѣло наше такое, батюшка; одежи у насъ не сколько; возимся въ землѣ, да въ навозѣ. А кабы не работали, были бы и мы бѣленькіе, да чистенькіе. Да что жъ, мы отъ работы не прочь. Работа, батюшка, человѣку еще не обида; ужъ не дивись только, что кожа загрубѣетъ и мозоли на рукахъ.

Луповицкій.

Вѣдь однако посмотри, какія у тебя грязныя руки; вѣдь какая разница съ моими. *(Сравниваетъ свою руку съ рукою старосты.)* Просто даже совѣстно.

Староста.

Кому, батюшка, совѣстно?

Луповицкій.

Конечно тебѣ должно быть совѣстно.

Староста.

Э, батюшка! Въ навозѣ возимся, какъ же быть-то? Оттого, батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны; ну и на здоровье.

Луповицкій.

Il a infiniment d'esprit, cet homme. Постой; еще я бы желалъ, чтобъ вы больше думали о своемъ здоровьѣ. Вотъ вышла одна умная книжка, въ Россіи, по-русски: совѣты крестьянкамъ. Тамъ сказано, что для здоровья, крестьянки должны перемѣнять чулки всякой разъ, какъ промочатъ ноги.

Староста.

Батюшка, да онѣ въ рабочіе дни зачастую и безъ чулокъ ходятъ. А коли бы всякоій разъ, какъ ноги промочатъ, чулки мѣнять: такъ и чулковъ бы не напаслись, да только бы цѣлый день и дѣлали, что перебувались.

Луповицкій.

Ну хорошо, хорошо. *(Смотритъ въ бумажку.)* А вотъ, если бъ, если бъ... я впрочемъ не настаиваю, если бъ вы, хоть мало-по-малу, согласились снять платье которое вы носите, и надѣли бы наше.

Староста.

А за чѣмъ же это, батюшка?

Луповицкій.

Да такъ лучше.

Староста.

Удобнѣе что ли оно, или красивѣе платье-то ваше?

Луповицкій.

Нѣтъ, я не утверждаю ни того, ни другого; но знаешь, всѣ такъ ходятъ; во-первыхъ, мы ходимъ; потомъ, всѣ другіе иностранные народы тоже. Зачѣмъ же вамъ отставать отъ другихъ?

Староста.

Да не изъ чего и приставать, батюшка. Пусть ходитъ, какъ кто хочетъ. Изъ какихъ причинъ свое то платье я кину, а чужое надѣну? Ужъ ли же оттого, что то свое, а то чужое? А вѣдь больше не изъ чего, батюшка, и самъ ты говоришь. Свое, такъ и долоій его, а чужое, такъ его и надѣваій? Не будетъ ли это ужъ обидно, батюшка?

Луповицкій.

Il a toujours raison. Ну хорошо, хорошо; довольно объ этомъ. Я сказалъ, что не настаиваю. А ты скажи мнѣ... *(Смотритъ въ бумажку.)* Вотъ еще что я придумалъ. За всякое доброе дѣло вѣдь надо награждать? *(Антонъ молчитъ.)* Что жъ ты? Вѣдь надо?

Староста.

Коли человѣкъ хорошій, батюшка, — отчего его и не поправить, и не помочь ему.

Луповицкій.

Да, тото, — ну видишь. — Если кто изъ огня когонибудь выхватитъ, ну тамъ, ну какъ-нибудь еще поможетъ, ну денегъ дастъ, такъ этому я даю кушакъ шелковый, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серги. Ты опять молчишь. Не ужъ-то и это не нравится?

Староста.

Ваше сіятельство. Говоришь ты умно, ужъ какъ умно; да мы-то глупы, такъ и мекаемъ не по твоему.

Луповицкій.

Ну говори, какъ ты мекаешь?

Староста.

А вотъ что, батюшка, я скажу. Дѣлаетъ человѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ, батюшка, не изъ награды его дѣлаетъ; такъ ты наградою его обидишь, да и доброе-то дѣло ты не добромъ покажешь. А коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, такъ ужъ это какое доброе дѣло? и награждать-то его не за что.

Луповицкій *(отирая лобъ).*

Такъ ужъ за доброе дѣло и награждать нельзя.

Староста.

Не тебѣ, батюшка, за добрыя дѣла награждать. Кто крестьянинъ исправный, работаетъ хорошо, ты награди его. А добрыя дѣла, — человѣка кто выручилъ, или что другое, — они вѣдь прямо отъ души, для Бога дѣлаются: такъ какой тебѣ слѣдъ награждать,— прости, батюшка, глупыя мои рѣчи. Да и сказано, чтобы не хвалиться передъ человѣками добрыми дѣлами, не выказываться; а тутъ какъ кушакъ-то онъ повяжетъ, такъ вѣдь всякому въ глаза свое доброе дѣло и сунетъ. Вѣдь это выходитъ добрымъ дѣломъ щеголять, батюшка. По моему глупому разуму, коли въ правду добрый чело-

вѣкъ, ему и повязать-то такой кушакъ будетъ совѣстно. Добрыя дѣла вѣдь прячутся, людямъ на глаза не лезутъ. Ну а чего Боже сохрани, кто изъ-за награды дѣлать добро станетъ, соблазнится, такъ вѣдь это человѣкъ пропащій. Вѣдь и написано, батюшка: кто мзду свою здѣсь пріялъ, тотъ ужъ тамъ ее не жди.

Луповицкій (*сбитый совершенно съ толку*).

Антонъ, ты гдѣ учился?

Староста.

Нигдѣ, батюшка.

Луповицкій.

Грамотѣ умѣешь?

Староста.

Умѣю, батюшка.

Луповицкій.

Что ты читалъ?

Староста.

Церковныя книги, батюшка.

Луповицкій.

Церковныя?

Староста.

Церковныя.

Луповицкій.

А! (*Ходитъ по комнатѣ.*) Любезный мой Антонъ, что у васъ сегодня? сходка объ рекрутахъ?

Староста.

Да, батюшка; сходка будетъ.

Луповицкій.

Сколькихъ отдаете?

Староста.

Да трехъ отдали за вины: за пьянство и буянство; а вотъ четвертаго, такъ не знаемъ кого; сходка за тѣмъ и будетъ.

Луповицкій.

Хорошо, ступай же; какъ рѣшатъ, доложи мнѣ.

Староста.

Слушаю, батюшка; прощенья просимъ, ваше сіятельство.

ЯВЛЕНІЕ II.

Луповицкій *(одинъ).*

Надо признаться, что я потерпѣлъ сильное пораженіе. Battu, complètement battu. Какъ онъ уменъ однако, этотъ Антонъ. Гмъ! *(Ходитъ.)* Не даромъ говорятъ, что народъ русской имѣетъ умъ; еще бы! бездну ума. Что жъ дѣлать однако? Принуждать, этого я никогда дѣлать не стану; да и къ тому же я долженъ по совѣсти согласиться, что онъ правъ, ce ministre des affaires interieurs. Что дѣлать, не знаю; надо въ томъ сознаться, хоть оно мнѣ и не выгодно. Какое странное мое положеніе. Вѣдь я долженъ сказать однако, что многія вещи я не такъ понималъ, что я, однимъ словомъ, не понималъ, даже теперь еще не вполнѣ понимаю. Русской народъ, да. Отчего же это? Отчего? *(Молчаніе.)*

III. И. С. АКСАКОВЪ.

Зимняя дорога.

(Licentia poëtica).

Напечатана была въ Московскомъ Сборникѣ 1847. Все содержаніе сценъ сводится главнымъ образомъ къ бесѣдамъ двухъ молодыхъ людей—Архипова и Ящерина, ѣдущихъ изъ Москвы на имянины одного помѣщика. Дѣйствіе происходитъ въ повозкѣ, частью на станціяхъ. Иванъ Аксаковъ изобразилъ въ этомъ произведеніи представителей двухъ противоположныхъ началъ — западника и славянофила. Всѣ симпатіи автора несомнѣнно на сторонѣ Архипова. Въ одномъ мѣстѣ авторъ набрасываетъ мрачную картину деревенской жизни:

„Черная, бѣдная изба, освѣщенная двумя горящими лучинами... Ребятишки всѣхъ возрастовъ, въ изорванныхъ и грязныхъ рубашонкахъ, лежатъ частью на полатяхъ, частью на печкѣ, частью сидятъ на полу. За перегородкой слышится хрюканье свиней, мычанье телятъ и т. п.“. Больше подробностей изъ народной жизни находится въ поэмѣ И. Аксакова *Бродяга,* напечатанной въ *Московскомъ Сборникѣ* 1852 г. Поэма эта интересна между прочимъ оригинальнымъ стихотворнымъ размѣромъ, который позднѣе встрѣтится въ русской литературѣ у Некрасова. („Корнилъ бурмистръ ругается, Кузьма Петровъ ругается, и шумъ и крикъ на улицѣ“ и т. д.).

Архиповъ.

Люблю я зимній, красный день:
Онъ гонитъ прочь покой и нѣгу;
Люблю глядѣть, когда по дѣвственному снѣгу,
По ярко-бѣлому слегка ложится тѣнь!
Смотри, какъ на краю дороги, здѣсь на правомъ,
Насъ отражаетъ солнца свѣтъ,
И наша тѣнь, въ размѣрѣ величавомъ,
Съ повозкой, съ ямщикомъ за нами скачетъ вслѣдъ.

Деревья снѣжною опушены одеждой,
И синева прозрачна и ясна,
И воздухъ чистъ, — и грудь надеждой
И чувствомъ юныхъ силъ полна!
По ровному пути несешься; вмѣсто крылій
Полозья гладкіе скользятъ
Легко, подвижно, безъ усилій,
И искры снѣжныя по сторонамъ летятъ,
Блестя на солнцѣ. Подъ ногою
Хруститъ морозъ. А тамъ, недалеко,
Надъ каждою избой, надъ каждою трубою,
Синѣетъ дымный столбъ: сначала высоко,
Все прямо, прямо подымаясь,
Потомъ мѣняя стройный ходъ,
Ложится косвенно и, въ облако сливаясь,
Теряется. Роскошный неба сводъ,
И въ бѣломъ образѣ прекрасная природа,
И лица свѣжія и бодрыя народа,
Все веселитъ меня. Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей,
Могу прибѣжище, свободнѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!

Ящеринъ.

Ты фантазируешь не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю порой
Природу и стихи; но занятъ я покуда
Все той же думою одной.
Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь, —
Я не съ одной хочу сочувствовать страною, —
Во мнѣ пространнѣе любовь!
Природой русскою и русскимъ человѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть,
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ!

Архиповъ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ аршиномъ мѣрить,
И пировать въ пиру чужомъ,
Кому не нужны мы — о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!
Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому — вновь
Воздать все прежнее значенье, —
Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ,
Итти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья, —
Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе онъ допуститъ къ сердцу,
Что̀ отзывъ въ немъ родной найдетъ.
Что̀ чужестранецъ не пойметъ,
Что̀ будетъ дико иновѣрцу!
Пусть онъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу...
Но непроложеннымъ слѣдо̀мъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!
Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя, презрѣнное, сорвало!

Ящеринъ.

Смѣшно твое негодованье,
Безумны дѣтскія мечты!
Ужели думать смѣешь ты,
Твое свершится ожиданье?
Скажи: что дѣлалъ нашъ народъ,
Когда тяжелыми трудами
Другіе собирали плодъ,
Взращенный долгими вѣками?
Они собою движутъ міръ,
Гордяся опытомъ и славой;
Богатъ ихъ жизни, шуменъ пиръ,
Ихъ достоянье величаво!
Они рѣшатъ задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья...
А гдѣ же ты своимъ мечтамъ
Нашелъ основу? Гдѣ спасенье?
Нѣтъ! обольщаться не спѣши
Одной потѣхою гремучей!
Гдѣ тѣ сокровища — могучей
Народа Русскаго души?
И я не чувствую ни мало
Въ себѣ пристрастья твоего:
Гдѣ, въ чемъ лежитъ *его* начало?
Что̀ намъ порукой за *него?*

Архиповъ.

Кто имѣетъ слухъ — да слышитъ,
Кто имѣетъ очи — зритъ;
Въ комъ живое чувство дышитъ, —
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Возражать не буду я:
Блескомъ внутренняго свѣта,

Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня!

Раздаются звуки русской пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»... Ѣдутъ большія розвальни, запряженныя тройкой, въ которыхъ сидятъ человѣкъ до 10 мужиковъ и поютъ. Поровнявшись, они обмѣниваются съ ямщикомъ поклонами.

Ящеринъ.

Что̀ за народъ, откуда?

Ямщикъ.

Да съ работы, изъ города, къ празднику домой торопятся. Экъ ихъ тамъ насѣло! Любо, весело ѣдутъ.

Ящеринъ.

Ну, ну, пошелъ!

Ямщикъ *(погоняя).*

Эй вы, залетныя!

Архиповъ.

Какая пѣсня, что̀?

Ящеринъ.

Ну хороша, конечно,
Готовъ признаться я. Но развѣ тутъ и все?
Позволь теперь чистосердечно
Сказать мнѣ про тебя сужденіе мое:
Хоть есть въ тебѣ и искреннее чувство,
Но пользы отъ того не вижу никакой!
Напротивъ, ты живешь одной своей мечтой,
Отъ дѣла ты отвыкъ и бредишь про искусство.
Насиліе творя душѣ своей,
Національное ты ставишь ей кумиромъ.

Напрасенъ трудъ: ей жить привольнѣй съ цѣломъ міромъ,
Ей тамъ отраднѣй и свѣтлѣй!
Затѣмъ-то полонъ ты вопросовъ и сомнѣній,
И поэтическимъ мечтамъ
Не хочется, въ среду дѣйствительныхъ явленій
Сойдя, разрушиться... Вѣдь правда, знаешь самъ!

Архиповъ.

Отчасти, долженъ я признаться,
Что правда есть въ твоихъ словахъ:
Еще не могъ вполнѣ я съ жизнью уравняться,
Быть цѣльнымъ существомъ, хоть въ молодыхъ годахъ!
Но я тебѣ во всемъ другомъ противорѣчу...

Москва 1846 г.

Съ преступной гордостью.

(1845).

Съ преступной гордостью — обидныхъ,
Тупыхъ желаній и надеждъ,
Рѣчей безъ смысла, думъ постыдныхъ,
И остроумія невѣждъ;
Въ весельяхъ наглыхъ и безбожныхъ,
Средь возмутительныхъ забавъ
Гніете вы, — условій ложныхъ
Надменно вытвердя уставъ!
Блестящей свѣтской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы вашихъ помысловъ тщету?
Того, что вамъ судьба готовитъ,
Еще ли страхъ васъ не проникъ?
Все также лжетъ и срамословитъ
И раболѣпствуетъ языкъ!
Не стыдно вамъ пустыхъ занятій
Богатствъ и прихотей своихъ,

Вамъ ни почёмъ страданья братій,
И стоны праведные ихъ!..
Господь, Господь! вонми моленью,
Да прогремитъ бѣдами громъ
Земли гнилому поколѣнью
И впрахъ разсыплется Содомъ!..

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ.

(1846).

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ,
Съ утра до вечера толкуемъ
И ждемъ счастливѣйшей поры.
Мы негодуемъ, мы пророчимъ,
Мы суетимся, мы хлопочемъ...
Куда ни взглянешь — всѣ добры!
Обманъ и ложь! Работы черной
Намъ ненавистенъ трудъ упорный;
Не жжетъ насъ пламя нашихъ думъ,
Не разрушительны страданья!..
Умомъ ослаблены мечтанья,
Мечтаньемъ обезсиленъ умъ!
Въ нашъ вѣкъ — вѣкъ умственныхъ занятій
Мы утончились до понятій
Движеній внутреннихъ души, —
И сбились съ толку! и блуждаемъ,
Порывовъ искреннихъ не знаемъ,
Не слышимъ голоса въ тиши!
Въ замѣну собственныхъ движеній,
Спѣшимъ, набравшись убѣжденій,
Души наполнить пустоту:
Твердимъ, кричимъ и лжемъ отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!
И предовольные собою,
Гремучей тѣшимся борьбою,

Себя увѣривъ безъ труда,
Что прямодушно, не безплодно,
Приносимъ «мысли» благородно
Мы въ жертву лучшіе года!
Не свыкшись съ скорбью ожиданья,
Давно мы сдѣлали «страданья»
Житейской роскошью для насъ:
Безъ нихъ тоска! а съ ними можно
Разсѣять скуку — такъ тревожно,
Такъ усладительно подчасъ!
Тоска!.. Исполненный томленья,
Міръ жаждетъ, жаждетъ обновленья...
Его не тѣшитъ жизни пиръ!
Дряхлѣя, мучится и стынетъ...
Когда жъ спасеніе нахлынетъ
И ветхій освѣжится міръ?..

„День“ 1862, № 29.

Къ портрету.

(1846).

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И, толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой.

«Московскій Сборникъ» 1847 г.

Пусть сгибнетъ все.

(1849).

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная Ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..
Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы!.. вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

«Русская Бесѣда» 1859, № 6.

На новый 1858 годъ.

(1857, дек. 31).

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ, —
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

«Русская Бесѣда» 1858, № 1.

IV. Библіографическій указатель.

A. Собранія сочиненій [1]).

1. Аксаковъ И. С. въ его письмахъ. Часть I, т. 1, 2, 3; ч. II, т. 4. М. 1888. Спб. 1896.

Для изученія славянофильства матеріалъ первостепенной важности. Съ особенной яркостью вскрывается отношеніе Аксакова къ Николаевскому режиму и первымъ годамъ царствованія Александра II. См. также I—VII т. полнаго собранія его сочиненій. М. 1886—87.

2. Аксаковъ И. С. Сборникъ стихотвореній. Изд. 2. М. 1896.

Собраніе не полное, но заключаетъ все главное изъ поэтическихъ произведеній автора. Печатный текстъ иногда сильно отличается отъ рукописнаго (особенно въ поэмѣ «Бродяга»).

3. Аксаковъ К. С. Полное собраніе сочиненій. 3 тома. М. 1861, 1875 и 1880.

Изданіе осталось незаконченнымъ.

4. Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя «Похожденія Чичикова и Мертвыя Души». М. 1842.

Брошюра вызвала страстную полемику автора съ Бѣлинскимъ, находившимъ мнѣніе Аксакова о поэмѣ Гоголя, какъ о новой «Иліадѣ», неправильнымъ.

5. Освобожденіе Москвы въ 1812. М. 1848.

6. Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню. Комедія въ 2 д. Съ прологомъ. М. 1856.

7.—Олегъ подъ Константинополемъ. Драматич. пародія въ 3 д., въ стихахъ. Спб. 1858.

8. Статьи **К. С. Аксакова** изъ *Молвы* въ *Русскомъ Архивѣ* 1900, кн. XI. («Ученіе славянофиловъ по статьямъ газеты «Молва» 1857»).

Сюда вошли только передовицы Аксакова.

9. Собраніе стихотвореній. М. 1909.

Сюда не вошли, между прочимъ, переводы изъ Шиллера и Гёте, помѣщенные въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и такъ восхищавшіе Бѣлинскаго.

10. Кирѣевскій И. В. Полное собраніе сочиненій. 2 т. М. 1861.

Въ I томѣ цѣнные матеріалы для біографіи К.

11. Самаринъ Ю. Ѳ. Сочиненія. 10 томовъ. М. 1877—96.

12. Хомяковъ А. С. Сочиненія. 8 томовъ. М. 1900.

---

[1]) Много статей, не вошедшихъ въ собранія сочиненій, или не издано или разсѣяно въ журналахъ «Молва», «Парусъ», «День», «Русь», въ «Русскомъ Архивѣ» (за разные годы).

В. Біографіи и біографическіе матеріалы.

1. **Аксакова В. С.** Дневникъ. Минувшіе годы. 1908, № 8 и 12.
Чрезвычайно интересный матеріалъ для характеристики семьи Аксаковыхъ, ихъ настроеній и взглядовъ въ періодъ 1854—1855.

2. **Анненковъ.** Литературныя воспоминанія. Спб. 1909.
Большой интересъ представляетъ статья «Замѣчательное десятилѣтіе», описывающая споры западниковъ и славянофиловъ, ихъ разрывъ, сцены прощанія и т. д.

3. **Барсуковъ.** Жизнь и труды Погодина. Т. I—XVIII.
Масса свѣдѣній о славянофилахъ. Указатели — въ VII томѣ къ первымъ книгамъ и составленный **В. Майковымъ** *Азбучный указатель* къ книгамъ VIII—XIII — помогаютъ разобраться въ грудахъ сырого, но цѣннаго матеріала.

4. **Венгеровъ.** Критико-біографическій словарь. Томъ I.
Статьи объ Аксаковыхъ К. С. и И. С. съ указаніемъ литературы. Большая статья о К. С. А. вошла затѣмъ въ *Очерки по исторіи рус. лит.* Спб. 1907 г. подъ заглавіемъ «Передовой боецъ славянофильства».

5. **Герценъ.** Въ собраніи сочиненіи, изд. Ф. Павленковымъ, разсѣяно множество фактовъ и яркихъ характеристикъ славянофильства. Пользованіе *именнымъ указателемъ* (въ VII томѣ) облегчаетъ работу читателя. Особенно любопытна во II т. глава XXX изъ «Былое и Думы».

6. **Завитневичъ.** А. С. Хомяковъ. Т. I, кн. 1 и 2. Кіевъ. 1902.
Указана почти вся литература о Х. до 1902 года. Біографія переплетается съ критической оцѣнкой общественной, историческо-научной дѣятельности Х. и его богословскихъ трудовъ.

7. **Колубовскій.** Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. «Вопросы философіи и психологіи». 1891.

8. **Кошелевъ А. И.** Записки. Berlin, 1884.
Много любопытныхъ фактовъ о всѣхъ выдающихся славянофилахъ находится въ главахъ 2, 3, 9, 10 и особенно 8.

9. **Колюпановъ.** Біографія А. И. Кошелева. Т. I, кн. 1 и 2; т. II. М. 1889, 1892.
Особенно важенъ II т., охватывающій 1832—56 г. Въ приложеніи письма И. Кирѣевскаго, Аксаковыхъ, Хомякова.

10. **Лясковскій.** Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. М. 1899.

11. » Хомяковъ А. С., его жизнь и сочиненія. М. 1897.
Во второй части данъ сводъ сочиненій Хомякова.

12. **Панаевъ И.** Литературныя воспоминанія. Спб. 1876.
Интересные факты о К. С. Аксаковѣ, Хомяковѣ и др. славянофилахъ, во II части, гл. 1 и 5.

13. **Смирновъ.** Аксаковы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1895.

14. **Шенрокъ.** С. Т. Аксаковъ и его семья. «Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.» 1904, X—XII.

15. **Языковъ Д.** Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей.
Въ VI выпускѣ (Спб. 1889) данъ очеркъ жизни И. С. Аксакова и указана литература о немъ (стр. 14—22). Дополнительныя данныя въ выпускахъ VII, VIII, IX и XI.

С. Изслѣдованія и критическія статьи о славянофильствѣ.

1. **Арсеньевъ.** Критическіе этюды. Т. II. Спб.
   Статья объ И. С. Аксаковѣ, какъ поэтѣ.
2. **Бердяевъ.** Sub specie aeternitatis. Спб. 1907.
   Статья «А. С. Хомяковъ, какъ философъ».
3. **Бороздинъ А.** Литературныя характеристики. Т. II, вып. I. Спб. 1905.
4. **Веселовскій А. Н.** Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 4-е издан. М.
   Указаны аналогичныя славянофильству умственныя и общественныя теченія разныхъ европейскихъ народовъ.
5. **Виноградовъ П. Г.** И. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. «Вопросы философіи и психологіи» 1892, XI.
6. **Вѣтринскій Ч.** Грановскій и его время. М. 1897.
   Въ главахъ III, VII—IX даны общая характеристика эпохи и исторія кружковъ 40 годовъ.
7. **Вѣтринскій Ч.** Герценъ. Спб. 1908.
   Глава XII вскрываетъ отношенія славянофиловъ и западниковъ.
8. **Вѣтринскій Ч.** Въ «Исторіи рус. лит. XIX в.», подъ ред. Овсянико-Куликовскаго, въ вып. 7 статья «Сороковые годы XIX в.» даетъ общую характеристику и оцѣнку славянофильства.
9. **Гершензонъ.** Историческія записки. М. 1909.
   Мастерски написанные очерки о И. Кирѣевскомъ и Ю. Самаринѣ. Книга выясняетъ по преимуществу метафизическія основы славянофильства.
10. **Градовскій А.** Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 1901.
    Въ сочин. «Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ» заслуживаетъ вниманія глава: «Первые славянофилы».
11. **Завитневичъ.** А. С. Хомяковъ, какъ богословъ. Кіевъ. 1905. Т. I—II.
12. **Ивановъ-Разумникъ.** Исторія русской общественной мысли. Т. I. Спб. 1908.
13. **Колюпановъ.** Очеркъ философской системы славянофиловъ. «Русское Обозрѣніе» 1894, 7—11.
14. **Корниловъ.** Общественное движеніе при Александрѣ II. М.
15. **Котляревскій Н.** А. С. Хомяковъ, какъ поэтъ. «Русская Мысль» 1908, окт.
16. **Максимовичъ.** Ученіе первыхъ славянофиловъ. Кіевъ. 1907.
17. **Миллеръ О.** Ученіе первоначальныхъ славянофиловъ. «Русская Мысль» 1880, I, III.
18. **Мих... Бор...нъ.** Происхожденіе славянофильства. Спб. 1891.
19. **Пановъ.** Славянофильство, какъ философское ученіе. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.» 1880, XI.
20. **Пыпинъ.** Характеристики литературныхъ мнѣній. Спб. 1906.
    Въ гл. 6 и 7 разсматриваются теологическая основа славянофильства и историческіе и обществ. идеалы школы. «Исторія русской этнографіи». Т. II. гл. 7 (о К. С. Аксаковѣ).
21. **Сакулинъ.** Русская литература во второй четверти XIX в. Въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», изд. т-ва Гранатъ. Вып. 6 и 7.
    Яркая характеристика славянофильства (гл. 3) и поэтическихъ произведеній школы (гл. 5).

22. **Семевскій.** Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Т. II. Спб.

Въ главѣ 13 разсматривается отношеніе славянофиловъ къ крестьянскому вопросу.

23. **Соловьевъ В.** Сочиненія. Т. V. (Національный вопросъ въ Россіи).

24. **Сухомлиновъ.** Изслѣдованія и статьи. Спб. 1889. Т. II.

Въ главахъ «Снятіе опалы съ славянофиловъ» и «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ» по первоисточникамъ разсказана исторія цензурныхъ мытарствъ «Московскихъ сборниковъ» и ареста И. Аксакова.

25. **Чернышевскій.** Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893.

Въ 3 главѣ данъ очеркъ ученія славянофиловъ.

D. Библіографія литературы о славянофильствѣ.

Помимо указанныхъ выше трудовъ **Венгерова, Завитневича, Колубовскаго, Языкова** библіографическія свѣдѣнія, далеко не полныя, находятся въ книгѣ:

1. **Мезіеръ.** Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе. Часть II. Спб. 1902.

См. отдѣлъ I и особенно отдѣлъ IV (матеріалы для исторіи славянофильства)—стр. 582—588.

И М 42477

Л20 Б-3 18а

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. Е. ГРУЗИНСКАГО, ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ Н. Л. БРОДСКАГО, Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА и Н. П. СИДОРОВА.

Историко-литературная библіотека имѣетъ цѣлью служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія.

I. **Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И ПЕРЕПИСКѢ.** Составилъ В. В. Каллашъ.

Содержаніе: Вступительныя статьи.—Избранныя мѣста изъ воспоминаній П. В. Анненкова, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, И. И. Панаева, А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. В. Берга.—Сводъ извѣст. о II т. „Мертвыхъ душъ“.—Избр. письма Гоголя.—Библіографія. 263 стр. Ц. 1 руб.

Министерствомъ Народн. Просв. **признана** подлежащей внесенію въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ, а равно и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Гл. Упр. воен.-уч. зав. **допущена** въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

II. **ЗАПАДНИКИ 40-хъ ГОДОВЪ**: Н. В. Станкевичъ, **В. Г. Бѣлинскій**, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и другіе. Составилъ Ѳ. Ѳ. Нелидовъ.

Содержаніе: Хронологическія даты.—Руководящая статья составителя.—Письма и статьи: П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина, В. Г. Бѣлинскаго, А. И. Герцена, Т. Н. Грановскаго, В. П. Боткина.—Библіографія. 272 стр. Ц. 1 руб.

III. **А. С. ГРИБОѢДОВЪ.** Сост. А. Д. Алферовъ.

Содержаніе: Вступительная статья.—Грибоѣдовъ и его время.—Сочиненія Грибоѣдова.—Изъ писемъ Грибоѣдова.—Пушкинъ о Грибоѣдовѣ и его пьесѣ.—Изъ „Записокъ Современника“.—С. П. Жихарева.—Грибоѣдовская Москва въ перепискѣ М. А. Волковой съ В. И. Ланской.—Библіографическія указанія. 231 стр. Ц. 80 к.

IV. **А. С. ПУШКИНЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И ПИСЬМАХЪ.** Составилъ Н. А. Заозерскій.

Содержаніе: Вступительныя статьи.—Избранныя мѣста изъ воспоминаній А. С. Пушкина, И. И. Пущина, А. Н. Вульфъ. А. П. Кернъ, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, В. И. Даля, И. С. Тургенева, В. А. Жуковскаго.—П. В. Анненковъ. Изъ матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина.—Н. В. Гоголь. Нѣсколько словъ о Пушкинѣ.—Статьи и замѣтки А. С. Пушкина.—Письма А. С. Пушкина.—Хронологическая канва.—Указатель литературы о Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Цѣна 1 руб.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА: въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

Цѣна 1 руб.

РНБ РУССКИЙ ФОНД

Л20 $\frac{Б-3}{18а}$